

Семен Малков

**Вертикаль
жизни-3**

Ветер перемен

Annotation

«Ветер перемен» — заключительный роман трилогии Семена Малкова «Вертикаль жизни».

Последнее десятилетие XX века: политические бури, финансовые пирамиды, незаслуженное возвышение одних и нищета других. Время, когда родные дети становятся чужими, а чужие — прирастают к сердцу. Семья академика Артема Наумова волею судьбы оказывается на острие жизни. И даже в их уютном доме не скрыться от невзгод «нового» мира, если только...

Роман читается с захватывающим интересом.

- [Семен Малков](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Эпилог](#)
-

Семен Малков
Ветер перемен

Пролог

...Сознание к больному вернулось нескоро. Но даже очнувшись, Артём Сергеевич Наумов был так слаб, что не открывал глаз, хотя все уже мог слышать.

— Слава Богу, кажется, обошлось, он приходит в себя, — как сквозь вату, донесся до него голос профессора. — Но нового приступа академик не выдержит, и вам, Варвара Александровна, надо быть ко всему готовой. Он вряд ли продержится еще сутки. Неизбежное может случиться в ближайшие часы. Так что, мужайтесь!

— Разрешите мне остаться возле него, — услышал он знакомый и такой родной голос Вари и испытал радость, придавшую ему немного сил. — Я хочу находиться в эти часы рядом, — всхлинула Варя, видимо сдерживая слезы. — И если уж так суждено, быть с ним до последнего дыхания. — Не выдержав, она зарыдала.

«Значит, конец уже близок, и надо примириться с неизбежным, — устало подумал старый академик. — Собственно, я давно себя к этому приготовил, но все же жаль Варю. Ей трудно будет без меня одной».

Артёму Сергеевичу захотелось открыть глаза и немного поговорить с ней на прощание. Но это потребовало бы усилия, на которое из-за сковавшей его слабости он чувствовал себя неспособным. И поневоле его мысли обратились к приближающемуся моменту перехода в небытие. Даже в столь трудном психологическом состоянии верх брала любознательность ученого. «Ну что же, скоро точно узнаю, существует ли бессмертие души и есть ли загробная жизнь», — как бы в утешение, но не без тайной надежды подумал академик.

Отчетливо сознавая, что земной путь подошел к концу, ему больше всего захотелось еще раз проверить, все ли им сделано из того, к чему обязывали его ум и совесть. И перед мысленным взором Артёма Сергеевича вновь предстали самые яркие и значительные события последнего, наиболее драматичного периода его долгой жизни.

Часть первая

Эйфория перемен (1991–1995 гг.)

Глава 1

Дыхание свободы

Вынужденная отставка Президента СССР Горбачева и запрет КПСС так опьянили победивших сторонников Ельцина, что на первых порах они, видимо, ни о чем другом не могли думать, кроме раздела партийной собственности и антикоммунистической реставрации. Без принятия законодательных актов ими захватывались здания и кабинеты аппарата КПСС не только в столице, но и по всей территории страны. Всеми элитными лечебными учреждениями, базами отдыха и хозслужбами ЦК партии немедленно завладело Управление делами Президента России. А куда девались деньги КПСС, так и осталось неизвестным.

Расправа со свергнутым режимом выразилась не только в ликвидации аппарата КПСС и конфискации имущества, но и в спонтанном разгроме служб КГБ. В результате работа столь важного органа была дезорганизована, что не могло не нанести серьезный и отчасти непоправимый ущерб государственной безопасности России.

Реставрация главным образом выражалась в массивной кампании по возвращению улицам и площадям, носящим имена вождей и деятелей революции, их старых названий, а также в повсеместном восстановлении разрушенных в годы советской власти храмов и церквей. У Артёма Сергеевича Наумова это вызывало одобрение, однако он считал, что новая власть должна решать более важные и первоочередные задачи.

— Не понимаю, почему этому уделяют так много сил и внимания, когда надо заниматься более насущным — поднять благосостояние народа, — посетовал он в беседе с заглянувшим к нему Царевым. — Сдается мне, что окружение Ельцина, как и он сам, растерялось и просто не знает, с чего начать работу.

Его друг Царев, как когда-то и Артём Сергеевич, испытывал трудности со своей докторской диссертацией. Дела у него обстояли еще хуже, поскольку ему не утвердили даже тему, и он пришел посоветоваться, что предпринять. Владимир Иванович был настроен консервативно и не верил бывшим партийным и комсомольским аппаратчикам, которые ныне называли себя демократами.

— Напрасно так думаешь. Они и не собираются ничего делать для народа, — убежденно заявил он. — Их сейчас интересует только дележка пирога. Каждый хочет урвать для себя кусок пожирнее. А то, что делают, —

дымовая завеса, чтобы отвлечь внимание сограждан.

— Ты слишком уж сурово судишь, — не согласился Наумов. — Насчет самого Ельцина, может, и прав. А вот его окружение — ректоры институтов и профессура — по-моему, хотят и могут многое сделать для страны. Просто их оттесняют проходимцы — бывшие партаппаратчики.

— Ошибаешься, старик. Эти краснобаи способны только болтать, — скептически усмехнулся Царев. — Дашь им власть — ничего полезного не сделают! Урвут для себя деньги и под благовидным предлогом отваяют.

— Ты несправедлив! — горячо возразил Артём Сергеевич. — Ленинградский профессор Корчак и москвич Дьяков, как народные депутаты, внесли много конкретных предложений. Надо дать им возможность воплотить это в жизнь.

— Пустозвоны! Они, между прочим, хотят стать градоначальниками, — неодобрительно отозвался Царев. — Если даже их изберут, то они провалят дело, так как ничего не смыслят в городском хозяйстве.

— А я за них! Поскольку главное — чтобы политик был честным и стремился выполнить свою программу, — стоял на своем Наумов. — Хозяйственные вопросы будут решать специалисты его команды. Как во всех демократических странах.

— Ладно, не заводись — вот увидишь, что я прав, — закрыл эту щекотливую тему Владимир Иванович, которому не терпелось перейти к более насущному для него вопросу. — Представляешь? Мне забаллотировали на ученом совете тему диссертации. Тайным голосованием!

— Почему тайным? Это же должно решаться открыто! — поразился Артём Сергеевич. — Такого еще не бывало. А ведь в вашем академическом институте очень солидный совет!

— Совет и правда весьма авторитетный. Сплошь громкие имена, — согласился Царев и нехотя объяснил: — Но среди них много моих личных врагов.

— Успел нажать, когда заседал в парткоме? — вопросительно взглянул на него Наумов. — Наверно, был слишком крут и принципиален?

— Требовал, конечно, что тогда было положено. Но врагов нажил не поэтому. В нашем совете много евреев. Известные ученые. А меня считают антисемитом.

Артём Сергеевич удивленно воззрился на старого друга.

— Вот так раз! Почему? Много лет тебя знаю, а такого даже предположить не мог.

— Никого из них я никогда не обидел. Как коммунист был всегда за дружбу народов, — обиженно объяснил Царев. — А ославили меня только потому, что я — русский патриот, и не скрываю этого!

— В этом ничего плохого нет, если ты, конечно, не проявлял шовинизма. Но почему же тогда на тебя ополчились евреи? Разве в вашем совете их большинство?

— Конечно, нет. Но и русские не в большинстве. Наш совет, как и вся Россия, многонационален. Наверно, — понурился Царев, — мне придется поменять место работы.

— А вот этого делать нельзя! — замотал головой Артём Сергеевич. — Уйдешь, и тогда уж к тебе точно приклеят ярлык. И всюду у тебя будут враги, ибо Россия, как ты верно отметил, многонациональна. — Он на миг задумался и мягко добавил: — Ты лучше рассей сомнения коллег на свой счет! Каждому присущи национальные пристрастия, и я верю, что ты никогда никого не оскорбил. Только не обижайся на членов совета, и они тебя амнистируют!

— Пожалуй, ты прав. Постараюсь наладить с ними отношения, — смущенно согласился Царев. — Но в отношении близких к Ельцину профессоров-горлопанов ты все же ошибаешься, — вернулся он к теме, не затрагивающей его самолюбие. — Ну сам посуди, какие они демократы? Просто хитрецы, использующие конъюнктуру для своей пользы. Раньше из кожи вон лезли, прислуживая КПСС, а теперь с той же прытью кинулись в другую сторону.

Его доводы породили у Артёма Сергеевича сомнения в том, что прекрасные мысли и предложения, которые представители новой демократической волны высказывали в прессе, на митингах и по телевидению, будут ими претворены в жизнь. И все же он решил не поддаваться унынию: душа жаждала перемен.

* * *

Положительной стороной разгрома КПСС и КГБ явилось то, что ощутимо повеяло ветерком свободы. Так сняли ограничения на выезд из страны, и потоки эмигрантов, в большинстве евреев, осадили посольства США, Германии и Израиля. Но главное — было покончено с обязательным прохождением парткомиссий, волокитой в КГБ, и получить загранпаспорта стало намного легче. Это стимулировало деловые поездки за рубеж, не говоря уже о туризме.

Давняя мечта Артёма Сергеевича и его жены повидать Париж стала вполне реальной. Правда, у них и раньше был шанс побывать в самой притягательной из мировых столиц, сделавшейся прибежищем русской эмиграции. Уезжая туда на пять лет, Аня обещала им прислать приглашение. Но то ли забыла, то ли муж был против, однако в гости они их так и не пригласили. А в последний год у Наумова с дочерью произошел окончательный разрыв.

Артём Сергеевич уже давно был внутренне подготовлен к этому тяжелому шагу, хотя и старался его избежать, памятуя, что худой мир лучше доброй ссоры. Начиная с первой свадьбы, где Аня прилюдно отреклась от родного отца, в его душу запала глубокая обида на дочь, и с годами она не утихла. А когда назвала своего первенца в честь отчима, боль достигла своего пика.

Искрой, вызвавшей взрыв, как ни странно, явился единственный подарок Ани, который она сделала отцу за все годы, что была за границей. После посещения Артёмом Сергеевичем их дачи, когда он привез внуку трехколесный велосипед, а ее не застал, дочь приехала к нему домой, чтобы поговорить о том, о чем там не успели.

— Встречайте добренького Санта-Клауса, — весело сказала она еще в дверях, протягивая ему объемистый пакет. — Это тебе, отче! Не очень я была щедра на подарки, но зато этот — шикарный. Он все окупает. Настоящий «Адидас»!

Варя, как всегда, позаботилась об угощении. Когда уселись за стол, редкая у них гостья предложила:

— Папуля! Может, сначала наденешь мой подарок? Ты еще не старый и подтянутый, как спортсмен. Тебе пойдет спортивный костюм известной фирмы. Мало кто здесь, — подчеркнула она с важным видом, — имеет такой же. Это — последняя мода!

Если бы Артём Сергеевич послушал дочь, то скорее всего они бы сразу же и поссорились. Но ему не захотелось идти переодеваться, когда уже сидели за столом, и он мягко возразил:

— У нас еще будет время. Приятно, что на сей раз обо мне не забыла. Все мы любим подарки, — добавил он, мысленно упрекнув Аню за то, что не привезла хоть какой-нибудь пустячок для Вари, но вслух этого не высказал.

Они так редко виделись, что отчитывать дочь за адюльтер и наставлять в семейных делах, о чем просила Надежда, Артём Сергеевич не стал. Завел разговор о парижской жизни, надеясь, что она сама откроет причину разлада с мужем. Но Аня не захотела касаться этой темы, и он вынужден

был спросить:

— Что это за история с изменой Вадиму, о которой сказала мне твоя мать? Не скрывай от нас, дочка! Мы ведь тебе не чужие.

— Не знаю, чего она подняла такой звон, — ушла от откровенного разговора Аня. — Уж нельзя мне завести приятеля. Представляешь, папуля? Его вызвали в КГБ и пригрозили, что, если будет со мной встречаться, станет невыездным!

Артём Сергеевич, конечно, не признался в том, что вняли его совету, но счел нужным высказать на сей счет принципиальное мнение.

— Конечно, не мое это дело вмешиваться в вашу семейную жизнь. Только ты сама можешь решать, устраивает ли тебя муж. Но я против обмана и грязи в семейной жизни! Я тогда встретил на дороге твоего приятеля. Это ведь его «Волга» застряла в кювете? И у меня не осталось сомнений в характере ваших отношений.

— Так мне что же третий раз выходить замуж? — вспыхнула Аня. — Тем более что все говорят, что он — темный делец.

— А что, лучше жить с нелюбимым мужем? — неодобрительно глянул на дочь Артём Сергеевич. — Сейчас отношение к коммерсантам меняется.

— Но Вадима прочат послом в Чехословакию. Мама считает, что он далеко пойдет, — опустив глаза, сказала Аня. — И ребенку нужен отец.

— Да разве я за то, чтобы ты бросила мужа? — рассердился Артём Сергеевич. — Но нельзя жить с ним и наставлять ему рога. Это подло! — Чувствуя, что разговор не получился, он встал из-за стола: — Ладно, живи, как знаешь. Пожалуй, пойду примерю твой подарок.

Артём Сергеевич пошел в спальню и развернул шелестящий пакет. Спортивный костюм был очень красив, но когда он его надел и посмотрел на себя в зеркало, то обмер. Столь велик был размер, очевидно рассчитанный на гиганта. Захотелось немедленно снять с себя это безобразие, но возмущение так переполняло душу, что, путаясь в брюках, он все же прошел в гостиную. Его появление вызвало дружный смех.

— Это что, шутка? — отсмеявшись, спросила Варя. — Где ты его откопала? Такого огромного роста не встретишь даже у баскетболистов!

— И мне хотелось бы знать, как это случилось. — Артём Сергеевич был вне себя от обиды и огорчения. — Ты сама его покупала?

— Прости, я не думала, что он так велик, — еле сдерживая смех, сказала Аня. — Это Вадик подложил свинью, — быстро добавила она. — Не знаю, откуда у него этот костюм. Мама пыталась продать, но в комиссионке не взяли. Вот она и предложила подарить тебе.

— Ну спасибо, доченька, порадовала! Не пойму только, чего в тебе

больше: скупости или бесстыдства? За все время ты сделала один подарок, и то такой, который никому не нужен. Неужто я не заслужил лучшего?

— А что, заслужил? — неожиданно обрушилась на него Аня. — Бросил меня ребенком и подарки делал только на праздники и дни рождения.

— Ну и ну!.. Тебе маленькой я бы еще простил. Но ты давно уже взрослая и должна отвечать за свои слова, — еле сдерживая гнев, сказал Артём Сергеевич. — Знаешь ведь, что я тебя не бросал и денег давал достаточно. И подарки делал. Все ты отлично знаешь, и за эту наглую ложь — Бог тебе судья!

— Ты еще пожалеешь, папа, о своих словах. Не увидишь больше ни меня, ни внука! — вспылила Аня, вставая. — Так и будет, пока не извинишься.

— Внука я потерял, когда ты назвала его чужим именем, — вскипел Артём Сергеевич. — И извиняться должна — ты! Иначе эту подлую клевету я тебе никогда не прощу!

Потрясенная Варя слушала, как они ссорятся, не в силах произнести ни слова. Так же молча она вышла в прихожую проводить Аню и закрыла за ней дверь, не сделав даже попытки к примирению, — столь сильно ее душа страдала от несправедливой обиды, нанесенной отцу дочерью.

* * *

Семейных огорчений добавила внезапная смерть Бандурского. Здоровье у Семена Ефимовича было слабое. Он давно страдал диабетом. Но регулярное лечение и забота любящей жены поддерживали его в работоспособном состоянии, несмотря на то, что ему шел уже восьмой десяток. Подкосили всеми уважаемого главного редактора столичной газеты развал Советского Союза и крах КПСС.

Наумов всегда испытывал к своему зятю глубокую симпатию. И дело было не только в его выдержке и тактичности, благодаря чему за долгие годы между ними не произошло ни ссор, ни даже существенных разногласий. Не говоря уже о безукоризненном отношении Бандурского к его старшей сестре. Больше всего Артёму Сергеевичу нравились в нем доброжелательность и внимание к людям, без различия их положения, что редко встречалось у партийных сановников высокого ранга и за что его любили сотрудники.

— Семен Ефимович был скромн и никогда не чванился своим

положением, — поминали его добрым словом пришедшие на гражданскую панихиду коллеги. — Несмотря на занятость, всегда находил время, чтобы принять и выслушать человека, дать добрый совет.

— Он был на редкость честным партийцем и мудрым человеком, — сказал о Бандурском единственный из бывших членов горкома, присутствовавший на похоронах. — Никогда не участвовал в интригах. Доброжелательно слушал всех, но не примыкал ни к одной стороне. Власти менялись, а его никто не трогал. Ценили за порядочность и как профессионала.

Благополучно делавший карьеру при всех генсеках КПСС, Бандурский был награжден многими орденами и медалями за заслуги перед государством. Если бы не крах КПСС и развал Советского Союза, его похороны были бы пышными и многолюдными. Но теперь лишь немногие из известных журналистов осмелились почтить память бывшего члена горкома, а из разогнанного партийного руководства пришли проститься с ним единицы.

Отчаяние Лёли, в одночасье лишившейся не только любящего супруга и надежной опоры в жизни, но и завидного положения в обществе, не поддавалось описанию. Она была привязана к мужу всем сердцем и, по сути, посвятила ему свою жизнь. Всегда элегантная и подтянутая, она как-то сразу погасла и увяла.

— Не представляю своего существования без Сенечки, — скорбно призналась она Артёму Сергеевичу. — Чувствую, что и моя жизнь кончилась, потеряла всякий смысл.

— Ну зачем же так мрачно смотреть на вещи? — неловко пытался утешить сестру Артём Сергеевич. — У тебя ведь еще есть дочь и внук. Не говоря уже обо мне. Ты не одна на свете.

— У вас у всех своя жизнь, — безутешно вздыхала Лёля. — Вике не до меня. И Диме тоже. Он уже совсем взрослый.

— Ну вот скоро ты у него на свадьбе погуляешь, — бодрым тоном подхватил Артём Сергеевич. — И Вике твои советы сейчас пригодятся. Ее мужу будет непросто удержаться на плаву в нынешней обстановке.

Зять сестры, Николаев, был видным деятелем Союза писателей, ректором института, и в связи со сменой власти проблемы в семье у Вики были немалые. Забот прибавляло и то, что сын Дима кончал факультет журналистики, и ему надо было устраиваться на работу. Теперь, после смерти Бандурского, получить хорошее место ему было сложнее.

— Ты должна помочь им справиться с возникшими проблемами, используя свои старые связи, — посоветовал Артём Сергеевич сестре. —

Сеня оставил по себе добрую память и на первых порах от тебя не отвернутся. Ведь многие сейчас сохранили свои посты. Особенно в прессе.

— Наверное, братец, и правда я смогу для них что-то сделать, — согласилась Лёля. — Но сейчас я все свои силы и время посвящу памяти Сенечки. Я хочу похоронить его достойно и поставить такой памятник, который напоминал бы всем о его заслугах.

* * *

С развалом СССР фирма, в которой работал Наумов, захирела и вскоре обанкротилась. Лопнули контракты по оснащению аэропортов в ряде бывших союзных республик, которые все разом оказались некредитоспособными. На их переоборудование фирма израсходовала большие деньги и погасить долги поставщикам не смогла.

Потеряв постоянную работу, Артём Сергеевич решил было принять участие в конкурсе на завкафедрой учебного института, но жена отсоветовала.

— Побереги здоровье, Тёмочка, оно тебе еще пригодится, — решительно возразила Варя, когда он сообщил ей о предложении ректора. — Не стоит тебе связываться с такой большой нагрузкой. Учить студентов могут и другие, а ты должен завершить то, что задумал для гражданской авиации.

— Но теперь у меня нет возможности продолжать начатое дело. Не смогу я в одиночку убедить ни одну из авиакомпаний России. А о наших бывших республиках и говорить нечего!

— А ты попробуй вновь заинтересовать правительство России. Сам знаешь, как возросло число авиакатастроф, — посоветовала Варя. — Напомни им, что твой проект повышает безопасность полетов.

— Так-то оно так, но боюсь, что это будет напрасной тратой времени. И все, что накопили, мы израсходуем, — удрученно ответил Артём Сергеевич. — Тогда прощай наш план съездить с тургруппой в Париж!

— Ничего, даст Бог, съездим, — стояла на своем Варя. — Я буду экономить. И потом, кроме пенсии, ты еще получаешь за научное руководство. Зато у тебя будет время, чтобы проталкивать свой проект!

В ее словах был резон, и все же Артём Сергеевич согласился не сразу.

— Нет, с нашими бюрократами у меня ничего не выйдет. Они сейчас заняты только личным обогащением, — мрачно заключил он. — Мой проект можно осуществить, лишь оснащая технические базы

авиакомпаний. Надо продолжить дело, начатое моей фирмой. Необходим большой капитал, которого у меня нет.

Однако после небольшого раздумья принял решение:

— Ладно, попробую! Толстосумов уже немало. Инвестиции в мое дело дадут им не только большую прибыль, но и политические дивиденды, чего многие добиваются, — объяснил он свою идею. — Ты права. У меня будет время для подготовки учредительных документов и деловых встреч с потенциальными партнерами.

— Но я против того, чтобы ты занимался этим в одиночку. У тебя не хватит сил вытянуть этот воз, — поняв, что задумал муж, обеспокоилась Варя. — Сначала ты должен найти себе компаньона помоложе, и будет лучше, если именно он возглавит фирму.

Это был дельный совет. «Вряд ли стоит мне самому тянуть этот воз. Мой возраст — серьезная помеха. Силы уже не те, — мысленно согласился с женой Наумов. — Надо, чтобы во главе дела был более молодой. Вместе с компаньоном можно быстрее подыскать инвесторов».

Прежде всего Артём Сергеевич постарался заинтересовать тех, кого он знал и кому доверял. В первую очередь своих молодых друзей из числа авиационных специалистов.

Самым молодым и энергичным из них был Николай Максименко. К тому же он давно мечтал о создании своей фирмы и этим целеустремленно занимался последние годы. Но Наумов знал, что дела у Николая Павловича продвигаются туго, так как он задумал основать страховую компанию, обслуживающую все авиационные и космические предприятия. Наладить с ними контакты и получить поддержку было очень трудно.

Очевидно, чиновничьей зарплаты Максименко на это не хватало, поскольку последний год он вынужден был даже подрабатывать извозом. Открылось это, когда у товарного склада конкуренты прокололи колеса его машины, и ему пришлось обратиться за помощью к своему другу Наумову.

— Создать страховую компанию трудноосуществимо. Слишком сильна конкуренция! — Так аргументировал свое предложение Наумов. — А наша фирма займет свободную нишу. Эффективность ее работы очевидна. Документы готовы. И найти инвесторов сообща будет легче. Тебя знают руководители авиапредприятий, аэропортов и поставщики оборудования.

— Ты прав, дела мои продвигаются медленно и со скрипом. Слишком много уже страховых компаний, и созданию новой препятствуют. Но я не отступлю! — немного подумав, отказался Максименко. — Надеюсь, что все решат личные связи с руководителями крупных предприятий. Они меня знают и поверят, что смогут извлечь из этого пользу.

Не согласился стать главой фирмы и Михаил Полуниин.

— Я ненамного моложе тебя, и здоровье у меня не крепче, — резонно рассудил он. — Помочь тебе создать фирму и организовать работу я готов, но взвалить на свои плечи всю ответственность — так же, как и ты, считаю неразумным.

— Но у тебя, Миша в отличие от меня есть кому ее передать, — попытался уговорить его Наумов. — Твой зять сейчас без работы, и дочь переучивается на бухгалтера. — Они оба инженеры-радиотехники и вполне пригодились бы нашей фирме. В случае чего зятю и передал бы бразды правления.

Несмотря на все старания, Артёму Сергеевичу так и не удалось подыскать главу фирмы из числа своих друзей. Из-за продолжавшегося упадка экономики многие потеряли работу как в промышленности, так и в армии. Наумов даже вел переговоры с молодым полковником из генштаба — мужем Вариной знакомой. Но подобрать нужную кандидатуру на должность генерального директора не смог и прекратил дальнейшие попытки.

* * *

Большим разочарованием для него в тот период явились также неудачи «деморосов» — так называли тогда членов движения «Демократическая Россия». Близкий сподвижник Ельцина Дьяков, избранный мэром, внезапно подал в отставку, а его помощник, не менее известный политик Краскевич тоже покинул свой пост, обвиненный в коррупции. Именно с ними Артём Сергеевич связывал надежды на перемены к лучшему.

— Дьяков не раз высказывал умные идеи по подъему экономики и уровня жизни населения, — убеждал он Варю и друзей. — Если ему удастся осуществить хотя бы часть их, то дела пойдут в гору.

Однако так ничего и не сделав, Дьяков добровольно ушел со своего поста, обманув ожидания своих избирателей и передав бразды правления помощнику, заправлявшему городским хозяйством при прежней власти. Истинные причины своего ухода он так и не объяснил, сославшись на состояние здоровья.

Городом правит старая чиновничье-криминальная мафия, и профессор ее испугался, — так объясняла его бегство досужая молва. — Дьяков быстро понял, в какую клоаку попал. Наверное, его хотели купить или угрожали лишить жизни. Вот он и слинял, испугавшись угроз или не желая

брать взятки. А Краскевич проявил слабость, и его на этом подловили.

Это было похоже на правду. Мздоимство дорвавшихся до власти «демокрадов» было очевидным. Судя по потоку разоблачительных публикаций в прессе, многие популярные политики из окружения Ельцина на почве незаконного обогащения пали жертвой то ли собственной жадности, то ли провокаций своих противников.

Много шума наделало скандальное присвоение собственности за границей известным сподвижником президента, крупным журналистом, который после разоблачения сразу сошел с политической арены. Но еще больше разочаровала Наумова популярная телеведущая Белкина, которая тоже была сподвижницей Ельцина и славилась своей приверженностью к правде и демократии.

— Мне просто не верится, Тёмочка, что и она оказалась способной на такое, — сказала Варя, просматривая газету с очередным сенсационным разоблачением. — Что же это происходит? Неужто не осталось честных людей?

— А что там с Белкиной? Я что-то слышал краем уха.

— Ей доверили руководство телеканалом. А здесь пишут, что Белкина через мужа развела там коммерцию, и они незаконно обогащались. По существу занимались казнокрадством, — пояснила Варя и с сожалением добавила: — Она, одна из многих, мне очень нравилась, и я думала — ей-то можно верить.

— А может, это очередная газетная утка? — усомнился Артём Сергеевич. — Сейчас журналисты могут позволить себе все что угодно. А если прижмут, сразу вопят о нарушении свободы слова. Этим во всю пользуются грязные политики, клеветца на своих противников.

— И мне не хочется верить. Да уж больно много приводится фактов, — вздохнула Варя. — Канал проверяли финансовые органы, они-то и вскрыли все это мошенничество. Иначе его и не назовешь!

— Печально, но похоже, что все эти «деморосы» — лишь очередная клика, которая вопреки красивой болтовне и сладким посулам жаждет только одного: обогатиться за счет остального народа, — печально констатировал Артём Сергеевич. — Остается надеяться, что обманщиков разоблачат и примерно накажут. А на смену им придет новая волна более честных политиков.

Однако вопреки этим надеждам президент России своих провинившихся соратников не наказывал — вероятно, из-за прежних заслуг. И лишь под сильным давлением общественности удалял от себя наиболее оскандалившихся и одиозных. Это походило на цепную реакцию,

и вскоре его «команда» фактически полностью обновилась.

* * *

Новое окружение президента состояло почти сплошь из «уральцев». Видно, выходцам с Урала, которых хорошо знал, Ельцин доверял больше других. Он там родился, вырос, окончил институт и много лет работал, начав строителем и закончив первым секретарем обкома партии. Видимо, сформировать новую команду из проверенных за время работы земляков ему не составило труда.

Этот сплоченный коллектив был столь монолитен, что на его фоне казались чужеродными другие первые лица государства: бывший летчик, вице-президент Руцкой, исполнявший обязанности премьер-министра бывший «завлаб» Гайдар и спикер Верховного Совета, маститый профессор, чеченец Хасбулатов. И если главу Совмина и спикера парламента окружали собственные команды, то вице-президент был как бы сам по себе и не пользовался никаким влиянием.

Авторитарный стиль руководства главы государства осудил даже ярый сторонник, Максименко. Как-то в разговоре с Наумовым он недовольно обронил:

— Ты видишь, с помощью своей уральской команды Ельцин правит страной фактически единолично. До добра это не доведет. Разве не ясно, что Руцкой и Хасбулатов с таким положением не смирятся?

— Но ведь министрами руководит Гайдар, а не Ельцин, — возразил Артём Сергеевич. — Какое же это единовластие? Хасбулатов — не исполнительная власть, а Руцкой — лишь помощник, он не вправе командовать самостоятельно.

— Вот и ошибаешься! — усмехнулся Николай Павлович. — Не Гайдар руководит правительством и со своими бывшими комсомольцами определяет политику. Глава Верховного Совета тоже, как и вице-президент, фактически отстранены Ельциным от власти, хотя это не пешки, с которыми можно не считаться. Они — влиятельные политики, за ними — десятки миллионов их сторонников.

— Ты прав, Коля, — согласился Артём Сергеевич. — Ведь и Хасбулатов очень популярен, и Руцкой — лидер крупной политической партии. Не считаться с ними — ошибка. Но я не понял, кто же, как не Гайдар, командует в Совмине?

— Сразу видно, что вы, ученые, далеки от политики. Первый зам

Гайдара, госсекретарь — вот кто проводит в жизнь решения президента и его команды. Он тоже с Урала и, по сути, руководит кабинетом министров, ибо их назначение зависит не от Гайдара, а от него. Недаром госсекретаря за глаза кличут «серым кардиналом».

Тогда Наумов не слишком поверил Николаю Павловичу, но вскоре получил подтверждение тому, что его друг верно оценивает политическую обстановку. Мужа Вики неожиданно для всех назначили министром правительства России! Новость, о которой ему первой сообщила Лёля, была столь потрясающей, что Артём Сергеевич счел недостаточным позвонить по телефону и поехал к племяннице, чтобы лично поздравить ее с головокружительной карьерой супруга.

Новоиспеченного министра дома, разумеется, не застал; его встретила сияющая Вика. От нее и узнал, как это произошло.

— Они с госсекретарем знают друг друга еще с тех пор, когда учились в юридическом. Вместе работали в комитете комсомола, вместе вступили в партию, — весело открыла она дяде тайну внезапного возвеличения супруга. — И хотя они уроженцы разных городов Урала, все равно считают себя земляками и крепко держатся друг друга.

— Так, значит, его призвал в правительство и назначил министром не Гайдар? — удивился Артём Сергеевич и, вспомнив слова Максименко, добавил: — Разве министров могут назначить без его ведома?

— Ну почему же, без ведома? — снисходительно усмехнулась Вика. — Гайдар визирует все назначения. Но никогда не возражает. У него у самого положение очень шаткое.

Привилегии у министров России были не хуже, а пожалуй, еще и шикарней, чем в СССР. В том, что Ельцин полностью изменил своей прежней демонстративной борьбе с привилегиями, супруги Наумовы убедились при первом же посещении правительственного загородного поселка в подмосковной Барвихе. Каждому министру и его семье для отдыха был предоставлен двухэтажный коттедж с питанием и обслуживанием за казенный счет.

— Сюда приезжают обычно на выходные, чтобы подышать свежим воздухом и на прогулке пообщаться с коллегами-министрами, — добродушно поведал им Николаев, в честь дня рождения которого они собрались. — Такое общение на природе, а не в служебной обстановке очень помогает в работе.

— Но некоторые живут здесь постоянно, так как до центра всего полчаса езды и Рублевское шоссе — правительственная трасса, — дополнила его Вика. — Может, и мы к ним присоединимся. Дом очень

удобный. Хорошо бы мама согласилась здесь хозяйничать! Тогда бы мы уж точно сюда переселились.

Глядя на ожившее после длительного траура лицо старшей сестры, Артём Сергеевич порадовался. Лёля вновь выглядела довольной и жизнерадостной. Как видно, ее счастливая звезда не закатилась. Теперь она была тещей министра правительства России.

* * *

Внезапное возвышение Викиного мужа было для Наумова, пожалуй, единственным светлым событием того времени. С учреждением новой фирмы взамен лопнувшей ничего не вышло. От бесплодных попыток реализовать свой проект, снова обратившись к верховной власти, он временно отказался, уповая на то, что в скором времени в стране все-таки должен восторжествовать обещанный народу демократический порядок, и тогда появится, наконец, стремление к благоустройству и процветанию общества.

— Народ поддержал Ельцина и избрал Президентом России, поверив обещанию поднять жизненный уровень. И он должен его выполнить! — убеждал Артём Сергеевич жену. — Хотя экономика в упадке, возможности для этого есть.

— Откуда им взяться? Ты посмотри, что делается! — понуро возразила Варя. — Крупные производства останавливаются, и люди не получают зарплату. Нет сбыта продукции, значит, не поступают и доходы в казну.

— Верно. Для перехода к рыночной экономике требуется время, — согласился Артём Сергеевич. — Однако есть другие источники пополнения казны и доходов населения. Их и надо использовать, пока не начнется подъем производства.

— У тебя, Тёмочка, какая-то новая идея? — недоверчиво взглянула на мужа Варя. — Думаешь, там, наверху, сидят дураки, а ты один умный? Полагаешь, им неизвестно то, что знаешь ты?

— Разумеется, им все известно. И мне непонятно, почему они не поступают как в других странах, — возмущенно сказал Наумов. — Почему не дадут гражданам долю доходов от природных богатств страны и продажи бывшей «всенародной собственности»?

Теперь Варя поняла, что он имел в виду, но с сомнением покачала головой.

— Ты надеешься, что ее честно поделят, и народу хоть что-то перепадет? Не будь наивным! Все растащат те, кто дорвался до власти, — мрачно предположила она. — Не знаю как, но население все равно обманут! В России вновь появятся баснословные богачи.

— Те, кто у власти, конечно же, отхватят себе жирные куски. Но Россия так богата, и «всенародная собственность» столь велика, что разворовать все невозможно! — возразил Артём Сергеевич. — Надеюсь, что Ельцин поступит по-совести. Какой-то процент доходов от природных ресурсов и приватизации имущества будут все же отчислять на счета российских граждан.

— И это существенно повысит уровень жизни граждан России? — недоверчиво посмотрела на него Варя.

— Еще бы! — убежденно ответил Артём Сергеевич. — Арабские шейхи платят своим гражданам лишь малую долю от добычи нефти, и те изначально нужды не знают. В России же и других богатств немерено.

— И правда, чем же мы хуже этих арабов? Почему наши граждане ничего не имеют от богатств, которые принадлежат всему народу? — возмутилась Варя. — Ельцин обязан восстановить справедливость, и наши люди будут жить лучше!

— Насколько я знаю, в Чехословакии уже ввели счета для граждан, на которые переводят полагающееся им от продажи бывшей соцсобственности, — не без зависти вздохнул Наумов. — И нам надо бы сделать то же.

Их надеждам и на этот раз не суждено было сбыться. Правда, Верховный Совет принял решение завести на граждан России приватизационные счета, но претворять его в жизнь не спешили. А на экспорте природных ресурсов спекулянты и аферисты всех мастей совместно с коррумпированными чиновниками делали баснословные состояния.

Среди этих нуворишей почему-то чаще всего встречались бывшие комсомольские, профсоюзные и партийные руководители. Делиться хоть частью своих доходов с народом, которому когда-то поклялись верно служить, они и не думали.

Глава 2

Парад суверенитетов

Взяв власть в свои руки, в упоении от победы, Ельцин благодушно бросил фразу, едва не ставшую роковой и грозившую окончательным развалом России. В нарушение Конституции и федеральных законов он публично разрешил всем главам краев, областей и автономных республик брать столько суверенитета, сколько те смогут «переварить».

Руководители регионов и президенты республик, входящие в Российскую Федерацию, немедленно воспользовались этим и устроили подлинный «парад суверенитетов». Республики стали принимать свои собственные «конституции», а края и области — местные законоположения, не соответствующие, а зачастую и противоречащие Конституции России.

Естественно, сразу подняли голову национализм и сепаратизм. Перестав подчиняться федеральным законам, такие большие республики, как Татарстан и Башкирия, по сути, стали государствами в государстве. А пришедший к власти в Чечне бывший советский генерал Дудаев дошел до того, что объявил о полной независимости от России.

— Не понимаю того, что делает Ельцин, его безответственности. Создается впечатление, что ему не жаль ничего из завоеванного предками, — возмутился при встрече с Наумовым Царев. — Кроме него, лишь Александр Второй продал Аляску. Но тому простительно — он присоединил к России Кавказ и большую часть Средней Азии. Даже грузин Сталин был предан России и собрал почти все потерянные ею земли. Не смог вернуть лишь Финляндию и часть Польши. А этот, — с досадой махнул рукой, — готов «за так» все разбазарить. — Царев был убежденным русским патриотом с монархическим уклоном и не скрывал этого, за что многие обвиняли его в национализме. — Ельцин ведет себя так, словно в его жилах не русская кровь, — гневно продолжал он, осуждая президента. — И если правда, что родом он из уральской деревни, то тогда объяснить это можно лишь его принадлежностью к масонам.

— Ты что же, Володя, веришь рассказам о жидо-масонском заговоре, якобы задавшемся целью погубить Россию, — укоризненно посмотрел на него Артём. — Может, ты веришь и чуши о «протоколах сионских мудрецов»? Ты же без пяти минут доктор физико-математических наук!

— А как еще ты объяснишь то, что делает президент России? Ведь

иначе, как предательством ее интересов, это не назовешь, — парировал Царев. — И в притче о сионских мудрецах что-то есть. Запомни — дыма без огня не бывает!

Убежденность старого друга граничила с фанатизмом, и спорить с ним было трудно. Но и промолчать Наумов не мог.

— Мне кажется, ты и сам не очень-то веришь этому. А если веришь, то жизнь докажет тебе, что ты ошибаешься, — спокойно возразил он. — Я объясняю непростительное транжирство Ельцина куда проще. Ему не по силам управлять такой огромной страной, и он сознает это. А для него главное — остаться царьком, хоть сократись Россия до одной Московии!

— Так разве это — не предательство? — гневно вскинул глаза Владимир Иванович. — Я же о том тебе и толкую!

— Ну, не совсем так. Ты это объясняешь каким-то заговором и ищешь врагов извне. Но все значительно проще. Вспомни, кто пришел к власти в отколовшихся республиках. Разве заговорщики? Жидо-масоны? — И добавил, еле сдерживая смех: — Свои же сородичи! Бывшие коммунисты-интернационалисты обернулись местными царьками и обманывают народ, уверяя, что, отделившись, он станет жить лучше. И у нас, — вновь нахмурился он, — к власти обманом пришел такой же бессовестный властолюбец, каких уже немало было в русской истории, и вновь наступили смутные времена.

— А что, может, так оно и есть, — неохотно согласился Царев. — Во всяком случае, то, что мы переживаем очередную смуту, — это точно!

* * *

Присвоение «общенародной собственности» в основном шло под видом создания акционерных обществ. Даже крупнейшие, самые доходные промышленные предприятия, добыча нефти, газа, алмазов, драгоценных металлов и всего наиболее прибыльного переходили, по сути, в частные руки. В регионах страны, используя дарованную Ельциным вольницу, местная элита плодила собственные акционерные общества, путем расчленения единых государственных компаний и монополий.

В первую очередь была расчленена и «приватизирована» нефтедобыча, но дошла очередь и до авиаперевозок — на месте единого Аэрофлота появилось много региональных и просто частных авиакомпаний. Это нарушило не только единую транспортную систему и усложнило управление воздушным движением, но и сделало невозможным проводить

единую техническую политику по развитию гражданской авиации.

Для научно-исследовательского института Аэрофлота его развал имел самые плачевные последствия. Резко уменьшился объем летных испытаний, так как сократился госзаказ авиапромышленности, и она тоже была расчленена на отдельные фирмы, переживавшие не лучшие времена. Почти не поступали заказы на проведение исследований. Государственная казна была пуста, а авиакомпании все расходовали на обновление самолетного парка.

После заседания ученого совета, членом которого по-прежнему оставался Наумов, его пригласил к себе начальник института. Теплов был хмур и озабочен.

— Вот что, Артём Сергеевич. Пришла, видно, пора реанимировать твой проект, который доставил всем столько хлопот, а Коваленко даже стоил должности начальника главка, — начал он шутливым тоном. Но было заметно, что такой тон давался ему с трудом: — Нет у нас серьезных научных разработок, а только крупное достижение может вновь поставить институт на ноги.

— Неужто дела обстоят так плохо? — сочувственно спросил Артём Сергеевич, для которого бедственное положение института не было тайной.

— Хуже некуда, — честно признался Теплов. — В стране свирепствует инфляция, а мы не только не можем повысить зарплату сотрудникам, но даже не можем сохранить прежнюю. В результате уже потеряли почти половину научных кадров. Причем лучших!

— Да, я в курсе. Но ведь самолеты отряда продолжают летать и, как говорят, приносят немалую прибыль. Разве это не способствует постановке новых научных работ? — поинтересовался Наумов. — Ну, хотя бы частично.

— Летают они в основном не по своему профилю. Испытательных полетов мало, следовательно, нет высокой оплаты и премий, — тоскливо объяснил Теплов. — Доходы дает лишь сдача самолетов в аренду частным компаниям и чартерные рейсы по заказу турфирм.

— Вот и надо эти доходы, — оживленно подхватил Артём Сергеевич, — пустить на новые перспективные исследования, которые принесут институту как материальные, так и научные дивиденды.

— Легко сказать! А на какие средства содержать такой комплекс зданий с ангаром и огромной территорией? — с досадой возразил Теплов. — Мне даже пришлось сдать в аренду один из корпусов института, где была наша столовая. И все равно средств катастрофически не хватает!

Его уныние передалось было и Наумову, но он вспомнил про ресурсы.

— Погоди! Но ведь продление ресурсов по-прежнему процветает и приносит институту большие доходы. Куда же они деваются? — напрямик спросил он начальника института. — Разве на них нельзя открыть хотя бы одну стоящую НИР?

— Я же говорю, что все пожирает наше огромное хозяйство и содержание персонала, — еле сдерживая недовольство, ответил Теплов. — А «ресурсники» хотя и неплохо зарабатывают, не способны разработать ничего нового!

— Это почему же? — несогласно пожал плечами Артём Сергеевич. — Ведь у них, насколько я знаю, сохранились все старые кадры.

— А что толку? — сердито бросил начальник института. — Ресурсы их хорошо кормят, и они не желают заниматься разработкой нового. Предпочитают вести простую техническую работу и стричь купоны! — Он немного помолчал и, видимо решив закончить разговор, предложил: — Если ты еще не остыл к своей идее отменить обязательные капремонты самолетов, я готов помочь тебе заинтересовать этой работой начальство и ряд авиакомпаний. Как ты на это смотришь?

— Разумеется, положительно! — не колеблясь, ответил Наумов. — Но думаю, что это бесполезно. Главным образом потому, что не согласится Анохина. Комитет, который она сейчас возглавляет, выдает сертификаты годности самолетов, и Катюша побоится отменить межремонтный ресурс. Не захочет брать на себя лишней ответственности.

— А давай все же попробуем! — воодушевился Теплов. — Не забывай, что мы с Катюшей друзья. Так что готовь аргументы для серьезного разговора.

* * *

Перед новой встречей с «Катериной Великой», Артём Сергеевич решил срочно переговорить с Полуниным. Был канун Первомая, уже начинался дачный сезон, и он предпочел повидаться и поговорить с ним на лоне природы. Их дачи стояли рядом. Выросший на Алтае, Михаил Григорьевич был заядлым огородником, и застать его там в выходные можно было наверняка.

Так было и на этот раз. Когда Наумовы подкатили к воротам дачи на своей «четверке», Полунины уже приехали, и сосед кропотливо возился у себя в саду. Разгрузив машину и перенеся вещи в дом, Артём Сергеевич пришел к нему поговорить о деле. Пересказав разговор с Тепловым, он

предложил:

— Давай, Миша, присоединяйся к новой большой работе! Надо спасти институт, иначе он захиреет окончательно. Думаю, на этот раз мне с помощью Теплова удастся убедить Анохину, и нам отпустят бюджетные средства на реализацию проекта, да и авиакомпания авось расщедрится. Они же будут в выигрыше!

— Завидую твоему оптимизму! — скептически усмехнулся Полунин, воткнув лопату в землю и вытирая со лба выступивший пот. — Ты все еще надеешься, что Анохина или кто-то еще там наверху озаботится судьбой гражданской авиации?

— Но сам начальник института предложил мне это! Значит, вопрос об изменении системы назрел, — продолжал убеждать Артём Сергеевич. — Теплов знает конъюнктуру и по-прежнему дружен с Анохиной.

— Только потому и держится в своем кресле. А то давно бы сняли, — хмыкнул Полунин. — Разве не видишь, что Теплов развалил институт?

— Он винит в этом обстоятельства, — не сдавался Наумов. — У тебя, Миша, снова будет возможность заняться настоящей наукой, сделать большое дело, — агитировал он друга. — Не то будет поздно! Ведь ресурсы, когда перейдем на новую систему, отменят!

Казалось, Полунин заколебался, но это продолжалось недолго.

— Прости, Артём, но я не верю в успех вашей затеи. Даже если дадут деньги, чтобы начать работу, ее потом снова свернут, — убежденно сказал он. — Разве не видишь, что о деле сейчас никто не думает?

— А о чем думают? — поднял брови Наумов, хотя отлично понял друга.

— Как обогатиться, и больше ни о чем! — резко бросил Михаил Григорьевич. — И нам не грех о себе позаботиться. А то останемся в дураках!

— Ну и как же ты надеешься обогатиться? — неодобрительно посмотрел на него Артём Сергеевич. — Тоже будешь брать взятки за увеличение ресурса старым самолетам? Я слышал, что такой «бизнес» уже процветает.

Сказав это в запальчивости, он осекся, подумав, что оскорбил своего друга, но Полунин не обиделся.

— Ну что ж, из-за нищеты некоторые поступают и похуже. Но на ресурсах не разбогатеешь, — спокойно ответил он и неожиданно ошарашил Наумова, сообщив: — А я хочу предложить тебе нечто поинтереснее. Сейчас такое время, что теряться глупо. Приглашаю тебя в свою команду! Мы вместе провернем одно дельце, которое принесет нам

богатство.

— Это что-то новенькое! — изумился Артём Сергеевич. — Какую же команду ты набираешь и в чем состоит твое «дельце», если оно враз нас всех обогатит? Уж не криминал какой задумал?

— Не бойся, ограбления банка не предвидится, — с усмешкой успокоил его Полунин. — Это дело, конечно, необычное, но честное и вполне осуществимое. Ты знаешь, что у нас в горах много золота. А в поселке, где я рос, — золотой прииск, и на нем работает большинство жителей. Мой дед был старателем, не раз ходил в тайгу за золотишком и наткнулся на богатую жилу, тайну о которой хранит до сих пор.

— А почему ни он, ни твой отец ее не тронули? — непонимающе посмотрел на него Наумов. — Сам ведь рассказывал, что семья была большая и жили в нужде.

— Отец не захотел с этим связываться, а деда подвело здоровье. Он все время болел, — объяснил Михаил Григорьевич. — Сначала надеялся на моих старших братьев. Ждал, когда подрастут. Но они решили стать офицерами и не хотели идти с ним в тайгу. Я один согласился, но каждый раз откладывал.

Предложение Полунина было таким сногшибательным, что Артём Сергеевич в первый момент даже растерялся. Но немного поразмыслив, спросил:

— А почему ты сейчас решился на такую, думаю, очень трудную экспедицию, если отказывался от нее, когда был намного моложе?

— Время было другое, и результат, в случае удачи, совсем не тот, — объяснил Михаил Григорьевич. — Дело это, правда, очень трудное. Ну, нашли бы мы тогда золото, а что дальше? Намыли бы, сколько могли унести, и получили бы долю стоимости. По сравнению с грозившими неприятностями, овчинка выделки не стоила.

— А сейчас стоит? — усомнился Наумов. — Ты хорошо все продумал?

— Еще бы! До мелочей, — кивнул Полунин. — Иначе бы не сказал. — И он посвятил будущего компаньона в свой замысел. — Все дело в том, что сейчас мы сможем не только зарегистрировать свое открытие, но и учредить предприятие. И если золотое месторождение богатое, сам можешь судить, каковы наши перспективы!

— Да уж, перспективы заманчивые, ничего не скажешь, — согласился Артём Сергеевич, в его глазах зажглись огоньки азарта. — Но ты ни словом не обмолвился о том, что экспедиция потребует больших расходов. И как думаешь отбиться от криминала?

— Расходы, конечно, будут. Но не такие уж большие, — заверил его

Полунин. — Понадобится лошадка, но ее можно в поселке взять «в аренду». А с работой сами управимся, вместе с женами. Вот когда найдем золото, — он озадаченно почесал в затылке, — придется туго. Тогда на нас наверняка «наедут». И не только бандиты, а и наша славная власть.

— Что же тогда будем делать? — нахмурился Наумов. — Сражаться?

— Это бесполезно, — покачал головой Полунин. — Поступим как сейчас делают все. Откупимся! — Он немного помолчал и решительно произнес: — Соглашайся, Артём! Дело — верное, а медлить нельзя, пока жив дед, и мы еще физически способны это одолеть. Твоя же затея — гиблая! Только зря потратишь время и здоровье.

Его предложение было одновременно и заманчивым, и фантастичным. Но склонному к романтике Наумову оно пришлось по душе и, уходя, он обещал Михаилу Григорьевичу основательно над ним подумать.

* * *

Рассудительный Полунин был прав, сомневаясь в поддержке работ по проекту Артёма Сергеевича со стороны «Катерины Великой». Упование Теплова на старую дружбу также оказалось напрасным. Выслушав их доводы, Анохина даже не притворялась, что заинтересована предлагаемыми преобразованиями и озабочена судьбой института, который был стартовой площадкой ее карьеры.

— Денег в казне нет даже на выплату зарплаты врачам и учителям. Не на что содержать армию! А вы лезете с дорогостоящим проектом улучшения работы воздушного транспорта, — сказала она, не скрывая раздражения. — Неужели не видите, в какой финансовой пропасти находится страна?

— Финансовая пропасть порождена беспардонным воровством, — не выдержав, вскипел Артём Сергеевич. — Ведь прикарманивают не только всю выручку от экспорта, но даже миллиарды долларов международных кредитов! Нужно прекратить эти хищения, и казна сразу наполнится.

— Это демагогия! Страна сейчас испытывает трудности перехода к рыночной экономике, — не слишком уверенно ответила на его выпад Анохина. — Подобную «шоковую терапию» пришлось перенести и другим странам, пока у них все наладилось.

— Может, где-то и «терапия», а у нас — период «дикого капитализма», как это уже было в США. Власти заняты преступным накоплением капитала, не брезгуя откровенным воровством, — с горечью бросил

Наумов. — Почему Газпром и нефтяные компании не дают дохода, а, наоборот, задолжали казне? И на что истрачены международные кредиты? Масштабы казнокрадства потрясают!

Понимая, что их спор до добра не доведет, Теплов сделал попытку спасти положение.

— Вот вы все о глобальных проблемах, а меня больше заботит, что станет с нашим институтом, — вмешался он в их спор, стараясь сгладить остроту противоречий. — Ну и что с того, что казна пуста? Не вечно же это будет продолжаться? Сейчас нам необходимо открыть перспективное исследование. Иначе институт потеряет авторитет и лучшие кадры. И так уже половина разбежалась! — Он сделал паузу и отчаянно взглянул на Анохину: — Не дай погибнуть нашему институту, Катюша! Вспомни, как мы начинали, когда были молоды! Сама знаешь, что его прихлопнут, если не будут вестись научно-исследовательские работы. А у нас они уже сократились почти до нуля. Проводим лишь испытания и экспертизу.

— Если нечего выделить на науку из бюджета, можно ведь найти и другие источники финансирования, — пришел ему на помощь Наумов. — При твоём положении и с твоим обаянием, — дружески взглянул он на Анохину, — тебе не трудно будет уговорить кого-нибудь из руководителей авиакомпаний стать спонсором нашего проекта. Ведь все они от тебя зависят.

— Вот именно! Поэтому я и не смогу вам помочь, — как бы обрадовавшись, что нашелся солидный предлог, решительно отказала им «Катерина Великая». — Мое положение не такое уж прочное. Вы — мои старые товарищи и должны понять, что мне нельзя использовать служебное положение. Этим непременно воспользуются недруги, а их у меня хватает.

Сознавая, что уговорить Анохину не удастся, дипломатичный Теплов как ни в чем не бывало перевел разговор на другое, и, поблагодарив за прием, дружески распрощался. Наумов же и не пытался скрыть разочарования. Ему стало ясно, что надеяться больше не на что, и с мечтой о претворении в жизнь своего грандиозного проекта следует распрощаться.

* * *

Артём Сергеевич очень тяжело переживал крушение своих научных планов и надежд, возрожденных было Тепловым и вновь похороненных Анохиной. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он сел за сочинение капитального труда, но работа шла плохо. Из этого состояния его вывело

свалившееся, как снег на голову, письмо «сибирской дочери» Лены.

После окончания университета она получила направление в Волгоград, где и работала репортером на телевидении. Замуж так и не вышла, жила в общежитии, одна воспитывала маленького сына. Ни с Артёмом Сергеевичем, ни с Лёлей переписки не вела и никаких контактов не поддерживала. Полученное письмо было первым за все прошедшее время.

Здравствуй, отец!

Пишу тебе в силу необходимости, так как не вижу, кто еще может помочь мне в деле, о котором узнаешь ниже. Я вполне самостоятельна, работаю, и мы с сыном Алешкой ни в чем не нуждаемся. Правда, жить пока приходится в общежитии. Но комнату, как матери-одиночке, мне обещают в первую очередь, и скоро мы ее получим. Это и хорошо и плохо, так как в общежитии есть кому за ним присмотреть. Алешку все там любят и балуют. Он очень забавный. Если переедем, с ним будут проблемы. Но я справлюсь!

Твоя помощь нужна в другом. Ты знаешь, что отец Алешки женат, имеет двух дочерей и живет в Белграде. Он там преподает в университете. Доктор наук. Семью свою любит, но от Алешки не отказывается и время от времени нам помогает, когда по делам приезжает в Москву. Это для нас не лишнее, и ему позволяет поддерживать связь с сыном.

Проблема в том, что он боится открыть семье правду, и из-за этого не может помочь нам официально. Готов регулярно переводить немного денег, но не знает, как это сделать. Может, ты сумеешь открыть валютный счет, на который он высылал бы их нам? А уж переслать сюда — это не проблема.

Вот я и дала ему ваш телефон и адрес. Он скоро должен быть в Москве и тебе позвонит. Прошу извинить, что сделала это без разрешения! Прошу также Варю сменить гнев на милость и принять отца Алешки, как она умеет. Никаких личных планов на него у меня нет, но Алешке он нужен. Ну, и само собой, его помощь тоже.

Заранее благодарна тебе и Вале. Желаю всего наилучшего.

Лена.

А через несколько дней последовал звонок югослава.

— Здравствуйте! Меня зовут Слободан, — сказал он приятным баритоном с небольшим акцентом. — Елена должна была вас обо мне

предупредить.

— Да, мы получили ее письмо, — подтвердила Варя, которая взяла трубку. — Вы надолго приехали в Москву?

— Всего на несколько дней. Мне бы очень хотелось переговорить с Артёмом Сергеевичем, — немного волнуясь, просительно произнес Слободан, — а лучше бы встретиться. Это не телефонный разговор.

— Тогда приезжайте к нам вечером, — предложила Варя. — Лена сообщила, что адрес вы знаете.

— А можно это сделать сегодня? — попросил Слободан. — Мне не хотелось бы откладывать, как у вас говорят, в долгий ящик.

— Милости просим, — любезно согласилась Варя. — Вас устроит к семи?

Слободана это устроило, он прибыл к ним домой вовремя, и таким образом у Наумовых состоялось знакомство с отцом Алеша. Они ожидали увидеть высокого красавца, но коварный соблазнитель Лены оказался небольшого роста и ничем не примечательной внешности. И, хотя принес с собой бутылку водки, за столом был немногословен и держался сдержанно.

— Лена пишет, что ваша семья не знает об Алеше. А как тогда вы поддерживаете с ней связь? — поинтересовалась у него Варя.

— Это не совсем так, — объяснил Слободан. — Моя мама знает, что у меня есть сын. Через нее мы и ведем переписку с Леной.

Откровенного разговора не получилось, гость контролировал каждое свое слово и был «застегнут на все пуговицы». Да и Наумовы не слишком его расспрашивали. Но главный вопрос был решен. Получив от Артёма Сергеевича номер его валютного счета, Слободан обещал регулярно переводить деньги для сына. В дальнейшем они с ним больше не виделись.

* * *

За время работы в фирме, благодаря хозяйственной и экономной супруге, Артёму Сергеевичу удалось сделать солидные накопления, но теперь они быстро таяли. Его пенсия и зарплата Вари были маленькие, а инфляция прогрессировала, и цены стремительно росли. Оплата за научное руководство была мизерная и к тому же нерегулярная. Даже с учетом того, что Наумов получал как членкор, расходы на жизнь значительно превышали семейный бюджет, и им пришлось тратить отложенное на поездку в Париж, о которой давно мечтали.

Несмотря на то что жена была против, Артём Сергеевич уже начал

думать о постоянной работе, когда ему из Франции позвонил бывший клиент Этьен. Он служил в компании, производившей диагностическое оборудование и, окончив технический вуз в Советском Союзе, хорошо говорил по-русски.

— На будущей неделе я прилетаю в Москву со своим боссом, — сообщил он. — Хозяин фирмы хочет провести серию переговоров с заинтересованными министерствами и частными компаниями о поставках нашего оборудования и при позитивном итоге заключить договора о намерениях.

— Понятно. А чем могу быть полезен я? — нетерпеливо перебил Артём Сергеевич. — Мне знакомо лишь ваше оборудование, которое можно использовать для диагностики самолетов.

— Нам необходима ваша помощь не в качестве эксперта, — объяснил француз. — Мы просим вас быть связующим звеном и организовать встречи моего хозяина с нужными лицами.

— Но вы же знаете, что я пользуюсь научным авторитетом в другой области и мало знаком с этими людьми, — засомневался Наумов. — Вряд ли я могу быть вам полезен.

— Не скромничайте. Вы работали с нами, знаете наше оборудование в деле и, — в голосе Этьена прозвучало уважение, — у вас есть научное имя. Вы сможете установить нужные контакты и организовать переговоры. — Почувствовав, что почти уговорил собеседника, поторопился добавить: — Мой босс понимает, что вы — не простой посредник, а уважаемый ученый, и поэтому ваш гонорар за две недели нашего пребывания в Москве будет выше месячного оклада профессора Сорбонны. Это вас устроит?

Предложение было соблазнительным. «А почему бы и нет? — подумал Артём Сергеевич. — С их оборудованием я знаком, оно эффективно. И Этьен прав в том, что мне не откажут во встрече руководители наших заинтересованных организаций».

— Ну что ж, я согласен, — коротко ответил он. — Вы дадите мне знать, когда прилетите?

— Разумеется. Но мы надеемся, что вы встретите нас в аэропорту, — мягко, но с требовательными нотками в голосе ответил Этьен. — И доставите нас в отель на своей машине. Я же помню, вы отлично водите, как-то меня подвозили, — подчеркнуто дружеским тоном добавил он. — Она у вас в порядке?

— В порядке, — не скрывая неудовольствия, сухо ответил Наумов, — но боюсь, что она недостаточно престижна для вашего босса.

— Это неважно. Босс наслышан о разгуле у вас бандитизма и

опасается брать такси, — с той же мягкой настойчивостью сказал Этьен. — Мы бы хотели, если вас не слишком затруднит, совершать поездки на вашей машине. Естественно, за дополнительную плату... ну, скажем, сто долларов в день.

«Выходит, кроме посредничества, меня решили нагрузить также функциями водителя, — недовольно подумал Артём Сергеевич. — Не слишком ли много они хотят?» Его самолюбие было задето, но все же он должен был признать, что французы, зная криминальную обстановку в столице, поступают разумно.

Скрепя сердце, он согласился на предложенные условия и в последующие недели весьма успешно поработал с французами. Как потом выяснилось, между поставщиками его бывшей фирмы имелась тесная связь. Эффективное посредничество Наумова вскоре им стало известно, и предложения от них не заставили себя ждать. Пришлось работать не только с французами, но также с немцами, англо-американцами и даже, почти месяц, с турецкой фирмой.

В общем, индивидуальное предпринимательство по старым связям у Артёма Сергеевича шло весьма успешно. Тяготило лишь то, что оно не было оформлено должным образом, и оплата шла, минуя контроль финансовых органов. «Неужто я тоже стал теневым дельцом?» — огорчился Наумов, желая узаконить свой «бизнес». И его совесть успокаивало лишь то, что от уплаты налога он был освобожден как участник войны.

* * *

Наиболее ярким и запоминающимся событием того времени для Артёма Сергеевича стало празднование юбилея племянницы. В то, что Виктории уже исполняется «полтинник», поверить было невозможно — так молодо она выглядела, и такой стройной была ее фигура. В отличие от мужа, который, став министром, заметно прибавил в весе и обрюзг, Вика была все так же подтянута и элегантна.

Несмотря на протесты мужа-министра, она никак не могла расстаться со своей работой в Доме литераторов, и только ее юбилей помог поставить в этом вопросе точку. Торжественный банкет, который Вика устраивала в ресторане своего Дома, был одновременно и ее бенефисом, и «прощальной гастролью» на службе.

— Мне очень грустно расставаться с Домом литераторов и моими

коллегами. Я любила свою работу, и за много лет слишком привыкла, чтобы так просто с ней расстаться, — с волнением призналась она, приглашая их с Варей на банкет. — Поэтому, подводя черту, хочу сделать это в торжественной обстановке.

И надо признать, осуществила она свое желание с присущим ей блеском. В банкетном зале уютного ресторана Дома литераторов на юбилее Вики, кроме родных и близких, собрались ее друзья — сплошь громкие имена, сливки столичного общества. Среди них были известные писатели, популярные артисты и государственные деятели. Варя была в восторге от знакомства с теми, кого видела только в кино и по телевидению.

— Посмотри, как мило и просто держится Хазанов, — изумленно шепнула она мужу, когда все уселись за стол. — А Евгения Евтушенко я представляла себе именно таким.

— Ты лучше обрати внимание на своего соседа, который за тобой так охотно ухаживает, — тихо ответил Артём Сергеевич. — И на худощавого, напротив, перед которым все заискивают.

— А кто они такие? Оба вроде неприметные, — не проявила интереса Варя. — Ты знаешь моего соседа? Он с тобой поздоровался.

— Это министр Адамов. Я знаю его с молодых лет, когда он еще звался Стасом, — усмехнулся Артём Сергеевич. — Он был другом Надежды и мужем ее подруги.

— Значит, старая мымра, что рядом с ним, подруга Нади? — удивилась Варя. — А тот, похожий на хорька, кто он?

— Выражайся поаккуратнее! — тихо предупредил ее Артём Сергеевич. — Это же всесильный госсекретарь правительства, самый важный из присутствующих гостей. А «мымра» — вторая жена Стаса. Подруга Нади была намного интереснее. Он с ней развелся.

Юбилейным застольем руководил красавец Ширвиндт, признанный тамада элитных московских тусовок. Как всегда, он блистал остроумием и свободой речи, со свойственным только ему изяществом применяя нелитературные слова и выражения.

— Вот уж не думала, что можно так выражаться в столь изысканном обществе, — изумленно шепнула Варя. — Тебе не кажется, что некоторые его шутки сродни насмешке? Вот Хазанов, например, мог бы и обидеться!

— У Хазанова, как ни у кого другого, развито чувство юмора. Потому и не обижается, — усмехнулся Артём Сергеевич. — А нецензурно выражаться у нас «принято» повсюду. Словечки и похлеще можно услышать в самых высоких кабинетах.

Празднество в честь пятидесятилетия Вики прошло содержательно и

весело. А юбилярша поразила всех поистине молодым задором и энергией. Она казалась неутомимой. У нее хватило времени и сил оказать внимание каждому гостю, но когда уже расходились, призналась:

— Еле стою на ногах, дядечка! А ведь надо еще подбить итоги с администрацией ресторана и отвезти домой эту гору подарков, — она указала на угол зала, заваленный цветами и щедрыми подношениями. — Может, вы с Варей пособите с ними управиться?

Желая помочь, они согласились, лишь предупредив, что должны вовремя быть дома, чтобы вывести гулять собаку. А когда перевезли подарки, получили из их числа на память керамические гжельские часы. На их дружную попытку отказаться племянница объяснила:

— Это к вашей коллекции гжели. А у меня уже есть одни такие. Не знаю, что бы я без вас делала, — пожаловалась она. — Мамоchка очень устала, Дима в Штатах, а мой министр в таких делах не помощник.

— А почему не было ни Надежды, ни Ани? — спросил Артём Сергеевич о том, что давно вертелось на языке. — Ты этого не захотела или их тоже нет в Москве?

— Мы были дружны, ты знаешь, но сейчас в ссоре, — просто объяснила Вика. — Из-за этого гэбэшника, мужа Нади. Он «вышел в тираж» и сделал нам пакость. Наверное, из зависти. — Она запнулась, но все же спросила: — А ты, дядечка, с ними так и не помирился? Ведь у тебя только одна дочь, Лену я не считаю. Неужели этот разрыв у вас навсегда?

— Думаю, Викуся, что да. И дело не в том, что Надя и Аня меня смертельно обидели, — понурившись, объяснил Артём Сергеевич. — Понимаешь, не чувствую я ни в себе, ни в Ане «голоса крови». Порой мне даже кажется, что она — не моя дочь. Что поделаешь, если не повезло в семейной жизни?

— Как ты можешь такое говорить? Да еще в присутствии Вареньки! — пожурела его Вика. — Тебе ли жаловаться, имея такую подругу жизни?

— Я же говорил только о деточках, — спохватился Артём Сергеевич, обнимая и целуя жену. — А Вареньку мне сам Бог послал! С ней я перенесу любые невзгоды.

Глава 3

Первые плоды

Финансовая политика Гайдара и его команды «молодых реформаторов», основанная на монетаризме и так называемой шоковой терапии, сначала грабительно опустошила карманы населения, но потом стала приносить первые плоды. Наконец-то рынок в избытке наполнился товарами, мало уступающими по ассортименту и качеству иностранным. Благодаря широко распахнутым дверям для импорта все лучшие продукты и вещи теперь можно было свободно купить в Москве.

Девальвация рубля и обменные реформы, резко сократившие денежную массу, позволили впервые за последние десятилетия добиться его конвертации по отношению к валютам США и стран Западной Европы. Установленный и поддерживаемый Центробанком твердый курс сделал рубль платежеспособным не только в России.

Рубли стали обменивать в банках как на доллары, так и на другую валюту. Это способствовало тому, что свободный выезд из страны из пустой декларации (ввиду отсутствия у людей валюты) превратился в реальность. И сразу ближние страны Европы и Азии наводнили русские туристы и мелкие торговцы, которых метко прозвали «челноками».

Самым прибыльным делом в то время стала коммерция (в первую очередь финансово-банковская) и торговля. Вслед за лидерами шли мелкие предприятия, производящие товары массового спроса, которые смогли на ходу перестроиться и успешно конкурировали с импортом. Даже заводы «оборонки», чтобы устоять в условиях наступившего кризиса, начали выпускать ширпотреб.

Достижения «Гайдара и его команды» этим и ограничились. Крупное производство, и так бывшее в критическом состоянии, пришло в окончательный упадок. Промышленные гиганты оказались на грани банкротства и производили массовые увольнения, а остальным работникам задерживали зарплату. Впервые появилась и стремительно росла безработица.

— Не понимаю, о чем думает Гайдар? — возмутился Артём Сергеевич, просматривая за завтраком газеты. — Ну разве можно выставить людей за ворота без должной социальной защиты? Это не «шоковая терапия», а геноцид!

— И мне непонятно, как может бывший комсомольский вождь, внук

писателя — героя Гражданской войны так жестоко поступать с рабочими, — согласилась Варя. — Нельзя рубить с плеча: вчера было плановое хозяйство, а сегодня уже капиталистическое! Надо научить людей работать в новых условиях.

— Это все плоды двуличного воспитания подрастающего поколения. — Артем Сергеевич с досадой отложил газету. — Вот и взрастили таких лидеров.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Варя.

— А то, что коммунистическая пропаганда и учителя детям в школах внушали одно, а в своих семьях, в быту они видели совсем другое, — объяснил Артём Сергеевич. — И партийные лидеры старательно делали вид, что служат народу, а на деле им было плевать на него. Вот и их детки выросли такими же. Потому ничего хорошего нас в ближайшие годы не ожидает. Повсеместно к власти пришла перекрасившаяся партийно-комсомольская элита, и ее громкие фразы о демократии и реформах меня не обманут. Их целью является лишь собственное обогащение, и ничего для народа они делать не собираются.

— Неужели, Тёмочка, ничего не изменится к лучшему? — пригорюнилась Варя. — Почему наши люди не борются за свои права, как в других развитых странах?

— Разучились бороться за годы диктатуры и репрессий. Но я убежден, что научатся, — оптимистично ответил Артём Сергеевич. — Сейчас многие до конца еще не осмыслили происходящего. После краха КПСС народ идеологически дезорганизован. Не видно политических лидеров, которым он мог бы доверять, и партийных программ, служащих его интересам. — И с горячим убеждением добавил: — Ничего, придет время, и они появятся. Смуты в России, как известно, всегда кончались. Страна возрождалась и вновь процветала.

* * *

В том, как быстро бывшие комсомольские вожаки превращаются в богачей — капиталистов, Наумов убедился во время одной из деловых встреч. По просьбе главы французской фирмы, выпускающей контрольную аппаратуру, он приехал в офис концерна, поставляющего на экспорт химикаты. Молодой гендиректор, который был, как говорили, в свое время аж членом бюро ЦК ВЛКСМ, принял его любезно, но часто прерывал беседу, ведя короткие переговоры по телефону.

— Прошу прощения! Знаю, что доставляю вам неудобства, но ничего не могу поделать, — искренне извинился бывший комсомольский вожак. — Поверьте, нас заинтересовало предложение французов. Мы поставляем на экспорт тысячи тонн химикатов, а их аппаратура позволит контролировать качество.

— Секретарь не должен вас соединять, когда заняты, — недовольно ответил Наумов. — Трудно вести переговоры, прерываясь через каждые два слова.

— Трудно, но что поделаешь, — сухо ответил гендиректор. — Думаю, вы лучше поймете меня, когда узнаете, что пара минут телефонного разговора приносит моему концерну прибыль в несколько миллионов рублей.

— Это каким же образом? — удивленно поднял брови Артём Сергеевич.

— Очень просто, — снисходительно объяснил молодой делец. — Так, во время последнего звонка я заключил сделку о срочной поставке на экспорт крупной партии удобрений. Медлить с такими решениями нельзя!

«Интересно все же — откуда у бывшего борца за всеобщее «равенство, братство и счастье» такой азарт к наживе? — подумал Наумов, глядя, с каким рвением тот занимается своим бизнесом. — Удобно ли спросить его об этом?» И немного поколебавшись, все же задал вопрос:

— Простите за нескромность, но я психологически не могу объяснить ваш интерес к совершению этих сделок. По-моему, как у бывшего борца против капитализма, у вас к ним должна быть аллергия. А вы очень усердно служите хозяевам концерна, способствуя их обогащению.

Молодой гендиректор сначала с удивлением взглянул на солидного ученого, как бы поражаясь его наивности, а затем вежливо, но с чувством собственного превосходства ответил:

— Ошибаетесь, уважаемый Артём Сергеевич. Я хоть и занимаю пост гендиректора, но являюсь совладельцем концерна и, естественно, стараюсь увеличить его доходы. Весь производственный комплекс: здания, оборудование, транспорт и прочее — принадлежит мне и группе моих товарищей из ЦК ВЛКСМ. — Он немного помолчал, как бы сомневаясь, надо ли ему быть откровенным, но все же продолжил: — Мы, как могли, служили коммунистической идее. Но когда она потерпела крах, мы, не будь дураками, быстро перестроились. И успели сделать это вовремя! Вряд ли вы знаете, каким большим имуществом владел ЦК ВЛКСМ. Его сразу стали растаскивать «демокрады», но и мы смогли взять свое, кровное. И насчет аллергии к коммерции и богатству у партийного руководства вы,

уважаемый, заблуждаетесь. Я-то знаю, какие делишки проворачивали первые лица государства и как они обогащались. Да и кто может быть равнодушен к богатству, дающему не только материальные блага, но и власть, и уверенность в завтрашнем дне? Одни лишь идиоты!

«Да уж, идиотами никого из бывших партийных и комсомольских вождей, в одночасье превратившихся в преуспевающих дельцов, назвать нельзя, — с горечью думал Наумов. — А вот ловкачами и бессовестными проходимцами назвать можно. Так они растащат все, что принадлежит народу».

Но оказалось, что шустрые ловкачи в погоне за быстрым обогащением не только присваивают «общенародную собственность», но и стремятся отнять у своих сограждан то, что принадлежит им лично. Как грибы после дождя, стали возникать финансовые пирамиды и всевозможные липовые компании, сулящие населению быстрый возврат вложенных средств с огромными процентами.

Липовые компании действовали на основании государственных лицензий, обману населения способствовала назойливая реклама в прессе и по телевидению, так что связь аферистов с органами власти была очевидной. И поскольку, как всегда, для заманивания людей в таких «пирамидах» поначалу полностью выплачивали вкладчикам то, что им причиталось, обнищавшее население понесло мошенникам последнее.

— Разве не стоит и нам увеличить то, что удалось скопить? — поверив рекламе, предложила Варя. — Многие уже удвоили свои сбережения, и люди стоят в очередях, чтобы вновь сделать вклады.

— Боюсь, Варенька, что это плохо кончится, — недоверчиво покачал головой Артём Сергеевич. — Невозможно понять, каким образом они с такой баснословной прибылью проворачивают деньги населения. А то, что необъяснимо, меня, как ученого, настораживает. — Он задумчиво помолчал и поинтересовался: — Ну а что тебе подсказывает твоя хваленая интуиция?

— По правде сказать, бьет тревогу, — с улыбкой призналась Варя. — Но другие же рискуют и выигрывают! Может, и нам стоит попробовать? Уж очень это соблазнительно.

— Соблазн, конечно, велик. Проценты-то небывалые! — раздумчиво произнес Артём Сергеевич. — И все же есть в этом что-то нечистоплотное. Сродни биржевой игре и спекуляции, — он брезгливо поморщился. — Мы ведь с тобой, Варенька, никогда не гнались за легкими деньгами. Даже в лотереях не участвовали. Так стоит ли начинать?

— Пожалуй, ты прав: это не наше, — не без сожаления согласилась Варя. — И хотя очень хочется удвоить то, что мы заработали, но душа у

меня тоже к этому не лежит.

В тот раз судьба помогла им избежать материальных потерь.

* * *

После достопамятного письма Наумовы от Лены никаких известий больше не имели. Югослав перечислил деньги на счет Артёма Сергеевича только один раз; он сразу же переслал их Лене, но она не позвонила и не подтвердила их получения письменно. Поскольку связь с ней надолго прервалась, напрашивался вывод, что сибирячка в нем не нуждается, а пособие от Слободана получает каким-то иным путем.

Вот почему для них с Варей совершенно неожиданным было известие о том, что Лена — в Москве, да еще не одна, а с сыном Алешкой. Сообщение об этом они получили ранним утром от соседки по комнате в общежитии телецентра, где Лена временно обитала.

— Извините за ранний звонок, но у нас тут случилась беда, — сказал незнакомый женский голос. — Ваш телефон дала мне Лена. Ее увезли в 40-ю больницу, а за Алешей присмотреть некому.

— А что с ней? — спросила Варя, которая взяла трубку. — Болезнь или травма?

— Скорее, травма, — в голосе женщины послышалась ирония, — Сильное кровотечение. Ее забрали в гинекологию.

— Вы мне можете все сказать, — потребовала Варя. — Я врач-гинеколог.

— Даже по телефону неловко, — уже не скрывая насмешки, ответила соседка. — Срамота! Жаль мальчишку, а то не позвонила бы. Так вы его к себе заберете?

— Мы за ним заедем, — ответила Варя. — Я догадываюсь, что произошло. У нее был мужчина?

— Да, — коротко подтвердила соседка. — Запишите адрес.

Варя разбудила мужа, и вскоре он вернулся с Алешкой и большим чемоданом, в который соседки, проживавшие с Леной в одной комнате, сложили ее вещи. Алешка, худенький голубоглазый непоседа, сразу заявил, что хочет есть, и вместе с Варей отправился на кухню, а Артём Сергеевич достал его вещи и засунул чемодан на антресоли.

— Мальчишка не спал всю ночь и как поел, задремал за столом, — сказала ему Варя, укладывая Алёшу спать на диване в гостиной. — Пусть сначала выспится, а помою его сразу, как приду с работы.

Когда мальчик уснул, Наумов передал жене, что рассказали соседки.

— Лена прибыла на телецентр в командировку. Там монтируют программу с ее репортажами. Накануне вечером у них в комнате была гулянка с мужиками.

— И Алеша в ней участвовал? — нахмурила брови Варя. — Это нехорошо!

— А куда его денешь? Они сказали, что он всех веселил. Так здорово пляшет, — усмехнулся Артём Сергеевич и уже серьезно добавил: — Видно, мальчику не впервой участвовать в гулянках. Разумеется, это очень плохо. — Он вздохнул и, преодолевая неловкость, продолжал: — Во втором часу ночи двое мужиков ушли, а Лена своего ухажера оставила, несмотря на протесты соседок. Что с ней сделал этот скот, они мне не сказали, но... — замялся, стыдливо опустив глаза, — скоро с Леной приключилась какая-то беда. Она подняла крик, было много крови, и пришлось вызвать скорую.

— Вероятно, грубый половой акт... с повреждениями, — как врач предположила Варя. — Виноват, конечно, мужлан, но и Лену это роняет. Над ней насмеются даже соседки, которые и сами-то не высокой нравственности. Ты бы слышал, как со мной говорили по телефону!

— А чего было слышать, когда я с ними там разговаривал, — угрюмо ответил Артём Сергеевич. — Даже мне за Лену было стыдно.

Но еще большее унижение он испытал, когда приехал в больницу навестить Лену. Явившись, как положено, с цветами и фруктами, Наумов решил сначала поговорить с врачом.

— Как прошла операция? — поинтересовался он у пожилой солидной дамы, зайдя в ординаторскую. — Она легко ее перенесла?

— Вы называете это операцией? — язвительно усмехнулась дородная дама в белоснежном халате. — Пустяки. Зашили и все. Вашей дочери нужно осмотрительнее вести себя с мужчинами. Не девочка уже!

Красный от стыда и возмущения, он вошел в палату.

Она лежала бледная и осунувшаяся, и в душе у Наумова шевельнулась жалость.

— Ну, как себя чувствуешь? Надеюсь, сделаешь из этого серьезные выводы? — как ему казалось, строго произнес он. — Я говорил с дежурным врачом.

— А ты больше слушай старух! Они и не помнят себя молодыми, — небрежно бросила Лена. — Поздно меня воспитывать, отец. Я уже взрослая. Лучше скажи, как там Алешка?

Если бы она переживала случившееся или хотя бы промолчала, то

Артём Сергеевич смог бы говорить спокойно. Но наглый тон Лены его снова взвинтил.

— Научиться прилично себя вести никогда не поздно! — возмущенно сказал он. — До чего ты дошла? Над тобой насмеются не только подружки, но даже врачи. Но самое скверное — то, что свидетелем своих безобразий ты делаешь сына!

— Ну вот, начались нотации. Потому я тебе и не звонила, — враждебно посмотрела на него Лена. — Никогда мы не пойдем друг друга!

— Может быть, и так. Однако в трудную минуту ты все же обращаешься ко мне, — укоризненно напомнил Артём Сергеевич. — И сейчас об Алеше заботится Варя. Вот почему я вправе требовать от тебя поведения, за которое не было бы стыдно.

Но видно, не суждено ему было изменить неразумную натуру Лены. Она сказала так, будто оказывала ему одолжение:

— Ничего не случится, если Алешка немного побудет у вас. На днях я уже выйду. И надеюсь, тебя не слишком затруднит привезти его на вокзал.

В этом она была права. Хотя мальчик был непоседлив и требовал к себе немало внимания, он не только не затруднил их жизнь, а, напротив, привнес в нее теплоту, забаву и развлечение. Артём Сергеевич с Варей успели к нему привязаться и расставаться было грустно. «Если бы Лена хоть немного поумнела, — с надеждой подумал Наумов, когда вез Алешу к поезду, — мы могли бы изредка видаться и им помогать».

Но увы, этого не произошло. Лена держалась с высокомерной наглостью, которая в ее положении была просто смешна. Даже не поблагодарив и не передав привет Варе, она небрежно бросила на прощание:

— Ну что ж, отец. Не знаю, когда мы снова увидимся. Ты понимаешь, что обращаюсь к тебе только в случае большой нужды. Но надеюсь, она нас минует!

«Бог тебе судья! Вошла ты в мою жизнь незваной, и остаешься чуждой душой, — печально думал Артём Сергеевич, уходя с перрона. — Живи как хочешь и будь счастлива! А подрастет Алеша — там посмотрим».

* * *

Жульническое «первичное накопление капиталов» продолжалось и даже набирало обороты. А собрав любым доступным путем огромные денежные средства, устроители «пирамид» и прочие аферисты стремились

приобрести наиболее жирные куски бывшей «общенародной собственности», благо продажные чиновники готовы были отдать ее за бесценок.

— Ты думаешь, почему Гайдар и его команда попустительствуют всем этим жуликам, а похоже, и действует с ними заодно? — объяснил Наумову суть происходящего Максименко, у которого наконец-то дела пошли в гору. — Они иначе не могут осуществить реформы и перейти к частной собственности! Кто купит крупные предприятия? Только иностранцы, так как у наших — шиш в кармане.

— Выходит, они покровительствуют всем этим ловкачам, и даже, возможно, с ними связаны? — поразился Артём Сергеевич. — Но это же — преступление! Форменный грабеж!

— А кто, по-твоему, на заре капитализма становился пионером-миллионером и потом прибрал к рукам финансы, промышленность и всю власть? — задал вопрос Максименко, и сам же ответил. — В основном бывшие пираты и разбойники. Это уже позже, отмыв свои грязные деньги, их потомки сделались респектабельными, всеми уважаемыми людьми.

— Неужто и нам грозит то же? — опечалился Наумов. — Ты считаешь неизбежным, что первое время у нас будут править жулики и проходимцы?

— Другого пути нет, чтобы быстро перейти от общественной собственности к капитализму, — убежденно сказал Максименко. — А богачи-капиталисты у нас могут появиться, лишь ограбив население, банк или государственную казну.

— Население уже вовсю грабят, — мрачно констатировал Артём Сергеевич. — Похоже, что и казну. Неужто при тайном содействии правительства могут «запустить лапу» даже в Госбанк?

— По слухам, что-то такое назревает, — подтвердил Николай Павлович. — Вот увидишь, скоро появятся первые крупные капиталисты, и большинство их будет тесно связано с правительством и высшими чинами государства.

И хотя Наумову в это не верилось, дальнейший ход событий показал, что его друг был прав. Произошло, что называется, «ограбление века» — гигантская афера с подложными авизо, опустошившая центральный Госбанк России. Огромные суммы ушли из него по этим фальшивым документам на счета таких же липовых фирм-однодневок, мгновенно «испарившихся».

Это преступление совершалось не один день, и необъяснимое ротозейство чиновников Госбанка так же, как и безмятежное отношение правительства к регулярному исчезновению крупных сумм из казны,

подтверждало подозрение, что кое-кто из его членов в лучшем случае попустительствует переходу государственных средств в частные руки.

— Ну, что я тебе говорил? — напомнил Максименко. — Вот и разграбили Центробанк. — Не без участия высшего руководства. Потому и денег этих не найдут. Кто их, по-твоему, будет искать?

— Но ведь у большинства подложных авизо «чеченский след». Неужели наша милиция и славные чекисты не могут найти казнокрадов? — недоумевал Артём Сергеевич. — Это же явная угроза государственной безопасности России!

— Во-первых, я уже назвал причину, по которой розыск идет вяло, если он вообще ведется, — объяснил Николай Павлович. — А во-вторых, ты думаешь, случайно денежки исчезли в Чечне? — Он язвительно усмехнулся: — Ты думаешь, почему Гайдар поддержал сепаратиста Дудаева и ничего не предпринимает, хотя этот «наполеончик» уже объявил о независимости Чечни? А все потому, что решили сделать из нее «черную дыру».

Чтобы спрятать там ворованное и чтобы никто не смог бы его найти. Вот и весь фокус!

На этот раз Артём Сергеевич был вынужден согласиться с убийственными доводами своего друга, и дальнейшее убедило его в том, что Максименко не только умело разбирается в деловой конъюнктуре, но и верно оценивает политическую обстановку.

* * *

Сепаратиста Дудаева, незаконно захватившего власть в Чечне, не только не наказали, но, наоборот, вывели оттуда войска и оставили ему огромное количество вооружения. Тем самым была создана пресловутая «черная дыра», в которой бесследно исчезали как уворованные из казны капиталы, так и разыскиваемые опасные преступники.

Однако накопителям «первичного капитала» этого показалось мало, и стали возникать зоны свободной торговли — офшоры, где создавали многочисленные подставные фирмы, на счета которых, уводя от налогов, перекачивались доходы и ворованные финансовые средства. Размах утечки капиталов из страны принял гигантский размах.

— И как наш народ это терпит? — кипя от негодования, изливал ему душу Царев. — Правительство получает от Запада такие большие займы на проведение реформ, и непонятно, куда они деваются. Все бессовестно

разворовывают!

— Так ведь известно, что у нас — страна «дураков и плохих дорог». Это наша историческая беда, — чтобы охладить его пыл, пошутил Артём Сергеевич. — Даже президент руками разводит: мол, «черт его знает — куда все уходит». И ни дорог не думает строить, ни бороться с коррупцией и казнокрадством.

— Нет, дружище, это не так. Наш народ умен и талантлив. И Ельцин не такой пьяница и бездельник, как многие считают, — горячо возразил Царев. — И те, кто с таким размахом нас грабит, создавая несметные капиталы, они хоть и мошенники, но очень умные люди. Наш президент не так прост. В оппозиционной прессе и за рубежом уже много сообщений о том, как быстро разбогатели его дочери. Сам-то вроде бы чист, — добавил он с усмешкой. — Зато его зятья-бизнесмены стали вдруг миллионерами.

— А ты не допускаешь, что многое делается за его спиной? Ведь это правда, что он сильно пьет и со здоровьем у него проблемы. Я тоже разочарован, что Ельцин не выполняет того, что обещал народу и допускает такое вопиющее воровство. Но не верится все же, что он делает такое сознательно.

— Это очевидно! — продолжал горячиться Владимир Иванович. — Не понимаю, почему ты так к нему снисходителен. Его надо смещать, пока не разбазарил то, что еще осталось от России! Даже вице-президент Руцкой против него восстал, а был его ярым сторонником. Значит, не может терпеть творящихся безобразий.

— И ты веришь этому ренегату? Он примкнул к Ельцину против Горбачева, а теперь хочет использовать конъюнктуру, чтобы дорваться до власти, — поморщился Артём Сергеевич. — А что полезного сделал? Ноль. Может, чего-то достиг в борьбе с коррупцией?

Кроме болтовни, ровным счетом ничего! Я хоть и не одобряю, как действует Ельцин на посту президента, но не могу не отдать ему должное. Все-таки именно он сломал хребет коммунистической диктатуре! И хоть ничего не делает для дальнейшей демократизации, допуская широкомасштабное воровство, но заслуга его велика.

— Да чем же она столь велика, если он обманул народ и не выполняет своих обещаний? — не согласился Царев. — Коммунизм в России себя изжил, и, так или иначе, этот режим все равно бы пал.

— Но когда, если бы не Ельцин? — возразил Наумов. — А сейчас народ его может переизбрать и демократическим путем поставить того, кого сочтёт более достойным. Это дорогого стоит!

— А ты таких видишь? Даже Руцкому не веришь. Где же гарантия, что

новый тоже нас не обманет? — скептически заметил Владимир Иванович. — Надо, чтобы те, кто рвется к власти, отвечали за обман народа!

— Конституция позволяет сделать это демократическим путем, — убежденно сказал Артём Сергеевич. — Вот что самое ценное!

— Значит, ты за то, чтобы его сместили по Конституции? — оживился Царев.

— Да, но не поменяв на Руцкого, — ответил ему Наумов. — Пусть доработает до новых выборов. — Царев бросил на друга недовольный взгляд, но, подумав, снисходительно заключил: — Ты, как и многие, еще пребываешь в эйфории демократических перемен. Поэтому прощаешь Ельцину его беспардонный обман и падение уровня жизни. Но это у тебя скоро пройдет.

* * *

Сделавшись волею судьбы тещей министра, старшая сестра Наумова вновь приобрела уверенность и чувство превосходства — утраченные после смерти мужа. Этому способствовали немалые привилегии и дополнительные блага, предоставленные членам правительства и их семьям. Единственно, чего Лёле, обладавшей утонченным вкусом и привыкшей ко всему самому лучшему, не хватало — это денег.

Энергичная и деятельная по натуре, она с помощью своих, таких же предприимчивых приятельниц нашла способ решения денежной проблемы. Об этом Артём Сергеевич узнал, заехав к сестре, чтобы попросить ее заказать два билета в Большой театр, достать билеты по-прежнему было трудно. Министру Николаеву это ничего не стоило, и Лёле проще было с ним договориться.

— А почему ты не попросишь его сам? — спросила она для пущей важности. — Ведь он тебе не откажет.

— Будто не знаешь, что на службу дозвониться к нему невозможно, а домой он приходит очень поздно. Сама же говорила.

— Ты прав, мне самой легче будет с ним договориться. В крайнем случае билеты закажет Вика от его имени, — согласилась Лёля. — Он сейчас все силы отдает реконструкции Третьяковской галереи. Представляешь, в стране даже на это нет денег! Вот ему и приходится их выбивать, чтобы сохранить национальную гордость России.

Так же, как в свое время сестра самоотверженно содействовала

служебным успехам мужа, так она теперь целиком жила интересами дочери и зятя. В этом Лёля удивительно напоминала чеховскую Душечку.

— Но почему он сам этим занимается? — пожал плечами Артём Сергеевич. — Насколько я знаю, реконструкция Третьяковки — дело московского правительства.

— Это так, но требуется много валюты, и без него получить средства из федерального фонда они не могут, — так же важно ответила Лёля. — Обновленная Третьяковка оставит память о том, что сделал Николаев на посту министра! — Она подробно рассказала брату, какой станет Третьяковская галерея и весь прилегающий к ней район после реконструкции, а потом безо всякого перехода неожиданно спросила: — У тебя, кажется, есть валютный счет. Не хочешь его увеличить в полтора-два раза? Дело верное!

— Так уж и верное, — недоверчиво отозвался он. — Если ты о том, чтобы вложить деньги под большие проценты, то и риск потерять их очень велик!

— Это смотря куда. Мы с приятельницами уже два раза на полгода клали деньги в банк «Чара» и получали все сполна! И кроме того, у нас есть гарантия, — заверила его Лёля. — Моя приятельница дружит с главой этого банка. Так что в случае чего... — она выразительно посмотрела на брата, — нам, как понимаешь, вернут вклад в числе первых.

— Я все же воздержусь. Мы с Варей в азартные игры не играем. Мне неясно, за счет чего «Чара» выплачивает огромные проценты. Это пахнет финансовой «пирамидой»!

— А я тебе говорю — ты ничем не рискуешь! — сердито сказала Лёля. — Даже если банк лопнет, мы узнаем об этом заранее и успеем забрать свой вклад. Один раз мне от тебя что-то понадобилось, и ты отказываешь, — обиженно добавила она. — Будто не знаешь, что у меня плохо с деньгами.

— Могу одолжить, если надо, — предложил Артём Сергеевич. — Но ты мне об этом не говорила.

— Мне этого не требуется, — ответила Лёля. — Но надо вложить в «Чару» на полгода десять тысяч долларов, а у нас набирается только восемь.

— А почему нельзя внести восемь? — удивился он.

— Внести можно, но процент намного меньше, — недовольно объяснила Лёля. — Ладно, прекратим этот разговор.

Мгновенно возникшая напряженность огорчила Артёма Сергеевича. «А стоят ли деньги того, чтобы омрачить наши отношения? — подумал он и

про себя решил: — Ладно, ввяжусь в авантюру. Варя давно уже это предлагала».

— Ну что ж, я внесу недостающие две тысячи, — вздохнул он. — Но только потому, чтобы ты не считала, что я чего-то могу пожалеть, если надо тебе помочь. Я и раньше всегда делал для тебя все, о чем просила.

Обрадованная Лёля напоила его чаем и тепло с ним распрощалась, но Артём Сергеевич ушел с тяжелым чувством, хотя и не мог тогда предвидеть, что потеряет свои трудовые сбережения.

* * *

Грандиозным семейным событием в тот год явилась женитьба внучатого племянника Наумова. Дима, окончивший факультет журналистики и успевший поработать репортером в «Московских новостях», нашел свое новое призвание в рекламном бизнесе. Ведя богемный образ жизни, он менял любовниц, и Вика уже потеряла надежду, что сын остепенится, но произошло неожиданное. Дима, прожив довольно долго вместе с дочкой известного эстрадного артиста, решил сочетаться с ней законным браком.

— Я на седьмом небе от счастья! Ведь уже смирилась с тем, что женить сына не удастся, — призналась племянница, приглашая Артёма Сергеевича и Варю на свадьбу. — Мой Димка вовсе не красавец, а девки к нему так и льнут. Не знаю, чем эта взяла. Не думаю, чтобы его прельстило стать зятем знаменитости.

— Положим, эта партия для него хороша не только потому, что его будущий тесть такой известный артист, — добродушно заметил Наумов. — Говорят, что жена знаменитости успешно ведет семейный бизнес и они не в пример другим артистам, очень состоятельны. Даже владеют недвижимостью!

— Их богатство преувеличивают, — возразила Вика. — Правда, все расходы на свадьбу сваты берут на себя, а они будут огромными, поскольку круг знакомых чрезвычайно велик. Однако квартиру для молодых требуют с нас, хотя знают, что мы по сравнению с ними — бедняки. Влияния у министра много, а денег нет!

— Да уж, квартиры очень дорогие, и абы какая вряд ли их устроит, — посочувствовал ей дядя. — Хорошая да в центре, не меньше, чем свадьба, потянет.

— Они хотят получить квартиру только в «доме на набережной», — с

усмешкой сказала Вика. — Считают, что нам это по силам.

— А вы и правда сможете? — удивился он. — Говорят, что в знаменитом доме и квартиры особенные.

— Квартиры там великолепные, и даже министрам, которые часто меняются, получить такую непросто. Но мама сможет это сделать, — уверенно заявила Вика. — Ее просьбу удовлетворят.

— Вот-те раз! Почему? — с любопытством взглянул на нее Артём Сергеевич.

— Ими распоряжаются московские власти. А на своих местах остались все те, кому папа сделал много добра, — объяснила Вика. — Министра Николаева они «бортанут», а вдове Бандурского не откажут.

— Но в этом шикарном доме, наверное, нет небольших квартир, — усомнился Наумов. — Что тогда будете делать?

Вика бросила на него лукавый взгляд.

— Ты думаешь, дядя, сваты этого не знают? Наоборот, чем больше нам предложат квартиру, тем будет лучше.

— Это почему? — не понял Артём Сергеевич.

— Потому, что нам и маленькая не по карману, — весело объяснила Вика. — Они пусть и раскошеляются, раз им так приспичило. — И с усмешкой добавила: — Квартиру там хотят заполучить сами родители. А свою отдадут нам!

Так все и произошло. Лёле удалось получить разрешение на покупку в этом доме аж четырехкомнатной квартиры. Туда сразу пожелали переселиться сваты, и все было улажено, как того хотела Вика. Свадьба превзошла все ожидания! Ни до, ни после Наумовым подобного праздника видеть не приходилось.

Чествование молодых и угощение было организовано не в ресторане, а в частном клубе, совладельцами которого были родители невесты. Клуб располагался в двух старомосковских двухэтажных особняках, и маленький дворик между ними был устлан зеленым ковролином. В одном из зданий устроили бар, где прибывающие гости могли освежиться аперитивами и коктейлями, а также слегка перекусить в ожидании начала торжества.

Когда прибыли молодые, все перешли во второй особняк с двумя большими залами, где стояли столы для фуршета и бары со спиртными напитками. Сказочное изобилие блюд с закусками и фруктов поражало воображение. Присутствовало абсолютно все, чем богата наша планета.

— Теперь я вижу, что Лёля мне правду сказала о том, что многое доставлено самолетом из Парижа, — восхищенно сказала Варя, пробуя необычайно вкусный салат. — Да и таких свежих омаров не получишь ни в

одном ресторане.

— Что омары! Такой вкусной ветчины в Москве не сыскать! — согласился с ней Артём Сергеевич. — И все же не люблю я фуршеты, даже столь шикарные. Не по-людски толпиться и стоя тянуться за тем, чего хочешь, вместо того чтобы удобно сидеть за столом. — Он покосился на стоящих рядом и, не скрывая иронии, добавил: — Посмотри, как торопятся разобрать все лучшее. Видно, многие опасаются, что не хватит на всех. А за столом люди всегда ведут себя достойно и никто не спешит.

— Ты прав. Кругом такие знаменитости, а расхватывают деликатесы и едят так жадно, будто из голодного края, — удивилась Варя. — Даже мне за них неудобно.

Гостей было не меньше двухсот, и знаменитостей среди них хватало. Кроме прославленных звезд и деятелей искусства, на свадьбе присутствовала почти вся властная элита Москвы и Санкт-Петербурга. Разумеется, был и госсекретарь. Яркие одежды артистов соседствовали со строгими костюмами высших чиновников и генеральскими мундирами. Празднеством попеременно руководили признанные остроумцы Ширвиндт и Брунов.

Веселились допоздна. Танцевали под отличный джаз, а когда Наумовы уже собрались уходить, их догнал министр Николаев. Он был изрядно навеселе, но держался крепко и широко улыбался.

— Привет, ребятки! Надеюсь, вам понравилось? — по-родственному приобняв, спросил он. — Мы с вами так и не выпили. Вы что же не подошли?

— А к вам нельзя было пробиться, — объяснила Варя. — Но мы честно поддержали все тосты.

— Все равно непорядок! — полушутя упрекнул Николаев. — Надо это поправить.

Взяв под руки, он подвел их к стойке бара. Ему подали бутылку виски, открытую банку черной икры, и министр, собственноручно наполнив рюмки, предложил:

— Выпьем за то, чтобы молодые и все мы были счастливы!

Они осушили свои рюмки до дна, хотя были сыты, как говорится, «по горло» и хотели идти, но Николаев спросил:

— Не пора ли вам уже помириться с Надеждой и Анечкой? Я знаю, что вы сторонитесь друг друга.

— Мы не ссорились, но и хороводиться нам ни к чему, — ответил Артём Сергеевич. — Кстати, я видел мельком только Надежду. А Аню что, не пригласили?

— Наверное, нет, хотя точно не знаю, — пожал плечами Николаев. — Вечно у моих с ними какие-то бабские распри.

— Да уж, непростые отношения у нас с детьми, — мягко произнес Наумов, чтобы покончить с этой неприятной темой. — Я вижу, что и твоего сына здесь нет. Его тоже не приглашали?

— Приглашали, да все кочевряжится, обиды строит, — досадливо поморщился Николаев. — Но от моей помощи не отказывается.

«Не пойму, отчего Надежда бывает у Лёли и Вики, а Аня их избегает. Не из-за меня же? — грустно подумал Артём Сергеевич, когда возвращались на такси домой. — Нужно спросить об этом у Лёли». Однако ни на следующий день, ни после он этого не сделал, не желая ворошить прошлое.

Глава 4

Без цензуры

Очевидно, Ельцин и прессе разрешил взять столько свободы слова, сколько она сможет «переварить», так как на книжных рынках и в средствах массовой информации наступил форменный шабаш вседозволенности. Если в прежние времена не допускалось ни слова против правящего режима, то теперь можно было поносить его и открыто проповедовать фашизм. Никого не преследовали даже за издание и распространение библии нацизма — «Майн кампф» Адольфа Гитлера.

Почти открыто продавали порнографическую литературу и видеокассеты с порнофильмами. Все прилавки были забиты книжной продукцией, воспевающей культ насилия и наживы. Даже телеэкран заполнили боевики, утверждающие превосходство грубой силы над законом и торжество отпетых мошенников над честными людьми.

— Такое впечатление, что нам пытаются внушить, что бороться с негодяями за свои права бесполезно, так как одолеть всемогущую мафию нельзя, — гневно осудил происходящее Наумов, встретив своего друга Царева. — Будто какие-то дьявольские силы стремятся разрушить нравственные устои нашего общества, сломить его сопротивление злу.

— А что я тебе говорил? — Сразу сел на своего любимого конька Владимир Иванович. — Только дьявол тут ни при чем. Эти злые силы — наши старые враги, которые хотят уничтожить Россию.

— Ты знаешь, что я с тобой не согласен насчет жидомасонских заговоров по уничтожению России, но вынужден, — с горечью произнес Артём Сергеевич, — все же признать факт: идет разнузданная пропаганда насилия, вседозволенности и очернительства вечных человеческих ценностей; и это создает впечатление, что кто-то ставит целью морально разложить наше общество. Хотя, думается, масоны тут ни при чем. Скорее всего скрыто финансирует эту подрывную кампанию, продолжая «холодную войну», ЦРУ — для того, чтобы ослабить нас, как своего потенциального противника.

— Ты прав, хотя не только американцы направляют и финансируют эту подрывную кампанию, — убежденно сказал Царев. — Взять хотя бы то, как поносят недавнюю советскую историю и коммунистических вождей. Будто не было никаких достижений. Ни победы над Гитлером, ни освобождения Европы, ни полетов в космос!

— Особенно возмущает молчаливая поддержка этой разнузданной кампании нашей правящей элитой, — согласился с ним Наумов. — Ведь она в основном состоит из бывших партийных руководителей, которые несут ответственность за прошлое.

— У нас, в Академии наук, большинство ученых деморализовано происходящим, — удрученно сказал Владимир Иванович. — Многие ведь — Герои соцтруда, лауреаты Ленинских премий. Их большие заслуги и государственные награды теперь совершенно обесценены. Это может нанести непоправимый урон нашей науке. Даже не снижение зарплаты и пенсий, а именно моральный ущерб может вызвать «утечку мозгов» из России! Во многих странах и даже в США спят и видят, как бы заполучить наших видных ученых и талантливую молодежь, предоставив им лучшие условия.

— Да уж, пожалуй, здесь таится самая большая беда, грозящая нашей науке, — кивнул Артём Сергеевич. — От многих приходится слышать, что они подумывают о том, как бы перебраться на Запад или к арабам. Мотивируют это желанием получать достойную оплату труда. Но думаю, что дело скорее в деморализации.

— Все это так, но и грядущая безработица погонит их из страны, — озабоченно произнес Царев. — Объем промышленного производства падает, а об «оборонке» и говорить нечего. Сокращение военных заказов и затеянная конверсия оставляют оборонные предприятия без работы. Производство кастрюль вместо ракет их обанкротит!

— Видя, с каким равнодушием правительство, проводя реформы, относится к развалу промышленности и упадку военного потенциала страны, и впрямь можно подумать, что в нем засели «агенты влияния» врагов России, — подводя итог разговору, с горечью заключил Наумов. — Ведь в результате этих реформ и «шоковой терапии» Гайдара жизненный уровень населения стал еще ниже.

Так оно было на самом деле. Никаких признаков хотя бы начала обещанного Ельциным улучшения жизни народа и процветания России не наблюдалось.

* * *

Читая газеты, слушая радио и глядя на экран телевизора, Артём Сергеевич все более убеждался в неспособности пришедших к власти противопоставить свергнутой свою конкретную программу и идеологию.

Особенно ярко это проявлялось в том, что новые произведения литературы и кинофильмы в основном лишь разоблачали и клеймили коммунистический режим, однако не содержали ничего, рисующего людям более привлекательное будущее.

— Создается впечатление, — пожаловался он жене, — что Ельцин с соратниками из-за отсутствия подготовленной политической и экономической программы просто растерялись. Они хотели бы побыстрее перейти к капитализму, но не знают, как это сделать. Отсюда все нынешние беды.

— Ты прав. Ничего пока у этих болтунов не получается, — грустно согласилась Варя. — Жить стало тяжелее. Народ совсем обеднел. Какой толк от того, что больше товаров, если у людей нет денег?

— Хуже всего то, что неизвестно, когда все изменится к лучшему, — заключил Артём Сергеевич. — Кроме демагогических посулов, конкретных благ народу не предоставляют. И по размаху, который приобрели казнокрадство и хищение госсобственности, надеяться на это не приходится.

— Мне кажется, сама власть это сознает. Поэтому всячески старается отвлечь внимание людей от острых проблем и провалов своей экономической политики, — предположила Варя. — Заметил, как резко увеличилось количество лотерей и никчемных развлекательных игр по телеку?

— Еще бы! Одно лишь «Поле чудес» чего стоит! — возмущенно подтвердил он. — Это циничный намек на поле в стране дураков из «Золотого ключика» Алексея Толстого. Мало того, что дурят народ, так еще над ним насмеваются!

— Теперь видишь, Тёмочка, какие они на деле демократы? Партийные бонзы смотрели на народ, как на быдло, и эти тоже. А ты еще им верил. Хорошего ждать от них нечего!

Безыдейность и духовная импотенция, воцарившиеся в то время в обществе, наглядно проявлялись в эклектике содержания кинофильмов, предлагавшихся телевидением. Так как отечественная «чернуха», зарубежные боевики и «мыльные оперы» у зрителей быстро набили оскомину, почти все телеканалы вытащили из архива и пустили в прокат «светлые» советские фильмы, прославляющие революцию и советскую власть.

— Ты чего-нибудь понимаешь? — недоуменно спросила у мужа Варя. — Ну как можно почти одновременно показывать пасквиль на Ленина, утверждающий, будто он делал революцию на деньги Германии, и

фильмы, идеализирующие его образ? Доказывать, что Гражданская война была преступлением и вновь выпускать на экран «Неуловимых мстителей»?

— Это оправдывают пресловутым «плюрализмом», но на деле старые советские фильмы вновь прокатывают из чисто коммерческих соображений, — объяснил Артём Сергеевич. — А на то, что после этого в головах миллионов телезрителей царит сумбур, по-видимому, правящим «демокрадам» наплевать.

— Но при чем тут коммерция? — не поняла Варя. — Может, на телевидении засели бывшие партийные руководители, тоскующие по прошлому?

— Все дело в рекламе, — досадливо поморщился он. — Зрителям надоели «ужастики», криминальные боевики и зарубежные страсти. Поэтому они даже наши старые советские фильмы смотрят с удовольствием, несмотря на назойливую рекламу.

— Верно. Я тоже недавно с удовольствием вновь посмотрела очень старые фильмы «Свинарка и пастух» и «Кубанские казаки», хотя их содержание — это сплошное вранье. Потому что они веселые, музыкальные и жизнеутверждающие. А наша «чернуха» — жестокая, безрадостная, и герои — одни бандиты, проститутки и удачливые мошенники.

— В том-то и дело. Может, новые фильмы и содержат жизненную правду, но народ не хочет верить в безысходность, в то, что мафию нельзя победить. Нужны фильмы, где добро берет верх над злом.

* * *

Но пока зло повсеместно брало верх над добром. Непонятное попустительство власти породило стремительный рост коррупции и криминала. На этой благодатной почве набрала силу организованная преступность. Как грибы после дождя в регионах страны выросли многочисленные преступные группировки. Даже в столице их было несколько, и некоторые состояли сплошь из приезжих бандитов по этническому признаку.

Стали обычными неизвестные ранее преступления — заказные убийства. Тех, кто по каким-то причинам мешал новоявленным богачам, безнаказанно убивали среди бела дня. И не только их конкурентов и тех, с кем они сводили счеты. Взрывали и отстреливали даже неугодных

политиков, невзирая на их статус. Появилась и неслыханная доселе у нас специальность профессионального убийцы — киллера.

Такой криминальный «беспредел» и, по сути, отсутствие борьбы с ним со стороны власти столь сильно напугали иностранных бизнесменов, что они резко сократили свои вояжи в Россию, а многие вообще свернули дела. Это сделали и клиенты Наумова, в результате чего он лишился дополнительного заработка.

— Ничего страшного, Тёмочка. На жизнь нам пока хватает, — утешала Варя приунывшего мужа. — Не забывай, что ты вот-вот разменяешь уже седьмой десяток. Сам Бог тебе указывает, что пришла пора работать в щадящем режиме. А вот разгул бандитизма, из-за которого иностранцы боятся к нам ездить, это — беда. Ну почему так плохо раскрываются заказные убийства? Что мешает ловить этих негодяев — киллеров?

— Ссылаются на плохую оснащенность и нехватку кадров в правоохранительных органах, но я не верю этому, — сердито ответил Артём Сергеевич. — Сдается мне, что все дело в коррупции и разложении силовых служб, включая ФСБ. Думаешь, киллеры — простые бандиты? Нет, это очень меткие стрелки, как правило — профессиональные снайперы. Так откуда они берутся?

Наумов вопросительно взглянул на жену, но она не ответила, и он объяснил:

— Талантливые спортсмены идут на это редко. Но в войсках, милиции и ФСБ готовят снайперов и диверсантов. Даже профессиональных убийц.

— Выходит, это из них вербуют киллеров? — сообразила Варя. — Но тогда ведь не так уж трудно вести розыск. Их же должны знать наперечет.

— И я так думаю. Должны, и знают, — подтвердил Артём Сергеевич: — Вполне вероятно, что в организации заказных убийств замешаны и коррумпированные чиновники силовых ведомств. Поэтому и не ловят рядовых исполнителей — киллеров.

— Если то, что ты говоришь — правда, дальше идти некуда! — ужаснулась Варя. — Это же полное разложение милиции и органов безопасности!

— А я о чем сокрушаюсь? Как раз об этом, — грустно констатировал Артём Сергеевич. — К сожалению, преступники проникли и в органы правопорядка, и в службу безопасности. Причина — предательская погоня за личной наживой, поражающая всех, как эпидемия чумы. Даже министров и высших чиновников.

— Ты прав. Об этом открыто говорят в Верховном Совете, — кивнула Варя. — А Рущкой заявил, что коррупция в высших эшелонах власти

такова, что у него уже набрались чемоданы компромата. Ты ведь слышал об этом?

— Конечно. Он давно уже критикует Ельцина за допущенные недостатки и воровство, — подтвердил он. — Раньше я считал, что вице-президент делает это, чтобы «подсидеть» своего шефа. Но теперь, похоже, Руцкой и правда восстал против творящегося безобразия.

— Вот видишь, ты был к нему несправедлив. А он, похоже, честный человек, который попал в окружение жуликов и пытается с ними бороться. Думаю, что долг всех честных людей помочь ему в этом. Давай, Тёмочка, вступим в партию Руцкого, если он и его соратники действительно стремятся спасти страну и обеспечить благосостояние народа.

— Ну что же, может быть, так и надо поступить, — задумчиво отозвался Артём Сергеевич. — Попробую связаться с районной организацией. Сейчас у меня появилось для этого свободное время.

* * *

Решение, принятое Наумовыми, в этот период было особенно актуально. Оппозиция правительству Ельцина со стороны спикера Верховного Совета Хасбулатова и вице-президента Руцкого обострилась до предела. Оба они — бывшие соратники президента России открыто выступили против него, утверждая, будто он не способен управлять страной.

Сначала они, вопреки воле Ельцина, добились отставки Гайдара и замены его «крепким хозяйственником» Черномырдиным. По-видимому, надеялись, что бывший советский замминистра будет прислушиваться к мнению Верховного Совета и проводить, вместо «шоковой терапии», менее жесткую социальную политику. Но просчитались.

Новый премьер-министр послушно выполнял волю президента, лишь делая вид, будто лоялен Верховному Совету. Ельцин же по-прежнему пренебрегал мнением Хасбулатова и демонстративно игнорировал Руцкого, несмотря на то, что тот был не только вторым лицом в государстве, но и лидером крупнейшей по численности после КПСС партии.

Первый президент России играл с огнем, поскольку коммунисты, имевшие в Верховном Совете большинство, давно жаждали свергнуть антинародный режим Ельцина. Они охотно объединились со сторонниками Хасбулатова и Руцкого с тем, чтобы начать законную процедуру отрешения его от власти. Для этого им достаточно было набрать конституционное

большинство голосов.

Создавшееся положение было столь серьезным и судьбоносным, что, идя на собрание «руцкистов», Наумов заколебался.

— Ты знаешь, меня просто замучили сомнения, — признался он жене. — Я далеко не уверен, что тандем Хасбулатов-Руцкой и их окружение являются достойной альтернативой Ельцину. Как бы не стало еще хуже!

— Неужели может быть хуже, чем сейчас? — не согласилась Варя. — Сам же говоришь, что дальше ехать некуда. Бандитизм, кругом разворовывают то, что принадлежит народу, а людям не достается ни шиша.

— Так и есть, но к власти может прийти еще более голодная и беспощадная компания, жаждущая наживы. Ведь мы не знаем, на что способны Хасбулатов и Руцкой, если возьмут власть, — с сомнением произнес он. — Боюсь, что они не только присвоят то, что еще не разворовано, но вдобавок начнется кровавый передел собственности.

— Но они все-таки правильно критикуют Ельцина и обещают наказать жуликов, — напомнила Варя. — Надо помочь им сдержать свои обещания!

— Ельцин тоже сулил народу золотые горы и ничего не выполнил, — сердито ответил Артём Сергеевич. — Что сделали Хасбулатов и Руцкой, чтобы им можно было поверить? Ничего, Слов много, а реальных дел нет.

— Они, видно, не имели возможности, — возразила Варя. — Надо им ее дать!

— Руцкой собрал большой компромат, но почему тогда, как вице-президент, никого не привлек к ответственности? Его положение позволяло это сделать. И как доверить власть Хасбулатову, который допустил разгром Верховного совета Чечни сепаратистом Дудаевым? Ходят слухи, что чеченская мафия в Москве так сильна тоже не случайно.

— Вот ты и задай эти вопросы на сегодняшнем собрании, — посоветовала Варя. — Там все и выяснишь.

— Так и сделаю, — решил Артём Сергеевич. — Но если у них нет конкретной программы по основным проблемам и, главное, по повышению благосостояния населения России, то нам с ними не по пути.

К великому огорчению его и Вари, районное собрание сторонников Руцкого не только не рассеяло эти сомнения, а, наоборот, укрепило. Как оказалось, несмотря на многочисленность партии и наличие ее отделений в большинстве регионов страны, ни политической, ни экономической развернутой программы у нее нет.

— Нам она сейчас не нужна. Пороки правления Ельцина очевидны, а

рейтинг ничтожен. Доверия к нему больше нет и свергнуть этого обманщика не составит труда, — с видом превосходства объяснил Наумов районный секретарь, всем своим видом излучая уверенность в близкой победе. — Вот возьмем власть, тогда и определим первоочередные задачи.

— Но народ должен знать, что даст ему новая власть, — настойчиво допытывался Артём Сергеевич. — Вы вернете ему награбленное? Получат граждане России хотя бы малую долю от природных богатств страны?

— Это вредная демагогическая идея, которая способна вызвать лишь раздоры. Реализовать ее в российских условиях невозможно, — безапелляционным тоном заявил партийный секретарь. — Важно обеспечить справедливое управление природными ресурсами страны.

— Коммунисты тоже справедливо управляли ими и оставили народ нищим, — попытался возразить Наумов. — Почему же граждане других стран могут получать от них доходы, а россиянам это заказано?

— Мы и без демагогии возьмем власть, — самоуверенно усмехнулся руцкист. — Пока природные ресурсы составляют основной доход казны, разбазаривать его ни в коем случае нельзя.

— Ну тогда вас нельзя воспринимать иначе, как еще одну камарилью, которая собирается сесть на шею народа России и пожить за его счет, — возмутился Артём Сергеевич. — А мы-то с женой понадеялись, что есть партия, которая сможет дать наконец нашим людям достойную жизнь. И оказалось — напрасно!

Растерявшийся от его резких слов руцкист пытался что-то сказать в ответ, но Наумов, не желая больше ничего слушать, поспешил к выходу.

* * *

Потеря Артёмом Сергеевичем дополнительного заработка была лишь «первой ласточкой», предвещающей ему и Вале очередную полосу неприятностей. Вскоре их постиг более серьезный удар судьбы. Они лишились денег, которые вложили в «Чару» в компании с Лёлей, Викой и их знакомыми. Как и опасался Наумов, этот банк оказался пресловутой мошеннической пирамидой и так же, как другие, ему подобные, с треском лопнул, оставив в дураках своих вкладчиков.

Лёля, уговорившая Артёма Сергеевича внести две тысячи долларов в их общий вклад, сделанный на ее имя, естественно, переживала больше всех.

— Никак не ожидала, что так выйдет, — чуть не плача, говорила она,

чувствуя свою вину перед братом. — Моя подруга Эльза уверяла, что дружна с женой владельца банка, и в случае краха нам в числе первых вернут деньги.

— Твоя подруга — безответственная лгунья. Впредь будь с ней поосторожнее, не то снова подведет, — с досадой ответил он. — Зря оправдываешься. Я сам виноват, что тебя послушал. Чужало мое сердце, что «Чара» — очередная пирамида, и этим все кончится.

— Эльзочку подло обманули ее друзья — хозяева банка. Она тоже пострадала. Потеряла денег больше, чем ты, — расстроено сказала Лёля, защищая свою подругу. — И потом говорят, что у «Чары» имеются солидные активы, в том числе недвижимость. Есть шансы вернуть большую часть вклада.

Ее наивный оптимизм рассердил Артёма Сергеевича.

— На это не рассчитывай. Если что и осталось, то все разворуют чиновники, которым поручат учесть и реализовать арестованное имущество «Чары», — объяснил он сестре. — Единственный шанс спасти наши деньги: если ты, как участница войны, незамедлительно обратишься в суд. Пока у банка еще хоть что-то осталось.

— Я об этом подумала, но Викочка мне категорически запретила, — удрученно объяснила она. — На суде выяснится, что я тёща Николаева, и эти десять тысяч долларов могут бросить тень на его репутацию.

— На других министров у Руцкого чемодан компромата, а на его мундир лишь пылинка может сесть, — возразил брат. — Это не причина, чтобы мы потеряли столько денег!

— Не ты один, мы все теряем. Рискнули, чтобы крупно выиграть, и потерпели неудачу, — еще больше расстроилась Лёля. — Вот он и корит нас за то, что поддались азарту. Говорит, поделом нам всем. Викочку ругает.

— Положим, ко мне это никак не относится, сама знаешь, — возмутился Артём Сергеевич. — Я предвидел последствия, а ты меня уговорила. И если вам легко терять такие большие деньги, то я их заработал своим горбом!

— Не горячись, братец, мы это понимаем. Викочка заверила, что постарается возместить тебе эту потерю. Устроить какие-нибудь консультации или временную работу.

Однако дальнейшее показало, что благие намерения Вики были из разряда тех, коими согласно известной поговорке: дорога в ад вымощена. Лёле же вернули лишь жалкие крохи, и досаду Наумовых от потери честно заработанной валюты смягчило лишь сознание, что пострадали они в числе огромной массы людей, обманутых мошенниками при явном соучастии

чиновных ловкачей.

— Ничего, Тёмочка, переживем эту потерю, — как всегда подбадривала его Варя. — Обидно только, что наша власть не несет ответственности за массовый обман, а по сути, организованное ограбление народа. Ты посмотри, сколько пострадало известных людей — артистов и ученых. Они внесли трудовые сбережения, чтобы выжить в эти тяжелые времена, и все потеряли!

— И меня возмущает, что власть не отвечает за тех, кому выдает лицензии и чью деятельность рекламирует, активно содействуя обману миллионов граждан, — согласился он. — В демократических странах такое правительство терпеть бы не стали!

— Да уж, наш народ слишком терпеливый. Но это все же до поры, — грустно заключила Варя и, решив переменить тему разговора, вопросительно посмотрела на мужа: — Значит, теперь нам придется отложить поездку в Париж?

— Ни в коем случае! — бодро заявил он. — Что задумали, то и сделаем. Мы давно об этом мечтали. Надо запастись новыми впечатлениями и положительными эмоциями. Нужны свежие силы, чтобы пережить эти трудные времена!

— Но тогда мы останемся и без того, что отложено на черный день, — опустила голову Варя. — Мало ли что может случиться.

— Не пропадем! Деньги — дело наживное, — беспечно бросил Артём Сергеевич. — Будет хуже, если раскиснем. Мы еще работоспособны и вернем потерянное.

* * *

Правду говорят, что беда не приходит одна. Вскоре у Наумова начались семейные неприятности, перед которыми огорчение из-за потери денег в «Чаре» отступило на задний план. В городе Петродворце умерла его тетя Инна. И самое огорчительное было в том, что узнал он об этом лишь спустя две недели после похорон.

— Ты почему не сообщила мне вовремя? Я бы все бросил и приехал проводить ее в последний путь, — упрекнул он свою двоюродную сестру Елену. Дочь старшей сестры его матери, она была на похоронах и сообщила ему о кончине их тети.

— Сам знаешь почему, — сурово взглянула Елена. — Из-за обиды ее супруга на вас с Лёлей. Он заявил, что не желает вашего присутствия на

похоронах. Считает, что вы к ней плохо относились.

— Вот так раз! А мне казалось, что у нас нормальные отношения, — поразился Артём Сергеевич. — Хотя тетя Инна несправедливо порвала с Лёлей, я все же поддерживал с ней родственную связь. И нас она хорошо принимала.

— Почему же несправедливо? Лёля оскорбила тетю Инну пренебрежительным отношением, когда, выйдя за Даля, та приехала познакомиться их с мужем.

— Ну, допустим, обида на Лёлю осталась. Но меня-то почему Даль видеть не захотел? Чем же я перед ним провинился?

— Он считает, что ты был невнимателен к своей тете, — ответила Елена, явно проявляя солидарность с Далем. — Им ведь жилось очень туго...

— Выходит, я должен был поддержать их материально? А почему не его сын? — искренне удивился Артём Сергеевич. — Ты им что, помогала?

— Ты состоятельнее нас всех, — уклончиво ответила Елена. — Наверно, поэтому Даль обижается. Говорит, едва хватало на жизнь. Ему не на что было покупать холсты и краски.

— Вы что же, считаете меня богачом, который обязан благодетельствовать всю родню? — возмутился Наумов. — Может, и вам с мужем я должен помогать?

Кузина промолчала, и он, с укором глядя на нее, огорченно подумал: «Видно, и правда, Елена на это рассчитывает, хотя ее супруг — отставной полковник, а дочь замужем за дипломатом». Но вслух лишь сказал:

— Я отнюдь не богат, но тете Инне непременно бы помог, если бы она меня об этом попросила. Так же, как ей всю жизнь помогала моя дорогая мамочка.

— Она, наверное, постеснялась к тебе обратиться, — ответила Елена и не без упрека добавила: — Понадеялась, что сам предложишь. Ведь писал ей, что стал хорошо зарабатывать, и вы с Варей совершили заграничный круиз.

— Тетя Инна не стеснялась получать помощь от мамы, хотя знала, что это в ущерб семье, — возразил Артём Сергеевич. — Но она была умной и понимала: круизы стоят недешево, и у нас с Варей в кармане негусто.

— Ладно, Тёма, замнем для ясности. Я ведь тебя ни в чем не обвиняю, — со снисходительным видом сказала Елена, закончив на этом неприятный разговор.

Однако в душе у обоих остался тяжелый осадок, что отнюдь не способствовало улучшению отношений Наумова с кузиной, с которой он

был очень дружен в детстве. С Еленой и ее домочадцами Артём Сергеевич виделся лишь по семейным праздникам и в основном общался по телефону. Но после этого разговора они охладели друг к другу еще больше, и в дальнейшем перестали даже перезваниваться.

* * *

Еще большее огорчение Наумову доставила неожиданная встреча с другой Леной — «сибирской дочерью». К его вящему изумлению, она позвонила ему из Москвы. С присущей ей наглостью, Лена сказала так, словно они виделись только вчера:

— Привет, отец! Не удивляйся, что вновь дала о себе знать. Обстоятельства вынудили меня приехать сюда, и я нуждаюсь в твоей помощи.

«Даже не спросила, как мы поживаем с Варей. Хотя бы из вежливости», — недовольно подумал Артём Сергеевич, а вслух, естественно, поинтересовался: — А что тебя вынудило прибыть в Москву и в чем проблема?

— Все дело в том, что у тебя появился еще один внук, — ошаршила его Лена. — Я родила Игорьька полгода назад, дома, а его отец — москвич.

— Вот оно что, — растерянно протянул Наумов. — Когда же ты успела выйти замуж? Зря не сообщила. Мы с Варей сделали бы вам хороший подарок.

— Да не выходила я за него замуж, — с досадой ответила Лена. — Мы познакомились в санатории, и Игорек — дитя нашей любви.

Артём Сергеевич был сражен хладнокровным тоном, которым она сообщила о том, что решила вне брака родить второго ребенка. А оправившись от шока, укоризненно сказал:

— Я вижу, жизнь ничему тебя не научила. Что, мало одного ребенка, который растет без отца? На какие шиши ты думаешь существовать с двумя детьми, если и этот... — он замялся, подбирая слово, — папаша помогать не будет? Наверное, тоже, как Слободан, обременен семьей?

— Нет, он не женат, но зарегистрировать брак и жить с нами не хочет, — безо всякого стеснения объяснила Лена. — Якобы обижен, что родила самовольно, не получив его согласия. Представляешь, каким оказался подонком? А уверял, что любит! Ты должен встретиться и поговорить с ним, отец! Пробудить совесть у этого негодяя! — произнесла Лена с театральным пафосом. — Сам он сейчас без работы, но его родители —

зажиточные люди. Если с ним ничего не выйдет, убеди их помочь своему внуку. Ты — солидный человек и произведешь на них благоприятное впечатление.

— Теперь понятно, чего тебе от меня надобно, Лена. Ты не учла только, что я не могу поступить против своей совести, — еле сдерживая гнев, ответил Артём Сергеевич. — Хоть и сознаю, в каком трудном положении сейчас находишься, но потакать твоему авантюризму не хочу и не буду!

— О каком авантюризме речь? И почему это совесть не позволяет тебе помочь мне обеспечить Игорька, который доводится тебе, между прочим, внуком? — насмешливо сказала Лена. — Может, объяснишь популярно? Или сам будешь нам помогать?

Артёма Сергеевича бесил ее наглый тон, но, понимая тяжесть положения Лены, он заставил себя говорить сдержанно:

— Ты не наивная девочка, чтобы принимать на веру слова и посулы влюбленных мужчин. А ловить их «на брюхо» — это авантюризм и подлость! — Сурово, но не повышая голоса, произнес он. — Не знаю, как было у тебя с отцом Игоря, но разбираться не собираюсь. Свои отношения вы должны выяснить сами. — Он шумно перевел дыхание и, ощутив сильную боль в сердце, поспешил заключить: — В общем, так. В память о твоей маме, я окажу вам материальную помощь, пока не подрастет Алешка или ты не наладишь свою личную жизнь. Думаю, что тебе, как талантливой журналистке это удастся, если будешь вести себя достойно!

— А я вот что тебе скажу, — вспыхив, крикнула Лена. — Ни твои нравоучения, ни помощь мне не нужны! Это верно, что я — способная журналистка и сама смогу обеспечить своих детей!

Она бросила трубку, оставив Артёма Сергеевича в полном смятении чувств и тяжелом настроении, усугубляемом сердечной болью.

Глава 5

Расстрел парламента

В тот памятный год политический кризис достиг наивысшего накала, и в воздухе явно запахло грозой. Ельцин со своим окружением и правительство окончательно перестали считаться с мнением депутатов парламента Российской Федерации — Верховного Совета, не говоря уже об открыто перешедшем на его сторону вице-президенте Руцком.

Страна разбилась на два лагеря — сторонников Верховного Совета, возглавляемых Хасбулатовым и Руцким, и тех, кто продолжал верить Ельцину. Сторонников парламента объединяло недовольство политикой президента и творящимися безобразиями. А граждан, стоявших за Ельцина, — боязнь, что с его уходом в стране начнется реставрация коммунистического режима.

К весне чаша весов стала явно склоняться в пользу Хасбулатова и Руцкого, поскольку безудержное казнокрадство и криминализация общества не только продолжались, но приобрели еще больший размах. При поддержке Кремля алчные «реформаторы» затеяли грандиозную приватизационную аферу с целью присвоения крупной государственной собственности.

Взамен банковского счета, на который всем гражданам России по решению Верховного Совета должна была перечисляться их доля выручки от продажи госпредприятий, ловкачи придумали вручать им пустые бумажки — «ваучеры», якобы для приобретения своей части собственности. И если бы Хасбулатов и Руцкой разоблачили этот грандиозный обман населения, то наверняка взяли бы над Ельциным верх.

Но произошло непонятное. Верховный совет, который по всем другим вопросам противодействовал инициативам Кремля, на сей раз неожиданно поддержал жульническое предложение о введении ваучеров, отменив свое прежнее решение, успешно апробированное в других странах. Это неизбежно подорвало к нему доверие, и Хасбулатов с Руцким потеряли много сторонников.

— Создается впечатление, что вся критика Ельцина со стороны депутатов — пустые словеса, и они такие же точно жулики, как те, что предложили эти пустые бумажки вместо денег за проданное имущество, — возмущенно сказал Наумов жене, узнав об отмене Верховным Советом приватизационных счетов. — Вот увидишь, теперь рядовым гражданам не

достанется ничего!

— Как же ничего, когда предложивший ваучеры Чубайс обещал от имени правительства, что на них каждый гражданин России сможет приобрести по меньшей мере «Волгу», — возразила ему Варя. — Это же реальнее, чем какие-то там приватизационные счета. Когда еще что-то будет продано. У нашего населения нет денег, чтобы купить госсобственность. А иностранцам ее продавать не хотят.

— В этом ты права. У честных людей нет капиталов, чтобы купить крупные предприятия, — согласно кивнул Артём Сергеевич. — Но у теневиков они есть, и будет очень полезно для экономики страны, если их пустят в дело. А небогатым людям приобрести собственность должно помочь государство кредитами. — Что касается посулов Чубайса, то это — чистейший обман. Допустим, люди и обменяют эти бумажки — ваучеры — на такие же бумажки — акции предприятий. Толку-то от этого никакого!

— Почему же? — не поняла Варя. — Ну вот мы, например, сможем получить на них акции гостиницы напротив нашего дома, и будем получать дивиденды.

— Держи карман шире! — усмехнулся Артём Сергеевич. — Здесь-то и кроется обман. Акции и так будет немного, а кто завладеет гостиницей, проведет дополнительную эмиссию и совсем их обесценит. Это известный фокус!

— Но тогда в чем смысл этих ваучеров? Для чего Чубайс и те, кто за ним стоят, все это затеяли?

— А смысл в том, чтобы с помощью этих бумажек «на халяву» завладеть тем, что сейчас принадлежит всему народу, — возмущенно объяснил он. — Эти ваучеры — в их руках, и ни перед кем отчитываться они не собираются. Скоро самые лучшие и доходные производства будут принадлежать либо им, либо связанным с ними подставным лицам.

— Неужели такая афера может пройти безнаказанно? Слишком все очевидно, — усомнилась Варя. — Неужели Ельцин настолько бессовестный, что прикроет ее своей властью? Его же народ проклянет!

— Народ они надеются обвести вокруг пальца. Открыто действовать не будут, — убежденно ответил Артём Сергеевич. — Скорее всего через подставных лиц и родственников создадут липовые фонды и товарищества, которые и завладеют самыми жирными кусками общественного пирога.

— Думаю, что ты заблуждаешься, — не согласилась с ним жена. — Чубайс и другие молодые реформаторы — начинающие политики и не станут марать себя такими аферами. Это же их полностью дискредитирует и поставит крест на дальнейшей карьере.

— Ну как ты не понимаешь, что их главная мечта — разбогатеть, — с досадой махнул рукой Наумов, которому уже надоел этот спор. — Скоро поймешь, что я прав.

Однако Варе не хотелось верить мрачным прогнозам мужа, и прошло время прежде, чем она убедилась, что все обстоит так, как он говорил.

* * *

Вскоре разразилась такая политическая буря, что об афере с ваучерами все забыли и думать. Несмотря на открытые угрозы окружения Ельцина разогнать парламент, Верховный Совет решился-таки, опираясь на действующую Конституцию, отстранить его от власти. Уповая на то, что он не осмелится нарушить Основной закон страны, которому присягал, парламент низложил президента, передав его полномочия Руцкому.

В ответ Ельцин объявил, что не признает решения Верховного Совета и не намерен ему подчиняться. Более того, вопреки Конституции, своим указом прекратил полномочия депутатов. Тогда сторонники Хасбулатова и Руцкого, среди которых превалировали члены КПРФ, со всех сторон устремились в столицу на защиту парламента, создавая вооруженные отряды. Над страной нависла угроза гражданской войны.

Положение осложнилось настолько, что заколебалась армия и растерялось руководство милиции и спецслужб. Настойчивые приказы Ельцина насильно выгнать депутатов и их сторонников из «Белого дома», где в то время находился Верховный Совет, не выполнялись. Ситуация стала схожа с путчем ГКЧП, когда армия и спецслужбы не решились выступить против народа.

Конфликт и на этот раз можно было разрешить малой кровью: противники достигли бы политического компромисса, если б не поддались безумной жажде власти. Но опьяненный кажущейся растерянностью Ельцина и правительства, явно переоценив свои силы, «новый президент» Руцкой перешел в наступление.

Вооруженная толпа москвичей и прибывших на подмогу молодцев из других регионов, в том числе казаков и даже жителей Приднестровья, по приказу Руцкого смяла блокирующее «Белый дом» милицейское оцепление и сначала овладела мэрией, а затем устремилась в Останкино на штурм телецентра. Так пролилась первая кровь.

— Нет, ты посмотри, что вытворяет Руцкой! Он просто негодяй, а мы-то еще были за него, — ужаснулся Наумов, глядя в телевизор: там шел

репортаж с места событий. — Мало того, что кроет матом. Ты слышала, как он призывал летчиков бомбить Кремль?

— Да, слышала. Может, он психически нездоров, Тёмочка? — недоумевающе посмотрела на мужа Варя. — Ну как можно лишь для того, чтобы взять власть, разрушать главную историческую реликвию России?

— Здоровье здесь ни при чем, — ответил он возмущенно. — История знала немало властолюбцев, готовых на все ради достижения своих целей. Даже большевики стреляли из пушек по Кремлю и Зимнему дворцу. Но Руцкой — хуже.

— Чем же он хуже? — не поняла Варя.

— Руцкой, чтобы вырвать у Ельцина власть, готов стереть Кремль с лица земли. А большевики на это не покушались, — объяснил Артём Сергеевич. — Ты ведь знаешь, что выстрел «Авроры» был холостым.

Их разговор прервал настойчивый телефонный звонок. Сквозь уличный шум до Наумова донесся голос Царева.

— Привет! Сидишь дома, когда решается судьба России? — возбужденно упрекнул его друг, совсем недавно ставший наконец доктором наук. — Еще немного, и воровскому правлению банды Ельцина наступит конец!

— Откуда ты говоришь? Почему такой шум? — удивился Артём Сергеевич. — Неужто хочешь участвовать в затеваемой драке?

— Из уличного автомата звоню. Еду в Останкино, — гордо ответил Владимир Иванович. — Сейчас долг каждого патриота помочь Руцкому покончить с кликой предателей Родины.

— Не боишься, что Руцкой будет похуже Ельцина? — попытался охладить его пыл Наумов. — По тому, что он делает, этому авантюристу не жаль ни людей, ни исторических ценностей.

— Без драки банду Ельцина не скинуть, — отмахнулся от его слов Царев. — Руцкой настоящий патриот, герой войны в Афгане. Он не подведет!

— Ну чего ты от меня хочешь? Я ему не верю и поддерживать не намерен, — рассердился Наумов. — Так же, как не пошел защищать Ельцина в дни ГКЧП. Уже тогда понял, что он не тот, за кого себя выдает.

— Ладно, уговаривать тебя не буду, — недовольно бросил Владимир Иванович. — Если мы победим, ты еще пожалеешь об этом.

— Не думаю. Руцкой — такая же фальшивая монета, как и Ельцин, — спокойно возразил Артём Сергеевич. — И вообще, пора решать вопросы о власти без кровопролития, демократическим путем. Для того и выборы!

— У нас это невозможно, — не согласился Царев и повесил трубку.

А события в Останкино уже начали приобретать характер военных действий, и Наумовы всерьез беспокоились за жизнь своего друга.

* * *

Видеозапись, которую потом не раз воспроизводили по телевидению, лишь в малой степени показала народу кровопролитие, произошедшее у Останкинского телецентра. Генерал Макашов, руководивший вооруженной толпой, послал ее на штурм, хотя знал, что телецентр защищает группа милицейского спецназа «Витязь». И когда нападавшие ворвались, проломив тяжеловесным грузовиком входные двери, спецназовцы открыли по ним огонь.

Как рассказал потом Царев, ставший свидетелем произошедшего, поскольку прибыл на место, когда уже все было кончено, убитых и раненых было много.

— Это был форменный ад! — вспоминал он недавно пережитое. — Повсюду валялись трупы и стонали раненые, не получая помощи в той панике, что царила вокруг. Разве это милиция? Подлые убийцы!

— Спецназовцев винить не стоит. Они оборонялись от вооруженной толпы, — возразил Наумов. — Ты же видел по телеку, как жестоко били милиционеров из оцепления, когда сторонники Руцкого штурмовали мэрию. Если уж обвинять, то не бойцов, а тех, кто отдавал им преступные приказы стрелять в народ.

— Ну вот, ты и сам признал, что те, кто на стороне Ельцина — это преступники, — удовлетворенно сказал Владимир Иванович. — Они грубо нарушили Конституцию, а Верховный Совет и народ ее защищают.

— Но противодействовать надо законными методами, — не согласился Артём Сергеевич. — А Руцкой и Хасбулатов, по сути, подняли восстание. Это тоже противоречит Конституции. Из-за них пострадает много людей.

— Иначе нельзя, — убеждал его Царев. — Ельцин добровольно власть не отдаст. И большинство военачальников обещали им свою поддержку. Вот увидишь, армия выступит на стороне Верховного Совета!

Однако в этом состоял главный просчет Руцкого и Хасбулатова. Период растерянности и колебаний у руководства Вооруженных сил прошел, и министр Грачев согласился послать танки для подавления восставших. После неудачного похода на телецентр депутаты и сторонники Верховного Совета засели в «Белом доме». Они превратили его в крепость и под руководством Руцкого готовились к осаде, рассылая во все концы

призывы о помощи. Но безрезультатно.

А танки под руководством министра в упор безжалостно расстреляли здание парламента России, и весь мир на телеэкранах увидел московский «Белый дом», объятый огнем и клубами черного дыма. Вслед за танками на штурм послали бойцов прославленного спецподразделения «Альфа», и восставшие во главе с Хасбулатовым и Руцким капитулировали.

— Ну как — убедился, на что способны негодяи, захватившие власть в России? — позвонив Наумову, гневно спросил Царев. — Хладнокровно палили из пушек по зданию парламента, в котором находились избранные народом безоружные депутаты. Такого варварства мир еще не видывал! Можно после этого терпеть правление Ельцина?

Новоиспеченный доктор наук все же прислушался к голосу разума и остался дома в виду бесперспективности и незаконности вооруженной борьбы, но голос выдавал, что он кипит от негодования.

— Придется терпеть, если народ снова за него проголосует, — понуро ответил Артём Сергеевич. — В этом и состоит демократия. Меньшинство должно подчиняться, даже когда не согласно с мнением большинства. Хватит революций и потрясений! Судьба страны должна решаться мирным путем.

— Прикажешь мириться с властью негодяев? Они же снова обманут народ, — не успокаивался Владимир Иванович. — Купят голоса или сфальсифицируют выборы. Знаешь ведь, что большинство не всегда право.

— Какой же ты патриот, если так думаешь о народе. Не так уж он глуп, — убежденно сказал Артём Сергеевич. — Хоть и проголосует за Ельцина, если не будет никого лучше. Нужно найти достойную альтернативу, а не затевать гражданские войны и революции. Возврата советской власти народ не желает.

— Выходит, и ты снова проголосуешь за Ельцина, если сочтешь, что другие кандидатуры хуже? — возмутился Царев. — Это после всего, что он натворил?

— Нет, мы с Варей не проголосуем за этого обманщика, — заверил его Наумов. — Если не появится достойный, вообще не пойдем на выборы. Но у меня вызывает большой интерес личность генерала Лебеда. Так что время определиться пока еще есть.

* * *

Генерал Лебедь получил широкую известность еще во время

пресловутого ГКЧП, когда, послушавшись приказа о штурме «Белого дома», привел танки для поддержки его защитников. Уже тогда он приобрел ореол сильной личности, чуть ли не героя, способного самостоятельно принимать ответственные политические решения и постоять за свой народ.

Его авторитет и героический имидж еще более укрепились, когда разгорелся вооруженный конфликт между Молдавией и отошедшей от нее Приднестровской республикой. Там уже шла война и лилась кровь, когда Лебедь, назначенный командующим четырнадцатой армией, которая находилась в Приднестровье, решительно пресек боевые действия обеих сторон, восстановив мир.

Кроме того, стало известно, что командование армии активно выступило в защиту населения — против произвола и казнокрадства местных чиновников, благодаря чему популярность генерала Лебеда возросла еще больше.

— Вот кто производит впечатление решительного и честного лидера, который любит народ и способен навести в стране порядок, — поделился своими мыслями Наумов в разговоре с Максименко. — Как ты думаешь, смог бы он справиться с обязанностями президента?

— Почему бы и нет? Лебедь явно нацелился стать президентом, — насмешливо ответил Николай Павлович. — Даже свою партию уже создал. Кажется, «Честь и родина» называется. Однако от генерала за версту несет бонапартизмом.

— А по-моему, Лебедь сейчас — единственный, кому можно поверить: он человек чести и, безусловно, выполнит обещания, данные народу, — оптимистично заявил Артём Сергеевич. — Во всяком случае, постарается это сделать.

— Напрасно на это надеешься, — возразил Максименко. — Похоже, что генерал решил повторить карьеру Наполеона. На лике народной любви и славы взять власть, а потом стать диктатором. В лучшем случае — российским Пиночетом.

Зная, что его друг куда лучше него разбирается в политике, Наумов умолк, но, подумав, все же остался при своем мнении.

— Ну и что? Пиночет добился куда большего успеха на посту президента, чем социалист Альенде. Он навел в Чили порядок, и жизнь там стала намного лучше, — напомнил он другу. — Если то же у нас сделает Лебедь, будет совсем не плохо.

Наметив новый объект своих политических пристрастий и будучи человеком дела, Артём Сергеевич уселся письменно излагать предложения в программу партии Лебеда, которые обеспечили бы ей победу на

предстоящих выборах. В них четко и лаконично излагались конкретные меры по подъему уровня жизни населения и наведению законного порядка в стране.

— Я добьюсь встречи с генералом! Хочу убедиться, что не ошибаюсь, — сказал он Варя. — И если Лебедь намерен осуществить хоть часть моих предложений, отдам все силы, чтобы он смог одолеть Ельцина.

Ему удалось весьма быстро установить контакты с московской организацией партии Лебедя, и ему обещали устроить встречу с генералом, когда тот прибудет в столицу. В ожидании этой волнующей встречи Наумов с интересом следил за развитием событий, связанных с расправой Ельцина над Руцким и мятежным Верховным Советом.

— Неужели генеральный прокурор Казанник осудит Руцкого, Хасбулатова и мятежных депутатов? — высказала свои сомнения Варя. — Ведь он ученый юрист, принципиальный и честный человек. Наверняка знает, что Конституция нарушена не ими, а Ельциным. И если их предадут суду, то и наш президент не может остаться безнаказанным!

— Да уж, Казаннику сейчас не позавидуешь. С одной стороны на него давит Ельцин, а с другой — совесть честного человека и юриста, — согласился Артём Сергеевич. — Хасбулатова и Руцкого, конечно, есть за что осудить, но только не за нарушение Конституции, которое им вменяется. Думаю, Казанник на это не пойдет, и у него будет конфликт с президентом. Но и новый генпрокурор вряд ли доведет дело до суда, так как при этом обойти грубое нарушение Ельциным Конституции просто невозможно.

— Ладно, пусть они сами ломают головы над тем, как выйти из скандального положения, которое преступно создали, — резонно заключила Варя. — А с нас довольно уже отрицательных эмоций: чтобы сохранить здоровье и нервную систему, пора сменить обстановку. Я это говорю, как врач.

— Ты права, дорогая. Нам необходимо хоть на время оторваться от жуткой российской действительности и взглянуть, как живут в благополучных странах, — согласился Наумов. — Немедленно займусь туристическим турне во Францию, Бельгию и Люксембург, которое предлагает фирма «Дилижанс».

* * *

То незабываемое путешествие с небольшой туристической группой на

автобусе из Польши через Германию и Бельгию в Париж неплохо помогло пережить трудные российские времена. Хотя в сердцах осталась боль от того, как сильно отстаёт Россия по уровню жизни не только от передовых стран Западной Европы, но даже от, казалось бы, полунищей Польши.

Особенно поразили их благотворные перемены у бывшего союзника СССР, через всю территорию которого не так уж давно они проезжали на машине по пути в ГДР. Тогда экономика Польши находилась в упадке, полки магазинов пустовали, за самыми необходимыми товарами стояли длинные очереди. Люди выглядели хмурыми и озлобленными.

Теперь все изменилось. Полки магазинов ломились от товаров. Продуктов питания было в изобилии, и стоили они недорого. Повсеместно шло строительство новых особняков и многоэтажных домов, что свидетельствовало о росте экономики и доходов населения. Поляки охотно улыбались и казались довольными жизнью.

Германия выглядела еще богаче, чем прежде. Повсюду царили чистота и порядок. Все вокруг было таким современным и новеньким, словно построено только вчера. Великолепие автострады, по которой они ехали, бензозаправок, дорожного сервиса и даже туалетов поражало воображение.

— Ну и богатая страна! Сколько же надо потратить на такое роскошное оборудование зданий и сооружений, — не уставала восхищаться Варя. — Ведь при строительстве использовали все самое лучшее. Таких туалетов нет даже в наших дворцах. Неужели этим немцы хотят пустить всем пыль в глаза?

— Не думаю. Они действительно столь богаты, что не скупятся на лучшее, — ответил Артём Сергеевич. — И делают это не для показухи, а для самих себя, так как уважают своих сограждан. Ты заметила высокие щитовые ограды, идущие вдоль автострады в местах, где она проходит недалеко даже от маленьких поселков? Думаешь, для чего их поставили, а также покрыли крутые склоны у дороги сетками? Для красоты и удобства проезжающих иностранцев? — Поскольку жена бросила любопытный взгляд, Наумов объяснил: — Немцы сделали это, заботясь о своих гражданах. И о тех, кто проживает у дорог, чтобы им не досаждал шум. И о тех, кто проезжает мимо кручи, чтобы случайно не пострадали от обвала.

— И правда. Я заметила, когда объезжали участок, где ремонтировали дорогу, как вслед за рабочими шла большая машина-пылесос, — восхищенно подхватила Варя. — Это ведь для того, чтобы на проходящий транспорт не садилась пыль?

— Вот именно, — подтвердил Артём Сергеевич. — У нас такого не увидишь!

Огромное впечатление произвели на них красота и непривычная вольница столицы Бельгии. Поражало воображение и разнообразие архитектуры. А таких «рыбных рядов», как в Брюсселе, потом они не встречали нигде. На этой узкой улочке рыбных ресторанов, у входных дверей было выставлено все, чем богат мировой океан. Даже самые редкие его обитатели.

В Брюсселе они впервые увидели улицу «красных фонарей». Проститутки сидели в витринах невзрачных домов, как живые манекены. Дамы были на любой вкус: белые и черные, высокие и миниатюрные, полные и худенькие. Правда, многие витрины оказались пустыми.

— А куда девалась половина проституток? На них здесь мор напал? — шутливо спросил кто-то из туристов у гида.

— Ошибаетесь — весело ответил тот. — Все девушки здоровы и регулярно проходят медицинское освидетельствование. Тех, кого нет, сейчас работают.

Удивляла и царившая в столице Бельгии свобода нравов. Жителям города и гостям, казалось, дозволялось вести себя так, как им вздумается. В любом месте — будь то газон или тротуар — можно было расположиться на отдых целыми компаниями. Люди ели, спали и даже, едва прикрывшись чем-либо, занимались любовью. Полицейских не было видно, но, когда около всемирно знаменитого «писавшего мальчика» возникла драка, они появились, как из-под земли.

Основная масса впечатлений, разумеется, пришлась на Париж, где их туристическая группа пробыла целых шесть дней. Сбылась наконец мечта, которую они вынашивали долгие годы!

* * *

Несколько дней, конечно, было слишком мало, чтобы познакомиться со всем, чем знаменит этот необыкновенный город — один из признанных центров культуры, притягивающий миллионы паломников со всех концов мира. И все же Артёму Сергеевичу и Варе удалось повидать самое главное.

В первый день они совершили пешую прогулку по центру Парижа, любуясь Эйфелевой башней, Триумфальной аркой и Елисейскими полями. Дошли до собора Парижской Богоматери на островке Сите и по набережной Сены — до моста с позолоченными фигурами, подаренного русским царем Александром III. Удивлялись парижанам, устроившим весьма уютное жилье на плавучих судах, и покупали у уличных торговцев

жареные каштаны.

Целый день ушел на посещение Лувра. Само собой, Наумовы о нем много читали и слышали, немало узнали также из фильмов и телепередач. Но такого невероятного скопища богатств, исторических реликвий и произведений искусства даже не предполагали. Как оказалось, этот дворец вмещает в себя не один, а несколько музеев: апартаменты и сокровищницу французских королей, историко-археологический и шедевров мирового искусства.

— Только теперь я понимаю, почему богатую квартиру, в которой напичкано всего до предела, сравнивают с Лувром, — по дороге в гостиницу сказала Варя. — Чтобы познакомиться с тем, что там выставлено, по-моему, и месяца недостаточно.

— Какой месяц! Года мало, чтобы изучить все, что выставлено в Лувре, — устало отозвался Артём Сергеевич. — Нужно отдельно разглядеть бесценные находки историков и археологов, познакомиться с бытом, предметами обихода и сокровищами королей, и требуется очень много времени, чтобы осмотреть невероятное количество скульптур и шедевров живописи.

Еще два дня их возили на автобусе для осмотра и посещения основных достопримечательностей города. Побывали в бывшем дворце Ришелье, а ныне тюрьме Консьержери, куда была заключена королева Мария-Антуанетта перед казнью, Дворце инвалидов с гробницей Наполеона, а также в знаменитой Сорбонне и культурном центре Помпиду. Группа совершила пешую прогулку по Монмартру, полюбовалась на «Мулен-Руж», и даже поднялась на фуникулере к храму Сакре-Кёр. Посетили и выставку художников-импрессионистов.

— Наконец-то я смогу отличить Моне от Мане, — удовлетворенно сказал Наумов, покидая выставку. — Теперь у меня куда лучшее мнение о импрессионистах, чем раньше.

В предпоследний день их с утра свозили за город на русское кладбище в местечке Сен-Женевьев де Буа, а оттуда — посмотреть на новый парижский район Ле-Дефанс, построенный в ультрасовременном стиле.

Маленькое кладбище, где хоронили русских эмигрантов, поразило чистотой, порядком и обилием громких имен на надгробиях. Наряду с аристократами и богачами, бежавшими от советской власти, там покоились великие писатели и артисты. Туристам показали место, где похоронен знаменитый танцовщик Нуриев, и они возложили цветы на могилу Ивана Бунина.

Новый парижский район порастил совсем другим. Если после войны в

Москве было построено, кроме высотных зданий, совсем немного домов, которые украсили столицу СССР, то разоренная Франция сумела возвести в Париже обширный новый район из небоскребов, подобный фантастическому «городу будущего». И он не только стал интересен для туристов наряду с другими достопримечательностями. Ле-Дефанс дал сотням тысяч парижан современное жилье и рабочие места.

А вот долгожданное посещение Версаля, в последний день пребывания в Париже, их разочаровало. И сам дворец не произвел особого впечатления, и знаменитый парк, по образцу которого создавали свои резиденции многие монархи Европы, тоже. Парк был разбит очень красиво, но целые группы деревьев вблизи дворца росли в кадках и, по-видимому, зимой их отвозили в теплое помещение.

— Наверное, Версаль, когда нет этих деревьев, производит унылое впечатление, — неодобрительно заметил Артём Сергеевич. — И вообще он напоминает многие царские усадьбы, даже подмосковное Архангельское. Внутри дворца тоже не очень интересно.

Вечерняя прогулка по Елисейским полям стала хорошим заключительным аккордом этого замечательного путешествия. Огни витрин дорогих магазинов ярко светились, причудливо подстриженные деревья были иллюминированы гирляндами лампочек, а по широченным тротуарам не спеша дефилировала пестрая толпа парижан и иностранцев со всего мира.

В ресторане отеля их группе был устроен прощальный ужин, а утром комфортабельный автобус уже вез их в обратный путь.

* * *

Дома Наумовых встретил веселым лаем их пуделек Кузя. Он радостно прыгал вокруг хозяев, стараясь лизнуть в лицо.

— Диву даюсь перемене, которая произошла с собакой, — изумленно сказала Анфиса Ивановна, на попечение которой они оставили Кузю. Вариной матери уже исполнилось восемьдесят, но она все еще предпочитала жить отдельно в своей однокомнатной кооперативной квартире.

Тяжело вздохнув, Анфиса Ивановна сообщила неприятную весть о болезни их любимца:

— Как только вы уехали, Кузечка слег и отказывался принимать пищу. Еле заставляла его выйти погулять. Боялась, что умрет до вашего приезда.

И вдруг такая перемена! — удивленно посмотрела она на вертящегося под ногами песика. — Он не только ожил, но как будто и не болел вовсе.

Однако следы болезни были налицо. Кузя отощал, тяжело дышал, и шерсть на нем висела клочьями. Но вертелся и ластился с прежней энергией.

— Ничего, он у меня быстро поправится, — нежно глядя песика, ответила Варя. — Будь уверена, теперь у него появится аппетит!

— А я думаю, что Кузю стоит показать ветеринару. По-моему, у него одышка, — озабоченно сказал Артём Сергеевич. — Завтра же это сделаю.

— Напрасно беспокоитесь, у собак это бывает от тоски, когда надолго уезжают хозяева, — успокоила их Анфиса Ивановна. — Вот и Кузя затосковал. А сейчас он уже в порядке.

Но она ошибалась. Наумовых ожидал новый удар. Утром они обнаружили рядом с кроватью бездыханное тельце четвероногого друга. Видно, кажущаяся резвость Кузи накануне вечером была лишь временным подъемом духа из-за радости, вызванной их приездом. Этот всплеск эмоций отобрал у него остаток сил и стоил ему жизни.

Уже второй раз они испытывали безудержное горе из-за потери любимой собачки. Только те, кто любит животных, может понять, что чувствуют хозяева, когда умирают их питомцы. Без них дом пустеет, и эта утрата переживается так же тяжело, как потеря близких. Надолго уходит радость, и лишь время способно вылечить от тоски.

— Мы похороним Кузечку на даче, — выплакав слезы, приняла решение Варя. — Чапа была с нами во всех турпоходах, и поэтому ее могилка в лесу, в самом любимом ею месте. А Кузя у нас был заядлый дачник.

— Ты права, дорогая, — согласился Артём Сергеевич. — Он всегда был с нами, когда мы строили дачу, и сопровождал меня, что бы я там ни делал. Наверное, считал, что этим мне помогает, — грустно пошутил он.

— А что? Это верно. Кузечка морально тебя поддерживал, — вполне серьезно отозвалась Варя. — Он вообще был к тебе ближе из мужской солидарности. — Она горестно вздохнула: — Если снова возьмем собачку, то обязательно девочку.

— Понятно. Чтобы с тобой была солидарна, — ласково пожал ей руку муж. — Но думаю, появится она у нас нескоро. Только когда переживем эту потерю.

Похоронили они своего любимца на даче у калитки, устроив небольшой цветник и положив камень, чтобы могилку не разворошили звери.

Долго стояли, молча переживая свое горе. Лицо Вари опухло от слез. Артём Сергеевич часто и тяжело вздыхал.

— Ну что же, здесь теперь будет Кузечкин сторожевой пост, — сказал он жене, когда уходили. — Пусть охраняет дачу, которую так любил. И нам постоянно о себе напоминает.

— Я и так никогда его не забуду, — ответила Варя, утирая слезы.

* * *

Это был грустный период в их жизни. Без Кузи дом опустел и еще долго, пока не появилась новая собачка, все о нем напоминало. От тоски Варю спасала работа, а Артёма Сергеевича — настойчивые попытки содействовать появлению в России политической силы, которая была бы способна изменить жизнь страны в лучшую сторону. Но это пока не удавалось.

Генерал Лебедь в Москве не появлялся, а активисты столичной организации его партии на переданные Наумовым материалы реагировали уклончиво.

— То, что вы предлагаете, требует самого тщательного изучения, — осторожно ответил ему секретарь московского отделения, отставной полковник воздушно-десантных войск. — Ваши расчеты, Артём Сергеевич, весьма убедительны, но согласится ли с ними наш генерал, это еще вопрос.

— Но почему? — недоуменно спросил Наумов. — Из моих расчетов каждому видно, как его грабят те, кто находится у власти. И если Лебедь пообещает людям только часть того, что им полагается, то непременно победит на выборах. Наш народ не дурак и пойдет за тем, кто даст ему лучшую жизнь.

— В том-то и дело. Александр Иванович так честен, что не станет сулить того, чего не сможет выполнить, — понурился полковник. — Другой бы, может, так и сделал, чтобы взять власть. Только не он!

— Может, объясните, почему? — не отступал Наумов. — Чем же провинились граждане России, что им не положены доходы от природных богатств страны?

— Да ничем, но сейчас реализовать это не удастся. Даже Лебедю, — убежденно ответил полковник. — Те, кто завладел богатой кормушкой, немедленно объявят его психически ненормальным популистом и, представьте, народ им поверит.

— Думаю, что вы выражаете не только свое мнение, — мрачно

заклучил Артём Сергеевич. — Но я все же подожду, что скажет на это сам Лебедь. Кто-то ведь должен отдать народу то, что принадлежит ему по праву!

В ожидании приезда генерала в столицу, он снизил свою политическую активность, тем более что незаметно подкрался его семидесятилетний юбилей. Прошло уже два года, как Наумов, по сути, отошел от профессиональной деятельности, теперь он лишь посещал общие собрания в академии и выступал официальным оппонентом на кандидатских и докторских защитах. Работу ему предлагали, но он не согласился, не сочтя ее подходящей.

Многие из коллег к нему потеряли деловой интерес из-за того, что посвятил себя политике. И вот — в обстановке почти всеобщего забвения, в разгар чудесной майской поры, — ему «стукнуло» семьдесят. И эту совсем не рядовую дату в жизни членкора Артёма Сергеевича Наумова почтили лишь его родные и самые близкие друзья.

В последние годы все свои дни рождения, приходившиеся на последнюю декаду мая, он отмечал на даче. Весна в это время полностью вступала в свои права, и погода обычно не подводила. Старые друзья охотно туда приезжали, чтобы поздравить его и приятно провести время на свежем воздухе. Тем более что дом был большим, отапливался, и места для ночлега хватало всем.

На просторной застекленной веранде за длинным столом собиралось много народу, ибо в дачном поселке Наумова окружали сплошь бывшие сослуживцы, с которыми он сохранил добрые отношения, а с семьями Полунина и Кругаля водил тесную дружбу. А Царевы и Максименко приезжали на своих машинах в любую погоду и не пропустили ни одного его дня рождения.

Вот и на юбилее, несмотря на отсутствие именитых гостей, за праздничным столом было тесно. Максименко и Полунин, оба речистые, сменяя друг друга, выступали в роли тамады, умело дирижируя тостами. Кругаль, славящийся в их кругу, как талантливый сочинитель стихов и эссе, зачитал поздравительную оду, а прибывший на юбилей Олейников, с которым у Наумова сохранились теплые отношения еще с учебы в МАИ, торжественно вручил ему «Большую золотую медаль» от друзей-однокашников по институту.

Но больше всех порадовала Артёма Сергеевича верная подруга жизни Варя: вместе со своей племянницей Танечкой тайком от него оформила огромную стенгазету с фотографиями, где с добрым юмором, но отдавая дань заслугам и достижениям, в стихах описала биографию мужа с

момента появления на свет и до старости. Например, отыскав в пачке старых фотографий снимок, где он еще студентом в доме отдыха обнимался с красоткой, подписала его так:

Холостым имел успех,
Девушек любил он всех.
Парнем был совсем не робким,
Предприимчивым и ё...ким.

Как и все предыдущие дни рождения на даче, юбилейное торжество прошло дружно и весело. Праздничный стол ломился от самой лучшей выпивки и деликатесов, а Варя щедро наготовила всего, на что был способен ее кулинарный талант. В довершение обжорства вечером жарили отличные шашлыки, а потом допоздна пили коктейли, сидя у пылающего камина и соревнуясь в умении рассказывать анекдоты.

Всем было весело, и лишь у Наумова временами все же щемило сердце. Но не потому, что не было правительственных наград и поздравлений. И не оттого, что не зачитывались банальные адреса в папках и не звучали приторные хвалебные речи. В день своего юбилея он с особой остротой ощутил, как мало сделал полезного для общества и те личные неудачи, помешавшие ему создать большую дружную семью, о которой всегда мечтал.

«Нет моей вины в том, что это мне не удалось, — думал Артём Сергеевич, глядя на языки пламени, пляшущие в камине. — Ведь я всегда был честен в любви, стремился сделать нечто большое и значительное для гражданской авиации. И сейчас тоже поставил перед собой грандиозную цель: хочу помочь своему народу обрести достойную жизнь».

Он покосился на жену, хохочущую над смешным анекдотом, который рассказал Максименко, и у него потеплело на сердце. «Ну, не удалось завести много детей. Видно, мне начертана иная судьба, — пришла утешительная мысль. — Бог дал мне способности, которые я обязан использовать. И наградил меня Варей! Разве это не семейное счастье?»

Наумов глубоко вздохнул, и его душа наполнилась решимостью: «Нет, рано еще подводить итоги! В семейных делах уже ничего не изменить, но принести пользу своему народу я еще смогу, — упрямо подумал он. — Приложу к этому все силы, пока есть здоровье».

Глава 6

Грабительский капитализм

После разгрома оппозиционного парламента очередная эйфория, охватившая победителей, выразилась в том, что окружение Ельцина на скорую руку сколотило Конституционное собрание, чтобы подогнать основной закон страны под действующего президента, предоставив ему неограниченные права. Воспрепятствовать этому никто не мог. Руководство разогнанного Верховного Совета сидело в тюрьме. Генеральный прокурор Казанник, будучи честным человеком, подал в отставку, а его обязанности временно исполнял послушный ставленник кремлевской администрации.

Правда, заключение Руцкого, Хасбулатова и мятежных депутатов длилось недолго. Им объявили весьма сомнительную и ничем не аргументированную амнистию. Этого следовало ожидать, так как обвинение в антиконституционных действиях было несостоятельно. Суд над ними, чреватый неприятными последствиями для самих обвинителей, грозил скандалом мирового масштаба.

— Очень жаль Казанника. Его уход с поста Генерального прокурора большая потеря для правосудия, — с сожалением сказал жене Артём Сергеевич. — Он, хоть и был сторонником Ельцина, но, как честный человек, все же сдерживал рост коррупции и казнокрадства. Теперь им будет открыта «зеленая улица»!

— А я думаю, что он подал в отставку потому, что перестал быть сторонником Ельцина, — предположила Варя — Ты, видимо, вспоминаешь, как Казанник уступил ему свой мандат депутата Верховного Совета СССР? Но с тех пор он, как и все, кроме окружающих Ельцина проходимцев, наверняка в нем разуверился.

— Да уж, пожалуй, нашему президенту не только Казанник, а никто уже не верит, — нахмурился Артём Сергеевич. — Его рейтинг упал, и изменение Конституции не поможет ему вернуть доверие народа, если будет продолжаться безудержный грабеж страны, если Ельцин его не остановит и не выполнит хоть что-то из обещанного.

— Он должен сделать что-то значительное, чтобы поднять свой авторитет и вернуть доверие своих сторонников, — согласилась Варя. — Думаю, Ельцин сам это понимает и что-нибудь предпримет. У меня такое предчувствие, будто что-то вот-вот произойдет.

— Теперь точно надо ждать новых потрясающих событий. Ты же —

известный оракул! — улыбнулся Наумов и уже серьезно добавил: — Только бы это не было новой авантюрой, добавляющей тягот, коих и без того всем хватает.

То, что интуиция в очередной раз не подвела Варю, подтвердил забежавший к ним по какому-то делу Царев.

— Вы слышали, что затевает наша правящая хунта? Маленькую победоносную войну! — с порога ошеломил он их невероятным известием. — У меня вполне достоверные сведения, что Ельцин решил послать в Чечню армию на усмирение Дудаева.

— Ну ты и скажешь: хунта. Может, и с войной преувеличиваешь? — усомнился Наумов. — Какая может быть война, когда для наведения порядка достаточно послать туда одну танковую роту? Я слышал, что как будто так заверял всех министр.

— Какая война может быть против своего же народа? — поразились Варя. — Чечня — ведь это тоже Россия! Как можно посылать туда войска? Для чего же тогда у нас милиция и ФСБ?

— Не будьте наивными людьми! — с видом превосходства, как учитель детям, объяснил Владимир Иванович. — Нормальное правительство, конечно, не будет воевать со своим народом. Не допустит этого и пресечет мятеж сепаратистов силами органов безопасности. — Он перевел дыхание и гневно продолжал: — Но нами правит хунта. Да, хунта, так как Ельцин и те, кто его окружает, совершили вооруженный переворот и сейчас, изменив Конституцию, узаконили то, что натворили. Им война нужна для того, чтобы перевести гнев народа с себя на чеченцев, и под ее покровом наворовать из казны еще больше. Скоро в этом убедитесь!

Артём Сергеевич и Варя слушали его с недоверием, настолько невероятным им казалось, что правительство может обрушить мощь армии на своих граждан. Но вскоре убедились, что их друг Царев и на этот раз оказался прав.

* * *

Бездарное военное руководство и впрямь считало, что разгромить сепаратистов генерала Дудаева, захвативших власть в Чечне, можно силами небольшого танкового подразделения, и подбило Ельцина совершить эту авантюру. Оно почему-то не учло огромного количества оставленного мятежникам самого современного вооружения, и их воинственных заявлений, что устроят посланным туда войскам «кровавую баню». И эта

безответственная авантюра с позором провалилась!

Колонна танков, вступившая в Грозный и дошедшая до центра города, была разгромлена и сожжена боевиками Дудаева. Военная операция оказалась неподготовленной, и танки, подвергшись обстрелу из орудий и гранатометов, достойно ответить на нападение не смогли.

Погибло много солдат и офицеров, посланных, по сути, на убой. Но самым негативным итогом этой бессмысленной авантюры были даже не большие потери, понесенные там армией.

До военного вмешательства режиму Дудаева в Чечне противостояла мощная оппозиция большинства народа, возражавшего против отделения от России. А теперь сепаратисты стали национальными героями. Если до военного вмешательства армии главарей мятежников можно было арестовать как преступников, и чеченцы бы это одобрили, то теперь они сплотились вокруг Дудаева, и ему удалось поднять их на кровавую бойню.

Неизвестно, этого ли добивались «ястребы» из окружения Ельцина, которые толкнули его на бездарную авантюру, но в стране запылало пламя гражданской войны. В Чечню были брошены крупные воинские подразделения. Российская армия всей мощью обрушилась на автономную республику, разрушая ее города и неизбежно убивая мирных жителей. Весь мир содрогнулся от трагедии чеченского народа и осудил действия правительства России.

А внутри страны общество снова разбилось на два враждебных лагеря: ярых противников войны в Чечне и сторонников подавления сепаратистов любой ценой. Первые при поддержке средств массовой информации рьяно обвиняли правительство и армию в нарушении прав человека, а патриоты нерушимого единства страны кляли своих противников, как предателей и агентов влияния врагов России.

— Удивляюсь я тебе, Володя. Сам говорил, что война в Чечне затеяна теми, кто окружает Ельцина с преступными целями, а сейчас осуждаешь прессу и телевидение за то, что выступают против нее и ругают армию, — сказал Артём Сергеевич, встретив Царева.

— Я и сейчас того же мнения. Войну затеяла наша хунта, чтобы отвлечь общественное мнение от своего бездарного правления, — ответил Владимир Иванович. — Но раз уж война начата, то ее надо довести до победного конца. Как патриот, — горячо добавил он, — я не допускаю отделения Чечни. Иначе России конец!

— Но журналисты правильно негодуют, что по жителям Чечни, таким же российским гражданам, как и мы, бомбит авиация и стреляют из орудий. Ты ведь сам говорил, что уничтожить дудаевцев надо по-другому,

чтобы не страдало население.

— Сейчас это уже невозможно, — объяснил Царев. — Теперь остается одно: покончить с Дудаевым и боевиками любыми средствами! Но боюсь, что наша хунта затянет эту войну, и она унесет жизни многих молодых ребят.

— Ты по-прежнему подозреваешь, что они на ней наживаются? — ужаснулся Наумов. — Надо же быть нелюдями, чтобы строить бизнес на крови!

— У меня нет доказательств, но это так, — хмуро ответил Царев. — На войну из бюджета выделяют огромные средства, расходование которых, как говорят, контролируется слабо. И на восстановление разрушенного отпускается много. Их разворовать, пока идет война, проще простого.

Справедливость его подозрений подтвердил и Максименко.

— Через банк, который меня обслуживает, проходят большие суммы на восстановление Чечни. И конечно, их разворовывают, — презрительно усмехнулся он. — Ну сам посуди, зачем расходовать на это деньги, пока там идет война?

— И правда, зачем? — удивился Артём Сергеевич. — Ведь то, что восстановят сегодня, завтра снова могут разрушить.

— В этом-то весь фокус, — объяснил Николай Павлович. — Так легче всего прикарманить выделенные средства. Мой банкир говорит, что благодаря списанию на якобы вновь разрушенное, многие из близких к Кремлю чиновников сказочно обогатились. Надо как можно скорее кончать эту позорную войну!

Но конца чеченской бойни пока видно не было. Боевые действия ширились и становились все более ожесточенными. Как когда-то из Афгана, во все уголки России самолеты доставляли страшный «груз 200», и солдатские матери оплакивали своих погибших сыновей.

* * *

Дела у Николая Павловича Максименко наконец-то пошли в гору. Рост доходов его страховой компании обусловила не столько прибыль от основной деятельности, сколько удачные инвестиции свободного капитала в различные предприятия, дающие быстрый оборот вложенных средств. Всего за несколько лет она значительно выросла и теперь вела операции не только на внутреннем рынке, но и в содружестве с зарубежными партнерами.

Материальное положение семьи Максименко укрепилось столь значительно, что он впервые в жизни почувствовал себя состоятельным человеком, который может по своему усмотрению распоряжаться крупными суммами. И хотя предстояло еще отстроить новый офис для компании, Николай Павлович решил эффектно отпраздновать 30-летие женитьбы на Валечке — поездкой с близкими друзьями на Байкал, — поскольку в Иркутске они обрели семейное счастье, и там началась их удачная карьера.

Когда Максименко пригласил Наумовых поехать на Байкал, они поначалу решительно отказались. Артём побывал на этом уникальном озере уже дважды, в период испытательных полетов из Москвы в Хабаровск. А Варя, хотя никогда еще его не видела, резонно считала, что они не могут позволить себе это удовольствие сразу после того, как съездили в Париж.

— Вы, наверно, не поняли Колю, — обиженно сказала Валя, когда узнала об их отказе. — Мы не зовем вас вместе с нами совершить путешествие на Байкал, а приглашаем, как лучших друзей, быть нашими гостями. Так же, как и Доброшиных. Всего-то на недельку. Вшестером мы там чудесно проведем время!

— Но и ты нас пойми, Валечка, — мягко возразила Варя. — Мы вас с Колей любим и с удовольствием туда бы слетали. Я много слышала о красоте Байкала, и мне хочется его повидать. Но мы недавно вернулись из турпоездки, и новые расходы нам не по карману. Даже с учетом права Артёма на льготный авиабилет.

— Да пойми же — вам это ничего не будет стоить, — терпеливо объяснила Валя. — И в Иркутске, и на Байкале уже бронированы номера в гостиницах, и принимать нас будут там его деловые партнеры. Я же повторяю: вы — наши почетные гости, и все расходы пойдут, как говорится, за счет фирмы.

— Не знаю, право, согласится ли на это Артём, — заколебалась Варя. — Не в наших правилах жить за чей-то счет, пусть даже лучших друзей. Мы должны хотя бы оплатить свою дорогу, и на Байкале траты неизбежны. Нам сейчас это нежелательно.

Сразу же вслед за женой позвонил Николай Павлович.

— Ничего не желаю слушать, — решительно заявил он. — Собирайте с Варечкой чемоданы! Вот все, что от вас требуется. Авиабилеты я на вас уже взял. Вы мои гости, и ни о чем беспокоиться вам не придется.

— Но у меня право на бесплатный пролет. Зачем тебе тратить лишние деньги? — удивился Артём Сергеевич. — И как ты смог взять на нас с

Варей билеты?

— Секрет фирмы, — самодовольно рассмеялся Максименко. — И чтобы ты знал, стоимость билетов такая — безделица по сравнению с затратами на все мероприятие.

— Я вижу, тебя можно поздравить с успехом, — сдался Наумов. — Похоже, ты здорово разбогател, раз можешь себе это позволить.

— Так оно и есть, — коротко подтвердил Николай Павлович. — Но мне ничего не жалко для своих лучших друзей.

Вот каким образом в прекрасную июльскую пору Наумовы оказались на берегу Байкала в компании с супругами Максименко и их самыми близкими друзьями — семейной парой Доброшиных. Областной центр Восточной Сибири произвел на них тягостное впечатление. Центр Иркутска по-прежнему украшали дома лишь дореволюционной постройки. И стоило от него немного отойти, как уже попадались ветхие деревянные халупы «с удобствами во дворе».

Зато неделя жизни на Байкале была сказочно хороша! Это бездонное озеро с чистой водой и полудикими берегами обладало неопишуемой красотой, и Артём Сергеевич с Варей никак не могли ею налюбоваться. Все они занимали роскошные номера в гостинице «Интурист», и ее современный комфорт ярко контрастировал с девственной природой.

Целые дни шестеро друзей проводили на берегу Байкала, обдуваемые легким ветерком, долетавшим с далеких гор, загорая и окунаясь в прозрачную, но почти ледяную воду. Вода обжигала тело, и долго в ней находиться было нельзя, даже хорошо «приняв на грудь» спиртного. Артём Сергеевич оказался самым выносливым, однако тоже выскакивал, как ошпаренный, не пробыв в воде и пяти минут.

— Я считал тебя хорошим пловцом, а ты боишься отплыть от берега, — подтрунивал над ним Максименко. — Опасаешься, что схватят и сожрут гамариусы?

Как им рассказали, гамариусы — мелкие ракообразные, обитавшие в глубинах озера, способны были обглодать все, что им попадало, до костей.

— Думаю, что и ты не рвешься попасть им на прокорм, — отшучивался Наумов. — Хотя они, Коля, предпочли бы тебя. Позарились бы на твоё брюшко.

Первые дни ходили обедать в ресторан, но затем предпочли питаться прямо на берегу свежей рыбой, которую, только выловив, им доставляли на лодке местные рыбаки. Они тут же жарили ее на костре и наслаждались этим лакомством, запивая вином, захваченным с собой из го-станции. Никогда ни до, ни после этого Наумовы не ели такого вкусного омуля и

хариуса!

Пару раз местные партнеры Максименко по страховому бизнесу устраивали для гостей прогулки по Байкалу на катере. Они посетили прибрежные поселки и, конечно, устроили в живописнейшем месте пикник с купанием, шашлыками и хорошей выпивкой. Дни великолепного отдыха пролетели быстро, уже стали подумывать о делах, и накануне отъезда, когда на террасе гостиницы любовались закатом солнца, Николай Павлович сделал Наумову предложение.

— Почему бы и тебе не примкнуть к нашему бизнесу? Я намерен расширить свое дело, и мне пригодилась бы твоя помощь, — как бы между прочим сказал он. — Это лучше, чем бесплодно заниматься политикой.

— Может, ты и прав, — подумав, ответил другу Артём Сергеевич. — Наверно, и мне надо заняться тем, что приносит материальные блага. Поговорим об этом конкретнее по возвращении домой.

* * *

Душа Наумова не была расположена к занятию бизнесом. Но обещанная ему встреча с генералом Лебедем затягивалась, а вынужденное бездействие угнетало.

— Наверное, приму предложение Николая, — не слишком уверенно сказал он Варя за завтраком. — Сегодня поеду к нему в офис и выясню более подробно, чем я смогу быть ему полезен.

— Ну что ж, попробуй с ним поработать, — тоже без энтузиазма поддержала она его решение. — Хотя, думаю, занятие бизнесом — это не для тебя.

— А ты забыла о том, как я почти готов был создать собственное дело и оставил эту затею лишь потому, что не захотел сам его возглавить, — напомнил жене Артём Сергеевич. — Тогда ты не говорила, что не стоит им заниматься.

— Я и сейчас тебя не отговариваю. Может, и правда бизнес принесет доходы, — задумчиво сказала Варя. — Просто мне кажется, что тебе это будет претить. Уж лучше занимайся политикой. В нее ты вкладываешь душу.

Тогда Наумов с ней не согласился, и прошло время, пока он в очередной раз убедился, что жена знает его лучше, чем он себя сам. Чтобы расширить сферу страхования, Максименко решил охватить им садово-дачные и коттеджные поселки, коих было множество в пригородной зоне

Москвы. По его идее, эта масса мелких клиентов, подобно ручейкам, своими взносами должна была создать мощный денежный поток, который бы он приумножил благодаря удачным инвестициям.

— Если сумеешь, Артём, внедриться на поле, уже освоенное другими страховыми компаниями, и создать надежную сеть агентов, то станешь одним из моих директоров, — пообещал ему Максименко, — и многозначительно добавил: — С соответствующей зарплатой, которая не снилась даже нашим академикам.

— Но за счет чего мы сможем переманить к себе клиентов других компаний, — резонно поинтересовался Наумов. — Какие у нас козыри?

— Наше преимущество состоит в более выгодных для них тарифах и быстрой выплате страховок без обычной для других волокиты, — не без гордости ответил Николай Павлович. — Так что козыри у тебя будут.

Поставленная им конкретная цель наполнила Артёма Сергеевича молодым задором и энергией. На дворе уже была осень, и, не откладывая, он принялся на машине объезжать все Подмосковье, взяв на прицел не только садово-дачные товарищества, но и коттеджные поселки новоявленных богачей. И очень скоро выяснилось, что «козыри» компании Максименко неэффективны.

— Разница в ставках — мизерная, а в то, что у Николая большой порядок в выплате страховок, верят не больше, чем рекламе, — пожаловался он жене, рассказывая о неутешительных результатах своих поездок. — Люди уже привыкли к прежним компаниям и не хотят ничего менять.

— Ну и кончай эту бесполезную трату времени и бензина, — посоветовала Варя. — Коля на тебя не обидится. Попытка — не пытка.

Однако Наумов был не из тех, кто сдаётся без боя, и его конструктивное мышление подсказало, как взять верх над конкурентами.

— Ты знаешь, что я придумал? — обрадованно поделился он с Варей. — Сделать своими агентами председателей садово-дачных кооперативов. Это решит дело в нашу пользу!

— Понимаю. Они будут заинтересованы и убедят своих дачников страховать дома и имущество у вас, — сообразила жена. — А Коля пойдет на это?

— А какая ему разница, кто будет агентами? — пожал он плечами. — Они же зарплату не получают. Только процент от страховок.

Но Артём Сергеевич ошибся. Штатный менеджер компании, которому было поручено имущественное страхование, был категорически против этого.

— Нам не нужно такое количество страховых агентов. Все не так просто, как вам кажется, — заявил он Наумову в ответ на его предложение. — Они материально ответственные лица и должны пройти у нас инструктаж.

Но председатели садово-дачных кооперативов не желали проходить у него инструктаж. Ими так было все понятно. А те, кто рискнул приехать в офис, после общения с менеджером наотрез отказались быть агентами компании. Не лучше обстояло дело и с владельцами коттеджей. Те оказались столь ушлыми людьми, что сразу выявили в правилах компании Максименко «хитрые пункты», позволяющие увилить от выплаты страховки.

Пришла пора подвести итог проделанной работе, и Наумов составил доклад, в котором четко изложил, что для успеха порученного ему дела необходимо, во-первых, не ограничивать количество агентов по страхованию дачных построек и имущества, а во-вторых, исправить «хитрые пункты», представляющие собой, по сути, обман клиентов компании.

— Если не будут выполнены эти условия, поставленную тобой задачу решить невозможно, — сказал он своему другу и шефу, поясняя эти требования: — Я не отказываюсь сделать то, за что взялся, но ты должен предоставить мне свободу действий и непременно исправить условия страхования. В обмане клиентов я участвовать не буду!

— Ты бы все-таки выражался поаккуратнее, — недовольно бросил Максименко. — О каком обмане речь? Таковы правила и других компаний. Ты просто еще не разобрался в страховом деле.

— Тогда они тоже хитрят с клиентами и норовят их надуть, — вспыхнул Артём Сергеевич. — Возможно, я пока не разобрался в страховом деле, но если оно состоит в обмане людей, то заниматься им я не буду. А такие знатоки, как твой менеджер, только вредят делу.

— Мы клиентов не обманываем, и свободу действий ты получишь, — сбавил тон Николай Павлович. — А дурака менеджера можешь послать, — он хотел было выругаться, но сдержался, — подальше. Но правила менять я не буду.

— Тогда поставим на этом точку. Веди свое дело, как считаешь нужным, — взяв себя в руки, спокойно заключил Наумов. — Правильно сказала Варя, узнав, что я зашел в тупик: попытка — не пытка.

Так они и решили, дружески пожав друг другу руки. Попытка Артёма Сергеевича принять участие в страховом бизнесе своего друга Максименко не принесла успеха, но и не осложнила их взаимоотношений.

В то время, как в Чечне шла кровопролитная война с бандформированиями генерала Дудаева, и все внимание прессы и правозащитных организаций было привлечено к разыгравшейся там трагедии, в стране под этой дымовой завесой происходила еще более масштабная катастрофа. Другая банда в респектабельном обличье госчиновников и предпринимателей под видом реформ экономики и приватизации занялась наглым присвоением собственности в самых доходных отраслях производства.

Как и предвидел Наумов, для захвата госсобственности и обмана населения были использованы пресловутые бумажки — ваучеры. Объекты приватизации — заводы, шахты, рудники, фабрики, гостиницы, рестораны, универмаги и другие предприятия преобразовывались в акционерные общества, и их акции менялись на ваучеры. Тут же возникли «ваучерные фонды», собиравшие эти бумажки у населения, суля ему золотые горы. Повсюду сновали ловкачи, скупавшие ваучеры у людей за бесценок.

Кто контролировал этот обмен, и пресекались ли махинации с ваучерами, так и осталось неизвестным. Но результаты «ваучерной приватизации» были плачевны для населения. Лучшие объекты госсобственности через подставных лиц присвоили чиновники-махинаторы и темные дельцы. Простым же гражданам фактически не досталось ничего. Даже тем, кто поверил обещаниям «ваучерных фондов». Эти фонды сумели завладеть многими доходными предприятиями. Но их возглавило руководство фондов, а люди, доверившие им ваучеры, остались ни с чем.

— До чего же наглый обман! — посетовал Наумов, позвонив Цареву. — На наши ваучеры Варя получила акции многоэтажной гостиницы «Космос», но оказалось, что они ничего не стоят. Новые хозяева шикарной гостиницы, построенной на огромные валютные средства, объявили, что она — убыточная и в ближайшие годы о дивидендах не может быть и речи. Ну и ворюги!

— А чему тут удивляться? Я знал, что так и будет. Разве не говорил тебе, что правящая хунта всех обманет? — гневно ответил Владимир Иванович. — История пригвоздит еще ее к позорному столбу! Поэтому я свои ваучеры продал.

— Ты это серьезно? — удивился Артём Сергеевич. — Всего за бутылку водки?

— Хотя бы и так. Вы и этого не получили, — насмешливо бросил

Царев. — С паршивой овцы хоть шерсти клок!

Между тем прикармливание ловкачами госсобственности приобретало все большие масштабы, и на этой почве в Москве возник острый конфликт между Чубайсом, проводившим приватизацию по поручению правительства, и мэром Лужковым, который воспрепятствовал разграблению городского имущества.

— Считаю, что мэр прав, не разрешая проводить приватизацию на объектах городской собственности, — одобрил его действия Максименко в разговоре с Наумовым. — Иначе и в Москве все растащат «реформаторы». Лужков защищает интересы москвичей.

— Но Чубайс действует на основании, пусть и грабительского, но все же закона, — усомнился Артём Сергеевич. — Разве Лужков вправе его нарушать и устанавливать свои собственные порядки?

— О каком законе ты говоришь, когда даже гарант Конституции — президент ее нарушает, — с пренебрежительным видом бросил Николай Павлович. — Законы сплошь и рядом нарушаются по всей стране, и никто из власть предержащих за это не отвечает!

— Не знаю, до чего докатится страна, если в ней не будут действовать законы, — понурился Наумов. — Закон должен быть един для всех. Я за то, чтобы у нас было правовое государство!

В конфликте между Чубайсом и Лужковым он был на стороне мэра, но в то же время осуждал неуважение им закона. Тем более что тот не выдвигал альтернативных предложений по приватизации городского имущества.

* * *

По совету жены, Артём Сергеевич решил завершить свой капитальный труд «Организация и технология восстановления агрегатов самолета». Этому делу он посвятил большую часть жизни, и работалось легко. К весне ему удалось закончить объемистую рукопись, и Наумов решил ее опубликовать. Издательства, с которым он успешно сотрудничал многие годы, больше не существовало и пришлось обратиться в другое. Там его рукопись продержали больше месяца, и результат едва ли можно было считать удачным.

— Мы получили положительные рецензии специалистов. Авиационные предприятия и учебные институты заинтересовались вашей книгой, — пригласив в издательство, любезно сказал Артёму Сергеевичу

главный редактор. — Однако есть проблемы. У нас, — он кисло поморщился, — коммерческое предприятие.

«Мягко стелет, — мысленно огорчился Наумов. — Сейчас откажет мне под благовидным предлогом».

— Проблема состоит в реализации даже самого малого тиража, — все так же мягко пояснил издатель. — Предприятия и вузы согласны приобрести не более половины, а частные лица — инженеры и студенты — покупать такой толстый труд не станут.

— Это почему же? — не понял Наумов. — Купят, если сочтут полезным.

— У них сейчас нет на это денег, — терпеливо просветил его издатель. — Плохо покупают даже тонкие книжки, а толстые стоят вдвое дороже.

Видя, что автор скис и понуро молчит, словно ожидая приговора, главный редактор вкрадчиво произнес:

— Не стоит огорчаться, уважаемый Артём Сергеевич. Хотя конъюнктура на книжном рынке сейчас неблагоприятная, мы согласны издать ваш труд. Но вы должны принять наши условия! — Он выдержал паузу: — Первое — это разбить ваш труд на две части: организацию восстановления агрегатов, и отдельно от нее — технологию. Второе — гонорар вы получите после реализации двух третей тиража. Вас это устраивает?

— Если честно, не очень, — проглотив эту горькую пилюлю, неохотно ответил Наумов. — Организация и технология производства между собой тесно связаны. Да и затяжка с выплатой гонорара может его обесценить, в виду растущей инфляции.

— Сейчас многие авторы научной литературы согласны издавать свои труды без оплаты, а некоторые даже за свой счет, — перебил его главный редактор. — Такое сейчас тяжелое положение, поскольку государство перестало заботиться о науке и культуре. А для вас мы делаем исключение, уважая имя и заслуги.

«Это, конечно, форменный грабеж. Но издать все же надо, — поколебавшись, решил про себя Артём Сергеевич. — Я не графоман, чтобы писать лишь для собственного удовольствия». Но вслух хмуро сказал:

— Очень жаль. Ученые, труды которых нужны обществу, заслуживают большего. Но я, разумеется, согласен. Для меня главное, чтобы мои книги увидели свет и принесли пользу.

Однако дома и в кругу друзей Наумов не скрывал своего возмущения плачевным состоянием публикации научных трудов и бессовестным

отношением к авторам.

— Что станет с нашей наукой, если ученым и так платят мизерную зарплату, а вдобавок не будут вознаграждать за издание научных трудов? — посетовал он в разговоре с Царевым. — То, что творится, — это государственное преступление!

— Еще бы! Так наша наука совсем захиреет, — горячо подхватил его друг. — И не только наука, но искусство и культура Все они зачахнут без государственной поддержки!

— Ты прав. И художественная литература, и кино, и живопись — все находится в упадке, — согласился Артём Сергеевич. — Что мы видим сейчас на книжных прилавках? Сплошь детективы и боевики! Нет волнующих душу произведений. И тем же самым нас кормит кино и телевидение.

— Если так будет продолжаться, то все, что у нас есть лучшего, перекоцует за рубеж, — мрачно заключил Владимир Иванович. — Там-то высоко ценят талант и достижения даже иностранцев. Я — патриот своего Отечества, но не могу осуждать уезжающих ученых, художников, артистов и даже спортсменов, так как за границей они получают достойную плату за свой труд. — И неожиданно гневно заключил: — Надо гнать эту проклятую хунту, которая нами правит, и как можно скорее. Не то пропадем!

Наумов полностью был с ним согласен и с нетерпением ждал своей встречи с генералом Лебедем, возлагая на нее большие надежды.

* * *

И вот, наконец, его встрече с восходящей звездой российской политики суждено было состояться. Наумов уже перестал на это надеяться, когда утром раздался телефонный звонок, и полковник, секретарь московской организации партии Лебеда, по-военному коротко сообщил:

— Александр Иванович в столице. Если готовы, генерал ждет вас завтра в одиннадцать ноль-ноль, в своем офисе, в здании бывшего ВЦСПС. Адрес знаете?

— Да, я записал его во время последней нашей беседы, — обрадованно ответил Артём Сергеевич. — Надеюсь, генерала ознакомили с моими предложениями?

— Они вызвали у него большой интерес, и он имеет к вам ряд вопросов, — тон полковника был вполне доброжелательным. — Советую захватить с собой все свои материалы.

Те предложения, которые Наумов передал через него Лебедю, включали в себя не только пункты политической и экономической программы по росту благосостояния населения с конкретным обоснованием как и за счет чего это будет достигнуто. Артёмом Сергеевичем был подготовлен также перечень наиболее каверзных и острых вопросов к генералу с проектом четких ответов.

Однако, учитывая высказанное пожелание, он к предстоящей встрече с ним разработал дополнительно предложения по стратегии и тактике предвыборной борьбы, которые должны были принести победу партии Лебеда. В них был список общественно-политических движений, организаций и партий, с которыми, по его мнению, с этой целью необходимо было заключить союз.

Генерала Лебеда часто показывали по телевизору, и Наумов думал, что он его внешне представляет. Очевидно, опасаясь роста популярности и симпатий к нему населения, правящий режим старался представить конкурента в борьбе за власть в образе грубого солдафона, «обыгрывая» его атлетическую фигуру и хриплый, из-за старой травмы, голос. И Артёма Сергеевича приятно удивило, когда увидел генерала в отлично сшитом штатском костюме, красивом галстуке, и с широкой приветливой улыбкой.

«Если Лебедь так же умен, как обаятелен и элегантен, то у него несомненно большое политическое будущее, — первое, что подумал Артём Сергеевич, пожимая руку прославленному генералу. — Жаль, если ошибусь». Но дальнейшая их беседа не снизила его мнения о личности перспективного кандидата на пост президента России, хотя и немного разочаровала.

Бывший воздушный десантник проявил в разговоре изрядную эрудицию и остроумие. Его оценки внешней политики и экономического положения были резковаты, но точны. В них ярко проступала патриотическая «обида за державу» и искреннее желание улучшить жизнь своего народа, подняв его благосостояние и наведя порядок в стране. И главное — создавалась твердая уверенность, что это ему по силам.

Разочаровало Наумова лишь то, что, признав право граждан на долю доходов от природных богатств России и в принципе справедливость предложения по реализации этого права путем ежегодных денежных выплат, Лебедь счел его несвоевременным.

— Это предложение требует самого серьезного изучения, и мы к нему еще вернемся. Если дадим народу такое обещание, хорошо не продумав, наломаем дров. Люди поймут, что можно хорошо жить, ничего не делая, и тогда — катастрофа. У нас и так лентяев пруд пруди, — улыбнулся он

Артёму Сергеевичу, — а тут совсем никто работать не будет.

Больше всего генералу понравились тактические выкладки Наумова о временном альянсе оппозиционных Ельцину сил, и объединении их вокруг его партии. Но особенно — тезис о необходимости предвыборного блока со сторонниками мэра Москвы Лужкова. Лебедь считал, что это гарантирует ему победу на выборах.

— Я поручал установить связь с их политсоветом. Но они на контакт не идут, — откровенно признался генерал. — Не могли бы вы помочь в этом? К вам, как видному ученому, они отнесутся лучше, чем к моим воякам-афганцам, — полушутя добавил он.

— Не сочтите за лесть, но, кроме вас, я не вижу достойной альтернативы Ельцину на предстоящих выборах, — ответил Артём Сергеевич, складывая в папку бумаги. — И сделаю все, что потребуете. Но только после того, как пообещаете в своей программе дать гражданам России частицу от богатств их страны.

Генерал на это ничего не ответил, и Наумов вышел. Больше Лебедь его к себе не приглашал, и он тоже не искал с ним новой встречи.

— Выходит, и он на деле ничего не хочет дать нашим гражданам от богатств страны? — опечалилась Варя, когда муж рассказал ей о встрече с генералом. — За кого же мы будем голосовать?

— За него и будем, — подумав, ответил Артём Сергеевич. — Лебедь производит впечатление честного человека. И признает правильными мои предложения. Но, не включив их в программу, он не победит!

Часть вторая

Торжество ловкачей (1996–1999 гг.)

Глава 7

Криминальный передел

Народная поддержка на референдуме новой Конституции закрепила победу над оппозицией и, по сути, неограниченную власть Ельцина. Это вселило в его сподвижников уверенность в свободе своих действий и возможности как угодно нарушать законы, оставаясь безнаказанными. Тем более что ишемическая болезнь у президента обострилась, понизила его работоспособность, и, судя по всему, он перестал их контролировать.

— Ты, сидя дома, даже не представляешь, что сейчас творится в стране, — возбужденно сообщил Максименко приболевшему Наумову: он заехал, чтобы навестить его и передать купленные по просьбе Вари лекарства. — Приближенные к Ельцину дельцы, вместе с его окружением беззастенчиво присваивают наиболее прибыльные производства. Они расхватили все самое лучшее, и уже начинается криминальный передел.

— Какой еще передел? — удивился Артём Сергеевич. — У них же в руках вся власть. Кто может сейчас с ними поспорить?

— Во-первых, криминальные группировки почти в каждом регионе страны обладают немалыми силами и капиталом, — объяснил Николай Павлович. — Всеми правдами и неправдами они постараются отобрать лучшее у жуликов, примазавшихся к власти. Даже путем кровопролития. — Он презрительно усмехнулся: — И в окружении Ельцина назревает драка. Дельцы, связанные с Чубайсом, жестко конкурируют с теми, кому оказывает покровительство начальник охраны президента Коржаков.

— Неужели начальник охраны так силен? — изумленно поднял брови Наумов. — И потом, какие криминальные разборки могут быть у тех, в чьих руках власть?

— Так они ж ее не поделили. Вот и действуют преступными методами, — объяснил Максименко. — Но верх, похоже, берет генерал, так как у него есть на то спецслужбы, и он в тесном контакте с ФСБ.

— Ты хочешь сказать, что они могут пойти на физическое устранение конкурентов? — ужаснулся Артём Сергеевич. — Неужели такое возможно?

— А я допускаю это, — спокойно сказал Николай Павлович. — Насколько знаю, в КГБ и МВД были так называемые ликвидаторы, их задача — физическое устранение предателей и наиболее опасных преступников, даже если они скрывались за рубежом. — Вот увидишь, скоро начнется отстрел новых хозяев доходных предприятий. С обеих

сторон: организованной преступности и конкурирующих групп, связанных с властью.

— Не понимаю, что может дать убийство главы какой-нибудь компании или банка? — усомнился Наумов. — Ведь на его место немедленно придет другой из той же группировки. Это все равно что тасовать карты в одной колоде.

— Не скажи. Ты не в курсе всей этой механики, а я ее знаю, — снисходительно разъяснил ему друг-бизнесмен. — Сейчас организованная преступность на местах располагает акциями почти каждого доходного предприятия и имеет своих людей в совете директоров. Теперь сечешь, чего добиваются?

— Понятно. Цель преступников: шантажом или подкупом поставить «своего» во главе совета директоров, — ответил Артём Сергеевич. — Но у органов власти, по-моему, больше возможностей для этого.

— Это верно, — согласился Николай Павлович. — Они для выборов нового главы компании или фирмы проводят новое собрание акционеров. Государство имеет сейчас контрольный пакет акций и большинство в совете директоров. Перевыборы дают возможность изменить их состав в свою пользу.

Теперь Наумову стал ясен смысл жульнической операции по захвату выгодной компании или фирмы путем убийства тех, кто их возглавляет, и вопросов на эту тему он больше не задавал.

* * *

Здоровье Ельцина все ухудшалось, он перенес инфаркт, и было похоже, что страной управляет не он, а приближенные к нему лица. И у них сразу началась борьба за власть. Влиянию администрации президента, в которую входили его дочь и Чубайс, противостояли Коржаков и руководители силовых ведомств. На первых порах генерал-охранник оказался сильнее. Причину его могущества Артёму Сергеевичу объяснил всеведущий Царев.

— Генерал не только руководит мощной силовой спецслужбой, которая охраняет высших лиц государства и, следовательно, держит их жизнь в своих руках, — сообщил он то, что узнал у знакомого «гэбешника». — К нему поступает еще вся информация о них, их родственниках, приближенных к ним дельцах и обо всех финансовых махинациях. — Владимир Иванович сделал выразительную паузу: — Но

главная причина его силы в том, что он с давних пор охраняет Ельцина, пользуется его полным доверием, и между ними существует тесная дружеская связь. Вроде бы они даже кумовья.

— Тогда с ним все ясно, — отозвался Артём Сергеевич. — Непонятно лишь то, почему дочь Ельцина в другом лагере, если генерал в их семье свой человек и, как говоришь, даже крестный.

— Меня тоже это удивляет, — пожал плечами Царев. — Но если верить слухам, это объясняется не столько деловыми, сколько амурными причинами. Может, у нее связь с Чубайсом? — усмехнулся он. — Возможно, этот ловчила задумал стать зятем президента?

— А что? Такая версия вполне правдоподобна, — поддержал шутку Наумов. — Этот рослый молодец может вызвать интерес у женщин. А рыжие, — подмигнул другу, — сам знаешь, чем отличаются...

Они весело рассмеялись, и Царев серьезно заключил:

— Пока же каждая из этих группировок старается прибрать к рукам наиболее ценную госсобственность и установить контроль над основными финансовыми потоками. И преуспевает в этом больше генерал.

— А в чем это выражается? — поинтересовался Артём Сергеевич, хуже, чем его друг, разбиравшийся в финансовых вопросах.

— В том, что основные финансовые потоки, идущие в казну, сейчас составляет валютная выручка от экспорта, международных транспортных перевозок, льгот, предоставляемых торговле и внешним займам, — объяснил Владимир Иванович. — Сейчас это — главные источники обогащения власть имущих.

— И что же, они открыто разворовывают эти средства? — поразился Наумов. — А куда же смотрит прокуратура? Выходит, она тоже получает свою долю? Или ее заставляют молчать?

— Все не так просто, — хмуро ответил Царев. — Само собой, ее заставляют на многое закрывать глаза. Но открыто ничего не делается. Казнокрадство осуществляется очень хитро. Через наскоро создаваемые негосударственные фонды и частные фирмы-однодневки, выполняющие фиктивные заказы.

— Поэтому они сейчас растут, как грибы после дождя, — понимающе кивнул Артём Сергеевич. — Очень удобно для воругов. Перевел туда казенные деньги, и ищи свищи их! — Он помолчал и с сомнением добавил: — Не верится мне все же, что этим непосредственно занимается окружение президента. И тем более генерал вместе с руководителями спецслужб и органов правопорядка.

— А они сами этим не занимаются. Все делают приближенные к ним

дельцы. И, как ты понимаешь, — Царев многозначительно посмотрел на своего друга, — контролируя своих ловкачей, внакладе не остаются.

— Теперь понятно, почему государственная казна пуста, и в бюджете ни на что нет денег, — поник головой Наумов. — Ничтожно мало выделяется средств не только на науку и культуру. Ведь не на что содержать даже армию!

Друзья огорченно умолкли. У них не было слов, чтобы выразить возмущение происходящим, и они не видели перспективы прекращения творящихся в стране безобразий.

* * *

Вскоре случился громкий скандал, вызванный убийством очень популярного и любимого народом тележурналиста Влада Листьева. Вялые и беспомощные действия органов правопорядка в расследовании этого тяжкого преступления породили массу слухов. И большинство из них обвиняло в причастности к этому всемогущего генерала-охранника.

— Как подумаешь о том, что произошло, становится страшно за собственную жизнь, — признался друзьям Максименко. — Мы, деловые люди, не чувствуем себя в безопасности. Не дай Бог перейти дорогу тем, кому покровительствует Коржаков, и произойдет то, что с Листьевым!

— А кому перешел дорогу этот любимец телезрителей? — удивился Наумов. — Он вел самые интересные передачи и был вне конкуренции.

— Если бы занимался только этим, то остался бы живым, — мрачно ответил Николай Павлович. — А он решил разбогатеть и полез в коммерцию. Это его и погубило.

— Но при чем здесь коммерция? — непонимающе посмотрел на него Артём Сергеевич. — Его избрали главой общественного телеканала, и лучшей кандидатуры нельзя было придумать. Как можно разбогатеть на телевидении, когда оно убыточное?

— Положим, убыточное оно только у нас. И то из-за воровства, — с усмешкой объяснил друг. — Огромные доходы во всем мире дает реклама на телевидении, и у нас тоже. Вот Листьева и «заказали» те, кому он перешел дорогу. Близкие к власти ловчили, которым надо было поставить во главе канала своего человека.

— Да, молва называет такого, и, говорят, ему покровительствует Коржаков, — хмуро подтвердил Наумов. — Неужели именно поэтому никто, по сути, не ищет убийц? Тогда дальше идти некуда!

— Так и есть, — кивнул Максименко. — Разве будет искать их тот, кто послал? Но, думается, что за этим преступлением кроется не только желание завладеть прибылью от рекламы. Тут явно прослеживается и другое.

— Неужто личные счеты? — усомнился Артём Сергеевич. — Я слышал про какой-то там любовный треугольник, и будто бы разлад у Листьева с женой. Но не верю, что это могло явиться причиной убийства.

— И правильно делаешь, — сказал Николай Павлович. — Эту версию запустили, чтобы отвлечь от истинных причин преступления. А цель его, кроме наживы, в манипулировании общественным мнением. Листьев был слишком независим и, уповая на свою популярность, не поддавался давлению сверху. — Максименко на секунду умолк и, машинально понизив голос, добавил: — Я слышал от своего банкира еще об одной потрясающей новости. Из-за нее и впал в панику. Ведь если это правда, никто у нас не будет в безопасности!

— И ты веришь всяким слухам? — скептически произнес Наумов. — Мало ли чего народ болтает.

— У моего банкира надежные источники информации, — серьезно ответил Николай Павлович. — Тот же самый «заказчик» Листьева вроде бы уговорил генерала физически устранить известного банкира и предпринимателя Уткина. Он — сильный конкурент, и из противостоящей генералу финансовой группы.

— Ну уж этому я никогда не поверю! — покачал головой Артём Сергеевич. — Не станут они оба так рисковать. Уткин входит в орбиту Семьи, и ему наверняка гарантирована защита ФСБ. Эта авантюра им с рук не сойдет!

— Да уж, вряд ли они решатся на это, — согласился с ним Николай Павлович. — Больно велик риск. Противники используют их промах в своих интересах.

Как показали дальнейшие события, проницательный и всегда верно оценивающий конъюнктуру бизнесмен Максименко на этот раз ошибся.

* * *

Многие факты указывали на то, что генерал Коржаков сделался наиболее влиятельной фигурой в высших эшелонах власти. К нему потоком шли крупные бизнесмены с разными просьбами, и то, чем он занимался, далеко выходило за рамки его должностных обязанностей. Казалось —

действия всемогущего охранника президента никто не контролировал и отчета никто не требовал.

Молва утверждала, что подчиненные ему спецслужбы использовались для шантажа и устрашения конкурентов тех дельцов, которые находились под его покровительством. И высказывалось даже подозрение, что физическое устранение наиболее опасных соперников также дело их рук. То, что эти слухи похожи на правду, подтверждала сама жизнь.

Информация, полученная Максименко от своего банкира, оказалась верной. Это показал очередной громкий скандал, вызванный вооруженным столкновением спецназовцев Коржакова с охраной «Мост-банка», вызвавшей на подмогу сотрудников ФСБ. Сначала спецназовцы уложили лицом в грязь охранников банка, а потом и им крепко досталось от прибывшей опергруппы федералов.

— Правящая хунта творит все, что захочет! Смотрел репортаж о нападении президентской охраны на «Мост-банк»? — возмущенно прокомментировал этот инцидент Царев. — Ну какие могут быть дела у Коржакова с этим банком? Генерал совсем обнаглел! Возомнил, похоже, что его служба — опричники, а он — Малюта Скуратов. Только новая опричнина куда опаснее.

— Это почему же? — не согласился Артём Сергеевич. — Та была очень свирепой и беспощадной. Так утверждает история.

— Но опричники действовали по приказу государя и были ему подотчетны. А наш Ельцин — не Иван Грозный. Он болеет, и они творят все, что хотят, — бесконтрольно. — И встревоженно добавил: — Я опасаюсь, что пользуясь болезнью президента, этот генерал в союзе с министрами-силовиками узурпирует власть, и эта военная хунта учинит в России диктатуру, еще более жестокую, чем при коммунистическом режиме.

— Эк тебя занесло, Володька. Ну ты и фантазер! — насмешливо возразил ему Наумов. — Сейчас это невозможно. Не те времена. Но ты прав: этот генерал может черт-те что натворить за спиной у больного президента. Общественность и пресса должны высветить его темные дела!

— Пока это произойдет, бесконтрольные спецслужбы принесут много бед, — уже более спокойно заключил Царев. — Попомни мое слово.

Дальнейшее развитие событий подтвердило его мрачный прогноз. Силовой захват и передел крупной собственности продолжался. Доходные производства, поставляющие продукцию на экспорт, искусственно банкротились и за бесценок переходили в собственность дельцов, связанных с властью или криминалом. Там же, где коллективы

предприятий пытались сопротивляться, руководство ими захватывалось силой при поддержке милиции и спецслужб.

Однако далеко не все негативно относились к происходящему, зачастую насильственному и незаконному переделу собственности. В их числе был и Максименко.

— Не беда, что собственность переходит в частные руки не всегда законными методами, — убеждал он Наумова. — В наших условиях это, видимо, неизбежно. Зато теперь появятся настоящие хозяева, которые станут умело и рачительно распоряжаться ею. А государственное управление было неэффективно.

— Поживем увидим, — уклончиво ответил Артём Сергеевич. — Не очень-то верится, что незаконно завладевшие предприятиями ловкачи способны поднять производство.

* * *

Новые выборы президента России неизбежно приближались, а состояние здоровья Ельцина не улучшалось, и сердечная болезнь у него лишь усилилась. Стала очевидной его физическая неспособность участвовать в предвыборной гонке. А борьба предстояла крайне тяжелая, так как лимит доверия народа он исчерпал, и рейтинг был самым низким за все годы правления. Но отдавать власть не хотелось, да и боязно было. Слишком много накопилось грехов.

И, как говорили, окружение президента разделилось на две партии. Генерал Коржаков и его друзья-силовики убеждали Ельцина не рисковать и, несмотря ни на что, отложить выборы. Официально — до выздоровления.

— Ну, нарушим мы этим Конституцию, зато сохраним власть, — якобы убеждали они президента. — Сила-то в наших руках. Никто не пикнет так же, как во время разгона парламента. А послушные СМИ докажут народу правильность вашего решения.

Вполне вероятно, силовики и уговорили бы Ельцина, но с другой стороны на него не менее настойчиво воздействовали противники Коржакова. Серьезно опасаясь узурпации власти в обстановке беззакония, они, по слухам, убеждали президента в другом:

— Пойти на новое нарушение Конституции — это подорвать авторитет и роль первого президента в истории России, как ее освободителя от коммунистического ига, — якобы внушали Ельцину близкие и «молодые реформаторы». — Поправив здоровье, можно

продержаться до выборов. А потом уже всерьез заняться его восстановлением.

— Допустим. Но где гарантия, что мы их выиграем? — вроде бы сомневался президент. — Коммунисты, спекулируя на наших ошибках, подняли рейтинг своего лидера Зюганова до небес. Чтобы победить, нужна мощнейшая пиаровская кампания, а где взять на нее денег, когда казна пуста?

— В наших руках контроль над финансовыми потоками. Тряхнем толстосумов, и будут деньги! — якобы заверяли его Чубайс и другие. — А народ пугнем реставрацией прошлого, и победа будет за нами. Средства массовой информации нас поддержат. Лучшие артисты, которых любит народ, будут агитировать против коммунистов. Люди не хотят возвращаться в страну всеобщего дефицита и пустых прилавков.

Обстановку в Кремле охарактеризовал Максименко, который всегда обладал весьма достоверной информацией из источников, близких к администрации президента:

— Ельцин колеблется: боится потерпеть поражение. Но с другой стороны, хочет остаться в истории, как борец за демократию и освободитель России. Думаю, что последнее возьмет верх. Что ни говори, но по натуре он — боец. В смелости ему не откажешь. Казалось бы, у Ельцина нет никаких шансов вновь стать президентом. Ему доверяет не более двух процентов населения. Ни одного своего обещания не выполнил. Жизнь у людей стала еще тяжелее. И все же на выборах он победит!

— Но почему ты так думаешь? — поразился Наумов. — Сам же признаешь, что народ ему больше не верит.

— А все изменится, когда журналисты примутся промывать людям мозги, — уверенно заявил Николай Павлович. — Никто не захочет «светлого прошлого»! И я буду вновь голосовать за Ельцина, так как ему нет альтернативы.

— Чем же тебе не нравится Лебедь? — недовольно спросил Артём Сергеевич. — Уж он-то наведет в стране порядок, и ты перестанешь опасаться за свою жизнь.

— Это верно, порядок будет, — согласно кивнул Николай Павлович. — Но скорее всего военный. А мне такого не хочется! Не желаю, чтобы урезали мою свободу, а генерал — на то он и генерал, чтобы ставить всех по стойке «смирно».

— Ну а мне Лебедь понравился, — возразил Артём Сергеевич. — Не такой уж он солдафон, и, думаю, он положит конец царящей у нас уголовщине!

— Вот и голосуй за него, если хочется. В этом как раз вся прелесть свободы и демократии, — добродушно заключил Максименко. — Но поверь, победит вновь Ельцин! Потому, что власти на местах так же, как и я, больше всего ценят приобретенную свободу. Они-то и обеспечат нужные итоги голосования. В крайнем случае, — с усмешкой добавил он, — смухлюют. Такое они могут.

И хотя Наумов в этом усомнился, дальнейшее показало, что Максименко, лучше всех его друзей разбиравшийся в политике, и на сей раз оказался прав.

* * *

Наконец-то согласно известной закономерности в жизни Наумова началась полоса везения. Совершенно неожиданно пришел издательский успех последних книг, в которых он популярно изложил то, что заботило авиаторов, занятых в сфере эксплуатации и ремонта самолетов. Выяснилось это, когда его пригласил к себе главный редактор.

— Ваши книги заинтересовали иностранных издателей, — сказал он, любезно улыбаясь. — Согласно нашему договору мы перевели их на английский и предоставили зарубежным партнерам право опубликовать у себя. — Он выдержал должную паузу и с великодушным видом произнес: — И хотя время выплаты вам гонорара еще не настало, поскольку тираж реализован только наполовину, мы решили выплатить его полностью. Успех и практическая значимость ваших книг очевидны. Наше издательство готово сотрудничать с вами и в дальнейшем.

— Ну и кто же проявил интерес к моим трудам? — поинтересовался приятно удивленный Артём Сергеевич. — Ведь все мои рекомендации основаны на отечественном опыте.

— Нашими зарубежными партнерами стали США и Канада, — ответил издатель. — Но к ним скоро должны присоединиться французы, и придется делать новый перевод ваших книг. Похоже, поднятая в них проблема актуальна, и наш опыт представляет интерес.

Как оказалось, издательство продало право издания книг Наумова на очень выгодных условиях, и полученный им гонорар превзошел все ожидания. Варя даже растерялась, когда он принес и для пущего эффекта молча выложил перед ней на стол целую кучу денег.

— Вот уж не думала, что в наше время авторы могут прилично зарабатывать литературным трудом, — округлив глаза, удивленно

произнесла она. — У людей сейчас нет денег, чтобы покупать даже очень нужные книги.

— У наших и правда их нет. Тираж распродан лишь наполовину, — признался Артём Сергеевич. — Зато у граждан передовых стран денег на это хватает. Мои книги, — с гордостью объяснил он, — изданы в США и Канаде. Вполне возможно, что скоро их переведут и на французский.

— Ну, тогда продолжай это дело, дорогой мой писатель, — с улыбкой сказала Варя. — Оно куда полезнее, чем бесплодное занятие политикой, на которое ты лишь тратишь свои нервы и здоровье.

— То, что полезнее — это факт. Но если мы будем довольствоваться тем, что имеем, и замкнемся лишь на собственных интересах, то превратимся с тобой в обывателей, — не согласился Наумов. — На мой взгляд, бессовестно благоденствовать, когда народ бедствует и вокруг такой бардак. Это похоже на пир во время чумы.

— Пожалей здоровье! Что ты один можешь сделать? — пыталась урезонить его жена. — Не забывай о своем возрасте. Пусть о будущем заботятся молодые!

— А старики, более мудрые и опытные, пусть сидят на печке и спокойно наблюдают, как вырождается народ и гибнет страна? — горячо возразил Артём Сергеевич. — Нет, Варенька, мне это совесть не позволяет. И пока у меня будут шансы повлиять на события в лучшую сторону, я постараюсь помочь честным политикам принести пользу России. Даже в ущерб личным интересам.

— Ты у меня неисправимый идеалист, — ласково на него взглянув, вздохнула Варя. — Что-то не видно пока на горизонте честных политиков. В основном своекорыстные властолюбцы. Боюсь, что ты зря потратишь на них свои силы и время.

Рожденная под знаком Водолея, она обладала даром предвидения. Не раз в этом убедившись, Наумов сознавал, что скорее всего так и будет. И все же поступить вопреки тому, что требовала от него совесть, не мог.

* * *

Наумовы не принадлежали к тем благоразумным людям, которые откладывают заработанные деньги впрок. Поэтому, когда они за завтраком обсуждали, на что лучше потратить его гонорар, Варя мечтательно вздохнула:

— А давай, дорогой, снова прокатимся на автобусе по Европе! На этот

раз в Италию. Твоя сестрица Лёля утверждает, что в Риме намного интереснее, чем в Париже. Неужели это правда?

Старшая сестра Наумова последнее время ежегодно совершала заграничные путешествия, которые поднимали жизненный тонус и, доставляя новые приятные ощущения, укрепляли здоровье. Будучи тещей министра, Лёля ни в чем не нуждалась, и могла потратить все, что имела, на отдых за границей. Она уже успела побывать всюду и снабжала их полезными сведениями.

— Похоже, что так и есть. Лёля никогда не преувеличивает, — не без сомнения в голосе подтвердил Артём Сергеевич. — Хотя мне тоже не верится, что Париж уступает Риму. Я не прочь прокатиться в Италию, если только удастся найти турфирму, которая организует это без ночных переездов.

— Ты прав, они слишком утомительны, — согласилась Варя. — Займись этим, Тёмочка, и хорошо бы съездить туда летом, в период, когда на даче меньше работы в саду.

Решение было принято, и Наумов с присущей ему энергией приступил к его реализации. Подходящее предложение сделала им все та же турфирма «Дилижанс», которая в свое время организовала их автобусную поездку из Польши в Бельгию и Францию. Вдобавок эта фирма сделала им солидную скидку, как постоянным клиентам.

— Маршрут просто изумительный, и ни одного ночного переезда, — с жаром доложил он жене. — Мы повидаем не только Италию, но по пути еще Словакию, Австрию и Югославию! А в самой Италии, кроме Рима, Флоренцию, Пизу и по дороге многие маленькие городки, включая курорты на Адриатическом побережье. Закончим же тур в Венеции!

— А выедем снова из Польши? — спросила Варя. — У «Дилижанса», помнится, был альянс с польской фирмой, которая организует эти автобусные туры.

— Нет, на этот раз мы поездом доберемся до Братиславы, а оттуда уже на комфортабельном автобусе поедem в Вену и дальше в Италию через территорию Югославии, — объяснил Артём Сергеевич. — Но ты права. Турпоездку организует та же польская фирма, с которой сотрудничает «Дилижанс». И наш гид — полька. Только водитель автобуса местный.

Лето уже вступило в свои права, за дачными хлопотами время пролетело очень быстро, и вскоре международный поезд-экспресс уносил их из Москвы в Братиславу, где начинался автобусный маршрут. Столица Словакии, как и вся эта часть бывшей ЧССР, не произвела на них особого впечатления, хотя красота природы радовала глаз. И при отъезде их едва не

постигло разочарование. Турфирма изменила маршрут, и вместо Вены их повезли в Будапешт.

Сначала группа бурно протестовала, ибо всем хотелось повидать Австрию и красавицу Вену. Но их успокоила симпатичная полька-гид, заявив:

— Будапешт по красоте мало уступает Вене, а кое в чем даже превосходит. В Вене больше дворцов и памятников знаменитостям, но зато столица Венгрии состоит как бы из двух городов. Древней крепости Буды, на высоком берегу Дуная, и равнинного Пешта, в котором находится правительство и сосредоточена деловая жизнь столицы. — И многообещающе добавила: — И еще вас ждет огромное удовольствие от того, что ночевать мы будем в прекрасном отеле на берегу озера Балатон. А это всемирно известный курорт и одно из самых живописных мест Венгрии.

Действительность их не обманула. И величественная Буда с королевским дворцом и знаменитым обелиском на горе Геллерта, и широко раскинувшийся красавец Пешт произвели на всех незабываемое впечатление, которое омрачило лишь то, что все самое прекрасное там было создано в старые времена австро-венгерской империи.

Однодневное пребывание на озере Балатон было чудесным. Из их высотного отеля открывался великолепный вид на огромное озеро и подернутую дымкой цепочку то ли гор, то ли крутых холмов на противоположной его стороне. Берег был красиво застроен, весь в пышной зелени и цветниках, а голубую гладь озера бороздили многочисленные яхты под яркими разноцветными парусами.

— Неужели мы могли поехать другим маршрутом, не повидав этой красоты? — со вздохом сказала Варя, когда они покидали Балатон. — Я считаю, что нам всем просто повезло!

— И тебе не жаль, что мы не побывали в Вене? — удивился Артём Сергеевич. — В городе Штрауса и других великих музыкантов. В столице одной из величайших когда-то мировых империй.

— Ну знаешь, не думаю, что она интереснее Парижа, — спокойно ответила Варя. — И я надеюсь, что мы там с тобой еще побываем. Вена — не на краю света.

На протяжении дальнейшего пути в Италию, пересекая земли Хорватии и Словении, никаких особенных достопримечательностей они не встретили. И крепко запомнилось то, что даже в бедной Югославии все дома, даже в самых маленьких поселках, выглядели красивыми и добротными. Ни одной развалюхи, которых пруд пруди в деревнях России,

им на глаза не попало.

* * *

Путешествие по Италии было просто сказочным! Они посетили по пути в Рим два старинных города. Флоренцию со всемирно известной картинной галереей и скульптурой Давида, и Пизу с ее знаменитой падающей башней. Там они видели много прекрасного, но основные впечатления у Артёма и Вари оставил, конечно же, «вечный город». И больше всего потрясли их не древние руины римских Форумов, не Колизей и не триумфальные колонны и арки древнего Рима. Даже не дворцы и великолепные фонтаны на площадях, сплошь украшенные мировыми шедеврами скульптуры.

Потрясающее впечатление на них произвели главные католические храмы Рима и Ватикана. И не столько своими колоссальными размерами и величием, сколько насыщенностью бесценными творениями художников и ваятелей. Вот когда они оценили справедливость того, что говорила Лёля.

— Да уж, куда Парижу тягаться с Римом, — заключил Артём Сергеевич, делаясь с женой впечатлениями после посещения Ватикана. — Вот французские короли считались богатейшими в Европе, но по сравнению с Папами были нищими. Только колоссальным богатством глав католической церкви можно объяснить то, что Рим стал мировой сокровищницей искусства. Но больше всего меня поразило то, что Папы не были скарены и широко покровительствовали мастерам искусств. Отсюда и обилие бесценных шедевров. Их щедрости мир обязан появлением целой плеяды гениальных художников, архитекторов и скульпторов.

— Ты абсолютно прав, — согласилась Варя. — Я обратила внимание на то, что площади Рима украшены шедеврами искусства обычно там, где проживала семья очередного Папы. Одна из лучших площадей, как рассказал гид, до этого была просто грязной свалкой.

Но и кроме Рима, в Италии было чем восхищаться путешественнику. По пути в Венецию они пересекли весь Апеннинский полуостров и не уставали любоваться красотой небольших городков и поселков на вершинах высоких холмов, мимо которых проезжали. А живописный средневековый город Ассизи на горе с венчавшим ее знаменитым монастырем был на редкость уютным и романтичным.

— До чего приятен здесь климат и роскошна растительность, — восхищалась Варя, глядя на увитые плющом нарядные домики и

романтические ресторанчики, уступами спускающиеся по отлогому склону горы. — Подлинный рай для влюбленных! Теперь понимаю, почему сюда со всего мира стремятся парочки, чтобы провести свой медовый месяц.

Но когда выехали на побережье Адриатического моря, романтики поубавилось. Курортные городки и пляжи были чистенькими, но купаться было так же мелко, как на Рижском взморье. А Венеция их даже немного разочаровала. Город был, конечно же, необычайно красив и оригинален. Однако многие великолепные дворцы носили следы запустения, давно не ремонтировались, и некоторые пришли в полный упадок. Вода в каналах была грязной, неприятно пахла, и это снижало удовольствие от прогулки на гондолах.

Тем не менее осмотрев Дворец дождей, побывав в соборе Святого Марка и полюбовавшись на знаменитый золотой иконостас, покормив голубей на площади и просто побродив по необычайно узким и нарядным улочкам, Артём Сергеевич и Варя остались довольны посещением самого необычного города мира. И хотя Венецию они нашли непростительно дряхлой, зато аэропорт в ней порадовал тем, что был вполне современной постройки.

Вскоре их тургруппа была уже на борту самолета, увозя с собой массу ярких и незабываемых впечатлений о замечательном путешествии.

* * *

Наумовы вернулись из турпоездки хорошо отдохнувшими и полными положительных эмоций. Дома было все благополучно, но как-то пусто, и они ясно осознали, что для полного счастья в нем не хватает собачки. Со смерти Кузи прошло уже немало времени, и пора было подумать о новом четвероногом друге. Первой заговорила об этом Варя.

— Ты знаешь, Тёмочка, если мы снова заведем собачку, то только девочку, — как бы между прочим сказала мужу, когда они вечером, сидя рядом в креслах, смотрели телевизор. — Кузечка не обидится, если у нас появится его сестричка. Он не сочтет это предательством.

— Не сходи с ума. Ты говоришь о нем, как о живом, — укоризненно посмотрел на жену Артём Сергеевич. — А собачку взять надо, — согласился он. — Только без родословной, чтобы не иметь дела с кинологами. Надоело!

— И я так думаю, — обрадованно подхватила Варя. — Давай возьмем бездомную или брошенную в обществе защиты животных. Из тех, кто ищет

хозяина.

— Ладно, звони по объявлениям, — согласился Артём Сергеевич. — А найдешь, поедем посмотреть. Первую попавшуюся не возьмем, — предупредил он. — Только малого пуделька. Я к ним уже привык.

На этом и порешили. Варя принялась звонить по всем объявлениям — будь то радио, телевидение или те, что расклеивают на столбах и на стенах домов. Дело казалось бы простое, но долгое время, как назло, им предлагали любых собачек, но только не тех, кто походил на малого пуделя. Однако счастливая полоса в их жизни еще продолжалась. И осенью, когда уже грянули холода, им вновь улыбнулась удача. Вечером позвонила какая-то женщина.

— Вы у нас просили малого пуделя, девочку, — сообщила она взявшей трубку Варя. — Щеночек месяцев трех-четырёх, окрас черный. Похоже, породистый, но конечно, без родословной. Возьмете?

— А когда за ним можно приехать? И куда? — обрадованно спросила Варя. — Сегодня это возможно сделать?

— Если вас не затруднит, это даже лучше. Я ее держу дома, и у меня сейчас еще три собаки, — ответила добрая женщина. — Запишите мой адрес. Буду вас ждать.

Не теряя времени Наумов отправился в гараж за машиной, и, когда уже стемнело, они с Варей приехали к этой женщине, жившей в типовом многоэтажном доме. Найдя нужную квартиру, позвонили в дверь, и сразу раздался разноголосый собачий лай, указывающий на то, что они не ошиблись.

— Ну, вот. Надеюсь, от одной бедняжки вы меня освободите, — сказала открывшая им дверь маленькая старушка, очевидно удовлетворенная солидным видом супружеской пары. — А то мне их нечем кормить.

Самая крошечная из собак, пугливо забившаяся в угол курчавая чернушка несомненно была пудельком и сразу им понравилась. Это заметила старушка. Взяв на руки щенка, она протянула его посетителям.

— Вижу, что моя девочка нашла хороших хозяев, — сказала она, передавая им чернушку. — У вас, наверное, уже была до нее собака. Это заметно.

— Да, тоже малый пуделек. Год назад он умер, — ответила Варя, ласково глядя дрожащую от страха собачку. — А как к вам попал этот щенок?

— Его нашли на перроне вокзала добрые люди и принесли к нам в общество, — сказала старушка. — Наверное, хозяин ездил с ней на

«Птичку», не продал и, возвращаясь домой, то ли выбросил, то ли спяну ее потерял.

— У нас такого не произойдет. Можете не сомневаться, — заверил Артём Сергеевич. — Мы ее не потеряем!

Так у них с Варей завелся в доме новый и очень любимый член семьи — черненькая курчавая собачка, которую они назвали Чара, как бы компенсируя потерю, которую понесли от одноименного коммерческого банка.

Глава 8

Бизнес на крови

Война в Чечне образовала в стране «черную дыру», столь необходимую криминалу. В ней бесследно исчезали не только огромные суммы бюджетных денег, объявленные в розыск преступники и захваченные бандитами заложники. Там на крови чеченцев и солдат российской армии нечистоплотными дельцами, среди которых оказались и военные, делался крупный бизнес, — в основном на снабжении армии и предательских поставках сепаратистам Дудаева всех видов вооружения, включая самое новейшее.

— Нет, ты посмотри, что происходит, — посетовал зашедший к Наумову Царев. — Вместо того чтобы навалиться на Дудаева всей мощью нашей армии и стереть бандитов в порошок, играют с ними в «кошки-мышки»! Посылают в бой плохо обученных новобранцев и, как только армия прижмет бандитов, под разными предлогами дают им передышку.

— Но ведь это — предательство! Такого быть не может, — не согласился Артём Сергеевич. — Я допускаю, что наши грязные дельцы пользуются войной и делают на крови свой подлый бизнес, но чтобы в нем были замешаны высшие должностные лица...

— Замешаны через этих дельцов, которые с ними тесно связаны, — перебил его Владимир Иванович. — Ну сам посуди: откуда у Дудаева самое совершенное вооружение? Разве он получил бы его, если бы не было замешано наше высшее руководство?

— Он мог получить его от своих зарубежных покровителей, — убежденно ответил Артём Сергеевич. — Сепаратистам помогают арабские шейхи и западные враги России. Вот почему бандиты вооружены и оснащены лучше наших войск.

— Выходит, это американцы поставляют им наши последние образцы вооружения? Откуда они у них взялись, как не с наших оборонных заводов и ОКБ? — привел неотразимый аргумент Царев. — Пусть чеченцам достались они от продажных генералов или полковников, но те не смогли бы получить их без ведома высших чиновников государства.

Сказанное другом заставило Наумова призадуматься. И чем больше осмысливал происходящее в Чечне, тем больше находил подтверждений тому, что непонятный ход войны определенно смахивает на предательство со стороны тех, кому она выгодна. Уж слишком необъяснимо бездарными

порой были решения военного командования.

Действительно, стоило армии ценой немалых жертв добиться успеха и запереть бандитов в горах, как почему-то военные действия приостанавливались. Вместо того, чтобы уничтожить врага, ему давали возможность оправиться от поражения. Передохнув и получив подкрепление, противник снова переходил в наступление, а наши войска, неся потери, откатывались на исходные позиции, и все начиналось сызнова.

— Не понимаю, что творится. Неужели у нас развелось столько предателей? — возмущенно сказал Наумов жене. — Если так, то до чего безжалостны негодяи в погоне за личной наживой! Ведь из-за их алчности в Чечне каждый день гибнут российские солдаты. Ни в чем не повинная молодежь!

— Не хочется этому верить. Наверное, такое у нас бездарное командование. Не способно управиться с бандитами, и армия несет тяжелые потери. Но если правда, что среди офицеров есть предатели, не жалеющие ради собственной выгоды жизни вверенных им солдат, то их казнить мало!

— Ничего, настанет время, и им придется ответить за свои преступления. Война в Чечне — грязная, и ее нужно остановить, — убежденно заключил Артём Сергеевич. — Недаром телевидение и пресса критикуют армию и протестуют против нарушения прав человека.

Действительно, протесты общественности против «грязной» войны в Чечне все нарастали не только в российских СМИ, но и во всем мире.

* * *

Топорные и безжалостные по отношению к мирному населению действия армии в Чечне вызвали справедливое осуждение России и проявление симпатий мировой общественности к сепаратистам Дудаева. Не дремали, разумеется, и недруги бывшей сверхдержавы, желавшие ее дальнейшего ослабления. Они не жалели средств на пропаганду в поддержку «чеченских борцов за свободу».

В этом убеждало странное поведение российских борцов за права человека. Узурпировав власть в Чечне, сепаратисты Дудаева учинили форменный террор русского населения автономии, граничивший с геноцидом. Бандиты убивали коренных жителей казачьих станиц и изгоняли их из родных мест. И эти вопиющие преступления не вызвали со стороны правозащитников бурного протеста. А на защиту «борцов за

свободу» Дудаева они почему-то встали горой.

— Не понимаю, как может дружески встречаться с руководством бандитов уполномоченный президента по правам человека? — удивленно спросила у мужа Варя. — Ведь они выгнали русских из Чечни, преступно развязали гражданскую войну, убивают своих сограждан. А он с ними любезничает и при этом вопит о нарушении прав чеченцев нашими военными, которые восстанавливают там законный порядок! По-моему, это — предательство интересов России.

— Да уж, в Чечне наши правозащитники явно применяют двойной стандарт, — с горечью согласился он. — Они выступают в роли подголосков врагов России, которые утверждают, что стоят за нерушимость границ, и в то же время подняли шумиху о нарушении прав чеченцев, требуя предоставить им свободу. Поневоле поверишь слухам, что те их купили.

— Журналисты тоже ведут себя так, будто сочувствуют сепаратистам, — осуждающе произнесла Варя. — Я тоже против этой войны, но нужно положить конец мятежу Дудаева. А они своими репортажами подрывают боевой дух армии и тем самым помогают чеченским бандитам.

— Ты права. Репортажи из стана бандитов с выступлениями их лидеров — это не свобода слова, а прямое пособничество врагу, — подтвердил Артем Сергеевич. — Даже американцы во время войны с Ираком ввели военную цензуру.

— Но почему тогда молчит Кремль? — удивилась Варя. — Ни Ельцин, ни его окружение ничего не делают, чтобы прекратить подрывную пропагандистскую кампанию в пользу сепаратистов в то время, когда в Чечне гибнут наши солдаты. — Она недоуменно пожала плечами. — И вообще, по телеку и в газетах журналисты их почему-то называют не иначе, как «федералами». Представляешь? Будто воюют там чужаки, а не свои же сыновья и братья. Это же аморально! И никто их не одергивает.

— А все потому, Варенька, что война в Чечне затеяна с преступной целью. Именно теми, кто находится в окружении президента, — объяснил Артём Сергеевич. — Они не собираются ее выигрывать. Вот почему нет там решающих побед нашей армии. Ведь силы несоизмеримы! — Охваченный гневом, он сделал паузу, чтобы перевести дыхание, и добавил: — Поэтому и не вводят цензуру, равнодушно взирая на то, как не без помощи наших журналистов чеченские лидеры выигрывают информационную войну.

Пока этот «бизнес на крови» им надобен, все так и будет

продолжаться!

— Это ужасно, дорогой, — пригорюнилась Варя. — Может быть, стоит тогда на выборах поддержать коммунистов? Сумеют они прекратить войну? Сталин же усмирил чеченцев!

— Не смогут они этого сделать. Сталинские методы сегодня не применишь, — покачал головой Артём Сергеевич. — Способен покончить с войной в Чечне только генерал Лебедь! Он доказал это, сумев пресечь кровавый конфликт в Приднестровье. Разве не так?

Варя согласно кивнула. Лишь с этим кандидатом на пост президента России они теперь связывали надежды на изменение хода событий к лучшему.

* * *

Между тем кровавой бойне в Чечне не видно было конца и края, и позорные поражения продолжались. Казалось бы, в ходе войны произошел перелом. Равнинная часть республики была занята войсками армии и МВД, а остатки банд заперты в горах у южных ее границ. И тут произошло непредвиденное. Несколько десятков отчаянных головорезов под началом известного бандита Шамиля Басаева спустилась с гор и совершила победный рейд по Ставрополю.

Банда беспрепятственно миновала на машинах все милицейские посты и кордоны, учинила кровавую бойню в городе Буденновске и захватила там больницу, взяв в плен больше тысячи заложников. Как смогли вооруженные до зубов бандиты Басаева, двигаясь среди бела дня по главной автотрассе, без боевых столкновений добраться до Буденновска, никто народу не объяснил. Так же, как и то, почему расположенные в городе войска не оказали должного сопротивления горстке бандитов, намного превосходя их силой.

— Говорят, все решили доллары, которых у Басаева было немерено, — хмуро объяснил жене Наумов. — По слухам, чтобы их пропустили, за каждого бандита он на всех постах платил по сотне баксов. Ну и дела!

— Я этому не верю! Не такой у нас народ, чтобы продать им своих родных и близких, — ужаснулась она, не желая признать факт столь вопиющего предательства. — Наверно, хитрые абреки сумели обмануть наших простаков.

— Они и правда прикрывались какой-то шитой белыми нитками легендой. Но то, что на постах с Басаева брали мзду, несомненно, —

удрученно ответил Артём Сергеевич. — Иначе бы не прошли они через все кордоны. Где-нибудь их обязательно разоблачили бы и нашли оружие.

— Тогда их казнить мало, этих предателей! — гневно сказала Варя. — Думаю, и их начальникам не сносить головы.

— А я как раз уверен в обратном, — мрачно возразил муж. — Эти поборы на дорогах происходят с ведома высокого начальства, и, само собой, оно в них замешано. Вот почему генералы, чтобы не отвечать самим, сделают все, чтобы «отмазать» этих предателей.

— Неужели такое возможно? Неужто все прогнило снизу доверху? — негодуя, спросила Варя. — Неужто эти предатели выйдут сухими из воды?

— Ну, совсем это им не удастся. Сперва затянут расследование, чтобы народ немного успокоился, а потом кое-кого накажут, — презрительно усмехнулся Артём Сергеевич. — Но всерьез никто из них не пострадает!

Все так и произошло, тем более что всеобщее внимание было приковано к трагедии в Буденновске. Захватив больницу и набив ее до предела заложниками, банда начала их казнить, объявив условием освобождения — переговоры о мире в Чечне с руководителями повстанцев. Поскольку Ельцин и глава правительства Черномырдин много раз заявляли, что вести переговоры с бандитами не будут, для спасения людей и ликвидации боевиков Басаева туда направили спецназовцев «Альфы».

Прославленный спецназ уже начал успешный штурм больницы, когда внезапно был остановлен. Стало известно, что правительство передумало, и Черномырдин по телефону связался с Басаевым, чтобы уточнить условия освобождения заложников.

— Что же они делают? — позвонив Наумову, недоумевал Царев. — О чем наш премьер собирается договориться с Басаевым? Как можно отпустить его безнаказанно? А кто ответит за сотни убитых жителей города?

— Ради спасения людей можно пообещать начать переговоры с Масхадовым. Он у них главный после гибели Дудаева, — хмуро ответил Артём Сергеевич. — Но потом встречаться с бандитами не обязательно.

— Ты имеешь в виду жертвы при штурме? А подумал, сколько еще погибнет, если мы этих головорезов отпустим живыми? — гневно повысил голос Владимир Иванович. — И как воодушевит бандитов победный рейд Басаева, вдохновляя их повторить подобное?

— Какой толк от того, что думаю я, — с горечью произнес Наумов. — Важно, что думают президент и Черномырдин. Если они согласны вести переговоры с этими негодьями, то зачем тогда уничтожили Дудаева? Он был все же не такой явный бандит.

— Напрасно уходишь от ответа, — сердито упрекнул друга Царев. — Ты отлично знаешь, что не об окончании войны они думают. Вернее, те «ястребы» и дельцы, которым она нужна. — Он немного помолчал и предупредил: — Попомни мое слово: дорого нам обойдется то, что отпускают бандитов Басаева. Они натворят массу бед и прольют много крови невинных людей. Жди теперь новых набегов на российские города!

* * *

Дальнейшие события подтвердили мрачное предсказание Царева. «Подвиг» Басаева попытался повторить другой лидер бандитов, Радуев, совершив разбойничий рейд в соседний Дагестан. И хотя его абрекам тоже удалось захватить там город и взять заложников, успеха это не принесло. Банда Радуева была взята в плотное кольцо федеральных войск, и казалось, что ее ликвидация неминуема.

Об этом громогласно объявил сам президент, сообщив народу, что десятки снайперов держат бандитов под прицелом, и на этот раз они не уйдут от ответа. Но произошло невероятное. Каким-то образом, практически без потерь, Радуеву и его банде удалось уйти из плотного окружения не только самим, но еще и прихватив с собой заложников. Кто предоставил им «коридор» и как такое могло случиться, оставалось тайной, но сильно отдавало очередным предательством.

— Не сомневаюсь, что это сделано на чеченские деньги. Но команду военные получили сверху, — вне себя от гнева так прокомментировал этот скандальный провал Царев. — От тех, кому нужно продолжать эту подлую войну.

— Похоже, здесь пахнет предательством, — согласно кивнул Артём Сергеевич. — Но Ельцин, думаю, ни при чем. Негодяи и его сильно подвели. Ведь на носу выборы, а из-за них он снова сел в лужу.

— Это верно, над его «снайперами» будут теперь насмехаться, — язвительно сказал Владимир Иванович. — Наверно, окружающие его «ястребы» на нем уже поставили крест. Тем более что в Чечне нас ждут новые поражения. Я в этом уверен!

Он и на этот раз оказался прав. Новое сокрушительное и еще более скандальное поражение в Чечне не заставило себя ждать. Грозный, в котором под охраной армии находилось лояльное Кремлю правительство республики, был вновь захвачен бандитами. Как смогли проникнуть в город незаметно для разведслужб армии, ФСБ и милиции тысячи

вооруженных до зубов боевиков было неразрешимой загадкой!

Трудно было объяснить и то, почему чеченские власти Грозного сумели вовремя сбежать, а намного превосходящие противника федеральные силы сразу же отступили, по сути не оказав сопротивления и бросив не успевших уйти, которые были заблокированы бандитами в разных районах города.

— Снова налицо явное предательство, — стоял на своем Царев. — Ну что у нас за народ? Почему молчит пресса? — яростно возмущался он. — Придется мне, доктору физико-математических наук, написать об этом! Пусть устыдятся продажные перья!

— Не кипятись, Володя. Я тоже подозреваю это. Но разве у тебя есть неопровержимые факты? — попытался охладить его Наумов. — А вдруг сдача бандитам Грозного — просто очередное ротозейство наших бездарных генералов? Тебе тогда несдобровать!

— Ну и что? К суду меня привлекут? Пускай! — продолжал горячиться Царев. — Зато это поможет высветить факты предательства. А оно несомненно было! Мириться с ним дальше нельзя, иначе — России конец.

Похоже, что это понимали и в Кремле, хотя там явно царила растерянность. Было объявлено, что армия готовится к новому штурму Грозного, и бандитам командование предъявило жесткий ультиматум. Однако пойти на новое ужасное кровопролитие правительство не решалось и начинать штурм не торопились. Скорее всего сторонники «второго пришествия» Ельцина отдавали себе отчет в том, что в случае его неудачи, или слишком больших потерь, их поражение на выборах будет неизбежным.

* * *

Эти соображения правящей верхушки стали очевидны, когда неожиданно не только для своих граждан, но и для остального мира Ельцин сделал ловкий политический ход. Президент России, хоть и был известен своей непредсказуемостью, на этот раз удивил всех, обратившись за помощью к своему наиболее популярному, не считая лидера коммунистов, сопернику в президентской гонке — генералу Лебедю.

— Гениальный политический трюк, — восхищенно прокомментировал Максименко. — Недаром я ставлю Ельцина выше всех остальных. Ну и хитер! Хочет извлечь двойную выгоду.

— А в чем его выгода, да еще двойная? — удивился Артём Сергеевич. — Ему, конечно, надо перед выборами остановить войну в Чечне. Но если это сделает Лебедь, то народным героем станет генерал, а не он. По-моему, Ельцину нет резона возвеличивать соперника.

— Вам, ученым, трудно понять тактические хитрости конкурентной борьбы, — с видом превосходства ответил Николай Павлович. — А политики — те же дельцы, и их действия основаны на расчете. Он сделал паузу, прикидывая, как понятнее все изложить другу, и объяснил: — Расчет президента такой. Если Лебедь, как и другие посланные до него миротворцы, не добьется успеха, то это дискредитирует генерала, и он устранил второго по силе конкурента. Если же случится чудо, и тот добьется почетного перемирия, прекращение войны укрепит позиции Ельцина накануне выборов, так как вину за нее он сумеет переложить на других. Его основной соперник — не Лебедь, а лидер коммунистов!

— Допустим, — согласился Артём Сергеевич. — Но в чем же двойная выгода?

— Успех Лебеда принесет двойную пользу. Как считаешь, у кого он тогда отнимет голоса? Думаешь, у Ельцина? — с усмешкой взглянул на друга Николай Павлович. — Нет! Сторонники президента все равно будут за него. Генерал отберет голоса у его противников, даже у коммунистов. За него проголосуют те, кто видит в них лишь альтернативу Ельцину.

— Теперь понимаю. Тонко задумано, — изумленно произнес Наумов. — Ведь и правда, генерала многие побаиваются, и его шансы победить невелики, даже если замирит Чечню. Ельцину важнее всего отнять голоса у коммунистов.

Максименко удовлетворенно улыбнулся.

— Я рад, что ты понял, какой умный политик и хитрый тактик наш президент. Равных ему я не вижу. Недаром он одолел Горбачева и, несомненно, победит снова на этих выборах.

— Даже при таком низком рейтинге? — усомнился Наумов. — И потом, он же очень тяжело болен.

— Болезнь, конечно, мешает ему как должно управлять страной. Но Ельцин подлечится, — убежденно сказал Максименко. — Он уже сейчас заметно окреп. Ты заметил, что пошли изменения в составе правительства? Думаешь, это Черномырдин меняет своих министров?

— А кто же еще? — удивленно поднял брови Наумов. — Сейчас там нет «серого кардинала». Ельцин слишком болен, чтобы этим заниматься. Я знаю.

— Вот как? И от кого же? — скептически бросил Николай Павлович,

но сразу поправился. — Прости, я и забыл, что у тебя родственник — министр.

— От него и знаю, так как он давно уже висит на волоске, — объяснил Артём Сергеевич. — На его портфель покушаются соперничающие группы из окружения Ельцина, чтобы получить большинство в кабинете министров.

— Вот видишь, премьер-министр тут ни при чем, — не преминул подчеркнуть Максименко. — Ну и почему твой Николаев уцелел?

— Именно потому, что ни к кому не примкнул, — усмехнулся Наумов. — Он, как Швейцария, твердо сохраняет нейтралитет, и, видно, это ценят обе стороны.

— Но все равно, решения принимает сам Ельцин, даже на больничной койке, — остался при своем мнении Максименко. — Я в этом уверен. На него, конечно, пытаются влиять. А он, как Кот Васька в басне Крылова — «слушает да ест». Президент и сейчас держит в руках все нити политики.

Теперь Наумов сам это понимал, и ему ничего не оставалось, как согласиться с мнением своего друга, хорошо разбиравшегося в политике и верно оценивающего реальную обстановку.

* * *

То, что сделал Лебедь, получив поручение президента, напоминало крутой киноевент. Об этом восторженно писали газеты, вещало радио и показывал телевизор. Ночью, с небольшой группой сопровождающих, он бесстрашно проехал по Чечне, через все блокпосты в расположение противника. Вступив в контакт с руководством бандформирований, генерал договорился начать переговоры об условиях перемирия, которое позволит остановить войну.

Люди радовались тому, что появился «свет в конце туннеля», и наконец-то есть шансы остановить бесполезное кровопролитие. Однако мало кто верил, что Лебедю это удастся. Большинство все же считало переговоры с бандитами пустой и даже вредной тратой времени. Такого мнения был и Царев.

— Коварные абреки нас непременно обманут, — убежденно сказал он Наумову, узнав, что переговоры состоятся. — Сепаратисты используют это время для передышки и накопления сил, а потом снова начнутся бои. Их лидерам нужна война, так как они на ней наживаются, и ни на что другое не способны.

— А я думаю, что Лебедь сумеет найти приемлемое решение. Он доказал это, установив мир в Приднестровье, — высказал надежду Артём Сергеевич. — Новый лидер сепаратистов Масхадов не самоубийца. Он бывший полковник советской армии — честолюбив и стремится к власти в Чечне. Если показать ему эту «морковку», он может пойти на компромисс.

— На это, видно, и рассчитывает Лебедь. Наверно, предложит ему разделить власть с нашими сторонниками, — скептически усмехнулся Владимир Иванович. — Но бандиты его обманут, даже если согласятся создать с ними коалиционное правительство. Стоит только уйти нашим войскам из Чечни, они захватят там власть и жестоко расправятся со своими противниками.

— Такое возможно, — подумав, согласился с ним Наумов, но добавил: — Хотя, если Лебедю удастся подписать соглашение о прекращении военных действий, договориться о моратории на отделение Чечни и создании там коалиционного правительства, это будет огромным достижением.

— Но почему? Ведь ежу понятно, что бандиты его нарушат, — раздраженно бросил Царев. — Поверь, так все и будет!

— Ну, положим, этого можно не допустить. Наверняка будет предусмотрен механизм соблюдения договора, — возразил Наумов. — И, подписав его, бандиты отказываются от сепаратистских требований. Если же вероломно нарушат мир и расправятся с политическими противниками, то морально дискредитируют себя перед всем миром.

— Напрасно на это надеешься! Врагам России плевать на мораль, — пожал плечами Царев. — Они все равно будут помогать сепаратистам.

Генералу Лебедю не понадобилось слишком много времени на проведение переговоров с лидерами чеченских боевиков. Вскоре в Хасавюрте было подписано соглашение, разом прекратившее кровопролитие.

Вопрос о статусе Чечни откладывался до создания в республике спокойной обстановки, когда будут условия для свободного волеизъявления ее граждан. Временные органы власти должны были состоять из представителей всех политических сил.

Сначала вся общественность России восторженно приветствовала прекращение войны в Чечне, прославляя генерала Лебеда как спасителя нации. Но потом стали раздаваться и осуждающие голоса. А когда он с солдатской прямоотой обвинил в поражениях армии и сдаче Грозного бездарное военное руководство, эти голоса слились во враждебный ему хор.

В первую очередь на Лебеда ополчились те, кто должен был ответить за поражения и напрасные человеческие жертвы, а это были все могущественные руководители силовых министерств, несмотря ни на что, пользующиеся полной поддержкой Кремля. Какую только грязь на него ни лили, чтобы опорочить в глазах общественности! Но «венцом» стало утверждение, что соглашение в Хасавюрте — это предательство всего, что сделала армия в Чечне, и пролитой ею там крови.

Как ни странно, массированная информационная атака власть предержащих сделала свое дело. Героический образ генерала в общественном мнении поблек. А когда Лебеда сняли с командования армией, и он фактически остался не у дел, это не вызвало ни возмущенных откликов, ни каких-то других акций протеста. Наоборот, средства массовой информации, сразу забыв о его решающей роли, стали расхваливать Ельцина, как миротворца, остановившего кровавую бойню в Чечне, навязанную сепаратистами.

— Ну, что я тебе говорил? — усмехаясь, напомнил Наумову Максименко. — Кто больше всех извлек выгоду из перемирия в Чечне? Наш президент! А ты еще сомневался.

— Признаю: ты оказался прав, — с досадой подтвердил Артём Сергеевич. — Но это несправедливо по отношению к генералу Лебедю. Народ все видит, и мне непонятно, почему молчит. Надеюсь, он скажет свое слово на выборах.

* * *

Очень скоро Наумов убедился, что число сторонников Лебеда повсеместно растет. Тяжело заболел муж Вариной тети — Алексей Федорович, в семье которого прошли ее детские годы, и они отправились навестить его. Старинный тверской городок Красный Холм когда-то стоял на перекрестке торговых путей и процветал, а теперь совсем захирел. Семья инвалида Великой Отечественной жила в родительском деревянном доме, который от времени обветшал и покосился. Дом находился в самом центре, в квартале от главной улицы, но лишь она была заасфальтирована, и проехать по разбитым колеям и ухабам Артёму Сергеевичу удалось с большим трудом.

Кавалер многих орденов и медалей, отстоявший Родину от фашистов и освободивший пол-Европы, жил в удручающе скверных условиях и нищете. Жена его, тоже больная женщина, не работала, и мизерной пенсии

не хватало даже на питание. Выручал огород, обрабатывать который им помогали взрослая дочь с мужем, жившие отдельно.

По случаю приезда любимой племянницы с мужем тетя Шура собрала всю родню. Поднялся с постели и сел во главе стола даже больной хозяин. Алексей Федорович очень исхудал и осунулся, в его больших добрых глазах застыла боль. Он выпил только одну рюмку в честь приезда гостей, а когда закусили, грустно сказал:

— Рад бы вас лучше угостить, дорогие гостюшки, да сами видите, какая у нас тут жизнь — перебиваемся с хлеба на квас. Не о такой мечтали мы на фронте. Не за такую Россию мои бойцы сложили головы. — Он шумно вздохнул и с трудом продолжал: — Обманули народ большевики-коммунисты, не создали ему хорошую жизнь. Вон — за все годы даже улицу не замостили: до сих пор в грязи утопаем. А наши враги, говорят, как сыр в масле катаются.

Его зять Николай, местный слесарь-сантехник, хмуро поддакнул:

— Дык и Ельцин тоже нас обманул! Где обещанная им хорошая жизнь? Она еще хуже — ведь льнозавод закрыли, и народ без работы остался. Оттого и пьют. И Путин не лучше — ничего не изменилось. Не на кого надеяться!

— Пожалуй, что так. Хотя генерал Лебедь — боевой мужик и, похоже, сможет дать укорот паразитам, севшим на нашу шею взамен коммунистов. Фронтвики — те, что живы, все за него! И я, если не помру, ему отдам свой голос.

— И верно поступите, Алексей Федорович! Мы с Варей тоже будем голосовать за Лебеда. На него одного надежда! Остальные — болтуны и демагоги. Если наш народ не поймет это, будет плохо. Нельзя вам помирать — сейчас всем надо сплотиться, чтобы изменить положение к лучшему. — Он поднял свою рюмку и горячо произнес: — Давайте же выпьем за здоровье нашего дорогого Алексея Федоровича, подлинного героя войны, замечательного человека. На таких, как он, Россия держится! Пожелаем ему выдюжить и сейчас в борьбе с болезнью, как тогда на фронте!

Все дружно поддержали тост — Алексея Федоровича любили и уважали. Однако тяжелая болезнь была неизлечимой, и вскоре его не стало.

* * *

А выборы президента России все приближались. Очень скоро определились и основные кандидаты на пост главы государства. Среди них

видное место занимал генерал Лебедь. Как ни старались его опорочить и принизить политические противники, все равно опросы общественного мнения показывали, что по популярности он устойчиво занимает третью позицию, после Зюганова и Ельцина.

Резкий рост рейтинга у президента накануне выборов больше не удивлял Наумова. Сбылось то, что предсказывал Максименко, который, похоже, был очень доволен развитием событий.

— Наконец-то все видят прежнего Ельцина, — удовлетворенно заявил он. — Если я и раньше надеялся, что он вновь станет президентом России, то теперь уже не сомневаюсь в этом.

— Но почему ты так уверен? — удивленно посмотрел на него Артём Сергеевич. — Ведь Зюганов по количеству сторонников намного его опережает.

— Это временно, — небрежно отмахнулся Николай Павлович. — Многие еще не определились в своем выборе. А у коммунистов голосов больше не станет. Они могут только потерять.

— Почему? — не понял Наумов. — Они беспощадно критикуют Ельцина. Последовательнее, чем другие, вскрывают пороки его правления. И заверяют народ, что такого не допустят.

— Все, кто рвется к власти, в этом заверяют народ. И обещают золотые горы, — презрительно усмехнулся Максименко. — А народ не такой дурак, как многие думают. Люди отдадут голоса тем, кто уже что-то полезное для них сделал или способен сделать.

— Тогда почему они отдадут голоса Ельцину, а не коммунистам? — несогласно покачал головой Наумов. — Что хорошего принесло его правление?

Максименко укоризненно посмотрел на друга.

— А я разве не говорил, почему буду голосовать за него? Ельцин покончил с коммунистической кабалой и дал народу свободу. Это дорогого стоит! А то, что народу жить стало не легче, так и при советской власти не мед был. Ты хочешь вернуться к тому, что было?

— Нет, не хочу, — твердо ответил Артём Сергеевич. — Однако и Ельцина нужно гнать в шею за то, что у нас сейчас творится. Несмотря на его заслуги, которые я признаю.

— Зря! Ведь тогда победят коммунисты, и вернется то, чего ты не хочешь, — сердито сказал Николай Павлович. — Вопрос стоит ребром: или — или!

Нас и хотят убедить в том, что надо выбирать из двух зол. Но я не согласен с этим! — стоял на своем Наумов. — Коммунисты не победят, раз

народ этого не хочет. Они не наберут большинства голосов, даже если Ельцин провалится. А во втором туре все объединятся вокруг того, кто будет им противостоять.

— Все ясно. Ты решил голосовать за Лебеда, — неодобрительно посмотрел на него Максименко. — Ну а если он во второй тур не пройдет?

— Там видно будет, — ответил Наумов. — Но хотелось бы, чтобы люди именно в нем увидели альтернативу Ельцину. Хуже не будет!

Вот почему, когда ему позвонили из городского комитета «партии Лебеда», пригласив на предвыборное совещание актива, он охотно принял в нем участие, хотя был немного простужен. Высидев до конца этой говорильни, в основном направленной на то, как очернить и дискредитировать противников, Артём уже направился к выходу, когда его окликнул знакомый полковник:

— Артём Сергеевич! Вы очень торопитесь? Может, поговорим? Я надеялся, что вы выступите с предложениями.

— Их я вам представил в письменном виде, — не скрывая недовольства, ответил Наумов. — Но убедился, что они не приняты во внимание. Привлечь голоса надо не тем, что сегодня предлагали. Ну, измажете вы соперников сажей. Зато и вас забросают грязью по уши!

— Так сейчас все делают, — нахмурился полковник. — Вы можете предложить что-то получше?

— Разумеется! Я предлагаю дать народу конкретные обещания улучшить его жизнь, — напомнил Наумов. — Люди отдадут голоса тому, кто принесет им пользу. Конечно, если поверят. А генерал Лебедь заслуживает доверия!

— Все это так, — досадливо поморщился полковник. — Но надо довести до людей эти предложения. И потом уже отвечать на яростные нападки соперников в прессе и по телевидению. А на это нужны огромные средства, которых у Лебеда нет.

— Да, это серьезная проблема, — согласился Наумов. Но я придумал, как ее решить с небольшими затратами. — Он взглянул на часы и ввиду позднего времени добавил: — Однако сейчас нам поговорить не удастся. И у меня есть условие, которое я высказал генералу. Готов вам содействовать, если будут приняты переданные мной предложения.

На прощание полковник любезно пожал ему руку, но поскольку больше не звонил, Наумов сделал вывод, что в штабе генерала Лебеда решено его предложениям хода пока не давать.

Глава 9

Второе пришествие

Предвыборная кампания набирала обороты, и главной сенсацией было то, что здоровье у Ельцина заметно поправилось. Его противники уверяли народ, что президент тяжело болен и недееспособен, а он неустанно разъезжал по стране и на встрече с молодежью даже пустился в пляс. Видя это, никто не мог поверить слухам, что Ельцин уже перенес не один инфаркт.

— У нас на Алтае народ не верит, что президент болен, — рассказывал друзьям Полуни, ездивший на родину навестить старенькую мать. — Считают, это байкой, придуманной его соперниками, чтобы победить на выборах. Наверно, наши будут голосовать за него.

— А говорили и писали, что Алтай относится к «красному поясу», — выразил удивление Наумов. — Вроде бы там больше сторонников коммунистов.

— Это так и есть. Люди там живут тяжело и не видят обещанного Ельциным процветания, — объяснил Полуни. — Но теперь готовы снова ему поверить.

— Но почему? Если считают его обманщиком, — непонимающе посмотрела на мужа Варя. — Сам говоришь, что живут там хуже, чем раньше.

— А президент сумел возродить надежду, что выполнит свои обещания, — ответил ей Михаил Григорьевич. — На что способны коммунисты, люди уже знают и, конечно же, хотят лучшего. Я тоже разделяю настроение земляков.

— Неужто ты снова ему поверишь? — неодобрительно покачал головой Артём Сергеевич. — Ведь у тебя из-за царящего в стране бардака сейчас без работы дочь и зять!

Дочка и зять Полунина поженились еще в институте и работали инженерами в оборонном конструкторском бюро. После сокращения военных заказов их лаборатория была ликвидирована, и никого из сотрудников не трудоустроили.

— Согласен, что в стране бардак, но постепенно все образуется, — убежденно сказал Михаил Григорьевич. — Кому нужно было столько инженеров? Поэтому мои сейчас без работы. Однако, как и другие, они найдут свое место в жизни. Наш народ предприимчив!

— Твоими устами да мед пить, — не согласился с ним Артём Сергеевич. — А как быть с теми, кто не найдет? Разве не видишь, сколько уже бомжей, нищих и как растет преступность?

— Большинство найдет. Дочка уже переучилась на бухгалтера, а зять намерен делать мебель, — бодро ответил Михаил Григорьевич. — Люди должны заниматься тем, что востребовано обществом. А для тех, кто не сможет, существует социальная защита.

— Но разве Ельцин даст ее людям? — усомнилась Варя. — По тому, что он делал до сих пор, этого не видно.

— И все-таки на это есть надежда, — упрямо заявил Полуниин. — Никого больше не вижу, кто продолжил бы необходимые России реформы. Неужели вы хотите, чтобы в магазинах опустели полки? А это неизбежно случится, если к власти опять придут коммунисты.

— Поэтому ты готов оставить у власти того, кто отдал страну на разграбление шайке ловкачей, а народ довел до еще большей нищеты, — возмутился Наумов. — На Ельцине свет клином не сошелся! Сам же говоришь, что у вас на Алтае люди стали жить еще беднее, чем при советской власти.

— Это так, колхозы разваливаются, но на земле уже появились настоящие хозяева — фермеры, — стоял на своем Полуниин. — Реформы хотя и медленно, но идут, и полно отечественных товаров, не уступающих импортным. А их делают те, кто стал владельцами своих предприятий. — И убежденно добавил: — Конечно, законный порядок необходим. Но пока идет передел собственности порядок навести невозможно. Тут никакие генералы не помогут, — с усмешкой взглянул он на Наумова. — Когда же все приберут к рукам, новоявленные богачи установят порядок не хуже, чем в других странах.

— Выходит, ты согласен, чтобы они ограбили остальной народ? — не сдавался Артём Сергеевич. — А я все же надеюсь, что среди политиков найдется человек с совестью, который осуществит нужные реформы более справедливо и даст по рукам распоясавшимся жуликам.

— Блажен, кто верует, — скептически усмехнулся Михаил Григорьевич. — Ты имеешь в виду Лебеда? Но и ему не справиться с алчущими поживиться таким огромным количеством бесхозного добра. Он лишь приведет за собой новую «голодную стаю». А большинство сподвижников Ельцина нажрались до отвала и могут уже думать о наведении порядка.

Его доводы не убедили Наумова.

— Хотя ты и прав, но это — позиция непротивления злу, и я с ней не

согласен, — поморщившись, сказал он другу. — Нам пытаются внушить, что период «бандитского капитализма» неизбежен, а потом, дескать, наступит порядок. Приводят в пример Америку. Но есть лучшие примеры у нас в Европе. И честные политики, такие как генерал Лебедь, могут их использовать.

* * *

Но не только президент проявлял бешеную активность накануне выборов. Не отставал от него и основной соперник — лидер КПРФ Зюганов. Он разъезжал по стране, повсюду встречался со своими сторонниками и так же, как Ельцин, устраивал всенародные «шоу» с плясками, демонстрируя избирателям прекрасную физическую форму. На такую кампанию требовались огромные средства, но по всему было видно, что у коммунистов они есть, и это могло служить ответом на загадочный вопрос: куда исчезли деньги КПСС?

Проводя многояюдные митинги, Зюганов подвергал справедливой и беспощадной критике известные пороки правления Ельцина. Заверял избирателей в том, что победив, коммунисты вернут стране прежнее величие и дадут народу лучшую жизнь. Его обличительные речи достигали цели, и регулярные опросы общественного мнения показывали, что рейтинг лидера КПРФ намного выше, чем у действующего президента России. Это подтвердил и зашедший навестить Наумова Царев.

— Все! Слава Богу, правящей хунте приходит конец, — радостно заявил он с порога. — Скоро Ельцину и окружающим его жуликам придется ответить за свои преступления!

— Почему ты так в этом уверен? — выразил сомнение Наумов. — Предвыборная кампания только набирает обороты. Все еще может измениться. Ведь народ не желает возврата к «светлому прошлому», и все противники Зюганова запугивают избирателей реставрацией коммунистического режима.

— Бесплезное дело, — небрежно махнул рукой Царев. — Только лидер КПРФ имеет сейчас шансы победить Ельцина и избавить страну от власти его воровской хунты. И наш народ понимает это. Зюганов и его партия — это не прежние коммунисты. Они за частную собственность и не против рыночной экономики, но без «шоковой терапии». Поверь, хуже не будет!

— Выходит, ты «покраснел» и согласен, чтобы они снова пришли к

власти? — упрекнул его Артём Сергеевич. — А кто обвинял их в том, что погубили Россию? Разве не ты утверждал, что это из-за них мы так отстали, а народ погряз в нищете.

— Россию погубили большевики и немецкий агент Ленин. А теперешние коммунисты — такие же, как в капстранах Запада. Ну как ты этого не понимаешь? — с досадой ответил Владимир Иванович. — В Швеции правят социалисты, и народ там живет припеваючи!

— Но наши коммунисты — прежние, — возразил Артём Сергеевич. — Они не умеют управлять по-новому. Свернут реформы, снова опустят «железный занавес» и устроят конфронтацию с Западом. Страшно даже подумать!

— А мне страшно подумать, что с нами будет, если эта хунта сохранит власть. Разве не видишь, к чему все идет? — гневно повысил голос Царев. — К геноциду русского народа!

— Ну и загнул, — поморщился Наумов. — С чего ты взял? Опять, что ли, раскрыл жидо-масонский заговор?

— Напрасно смеешься, — бросил на него сердитый взгляд Царев. — Разве это не заговор против русского народа, когда его грабят и доводят до такой нищеты, что он вырождается. Заметил, как быстро уменьшается его численность? Детей нечем кормить, и они становятся беспризорниками. Подрывают нравственность, и из-за этого распадаются браки. А брошенные на произвол судьбы миллионы русских в бывших советских республиках — это разве не предательство своего народа? В каком тяжком положении они очутились, притесняемые местными националистами? Все это — следствие заговора врагов России!

И хотя в гневной тираде друга Наумов, как всегда, усмотрел изрядную долю фанатизма, он все же признавал, что сказанное им основано на реальных фактах. Об этом свидетельствовало вынужденное возвращение из Ташкента в Москву вместе с детьми Вариной подруги Оксаны Семеновы.

* * *

Выйдя замуж за узбека, Оксана уехала жить в Ташкент, забрав с собой дочь от первого брака. Ее муж, видный хирург, профессор, пользовался там большим почетом, и много лет их семья благоденствовала. Она родила еще двух детей, девочку и мальчика. И, пока не рухнул СССР, национальных проблем у них не возникало, хотя русская дочка Оля, стоило ей подрасти, предпочла вернуться в Москву.

— Хочу закончить институт в столице. Это престижнее, — так объяснила она свое решение знакомым. — Кроме того, у меня там живут бабушка и родной папа, по которым я очень скучаю.

Но это было лишь полуправдой. Уже тогда, при советской власти, местный национализм давал о себе знать. И Оля, учась в университете, как и другие русские, его постоянно ощущала. Поэтому она и ее сокурсник, который тоже не пожелал быть там человеком второго сорта, перебрались в Москву, где вскоре и поженились.

Маститый профессор, заведовавший отделением в одной из лучших клиник столицы Узбекистана, естественно, никакой дискриминации не подвергался, и его родные дети тоже. Однако недаром у евреев национальность устанавливается по матери. Воспитанные Оксаной сын и дочь, хотя и носили узбекские имена, впитали от нее вместе с молоком и горячую любовь к своей второй родине.

Алишер и Дильбар никогда этого не скрывали, даже гордились перед своими сверстниками. И пока Узбекистан не отделился от России, те не выказывали им недовольства. Все изменилось, когда национализм там поднял голову. Перед детьми Оксаны встал трудный выбор: кем же им все-таки себя считать?

— Вы — узбеки, выросли здесь и чтите местные традиции. Не отбивайтесь, как и я, от своего народа, и у вас не будет никаких проблем, — уговаривал их отец. — И не кичитесь русской кровью, как раньше. Сейчас здесь этого не любят.

— Но почему? — не понимали дети. — Нас же учили уважать Россию и ее великую культуру. Почему же вдруг стали ущемлять русских?

— К сожалению, это произошло не вдруг, а накапливалось годами, — удрученно объяснил отец. — Это последствие колонизации и национального угнетения. В прошлом многие испытали на себе великорусский шовинизм, и сейчас идет ответная реакция.

— Неужели и ты тоже? — недоверчиво спросил его Алишер. — Мы никогда не замечали этого. И докторскую степень ты получил в Москве.

— Да, трудно поверить в это, но так было, — нахмутив брови, ответил Дарвин. — Нашлись такие, кто смотрел свысока и за глаза называл «нацменом». Хотя мой дед был придворным поэтом эмира! — В его голосе прозвучала застарелая обида. — И вообще нам внушалось, что русский — «старший брат», а это унижало.

— Но это было раньше и прошло, — возразил ему Алишер. — Никто больше не заставит узбеков унижаться. Но и ущемлять русских неправильно. Это — дикость!

Это у него прозвучало резко, и Дарвин с грустью посмотрел на сына.

— Может, и так, но мы должны быть вместе со своим народом, — убежденно сказал он. — Человек — стадное животное и должен поступать так, как все. У нас иначе нельзя. Будешь противопоставлять себя другим, станешь изгоем!

— Тогда мы не с этим народом, папа, — вспыхнул Алишер. — Мы ведь с Дилей принадлежим и к великой русской нации. Не так ли, сестричка?

Дильбар, которая все время молчала, согласно кивнула. Профессор с горечью заключил:

— Ну, что же, вы уже большие, и у вас есть право выбора. Считаете себя русскими — пожалуйста! Но тогда вам лучше жить в России.

— А ты разве не поедешь с нами, папа? — нарушила молчание Дильбар, и на ее глаза навернулись слезы. — Как же мы без тебя?

— Ничего, проживете! Буду приезжать к вам в гости, как иностранец, — вымученно пошутил отец. — Знаете ведь, как меня здесь величают: «выдающийся сын узбекского народа». А кем я буду в России? Никем.

— Дело твое, папа, — серьезно сказал Алишер. — Но мы все же отсюда уедем. Я не могу допустить, чтобы маму оскорбляли соседи или торговцы на базаре. А это уже началось.

Алеша, как его называла мать, и Диля — оба белокожие, в Оксану, но темноволосые и черноглазые в отца, внешне больше походили на узбеков и все же выбор сделали в пользу своей второй родины — России.

* * *

Между тем по мере приближения выборов политические страсти все более разгорались, споры не утихали и грозили перессорить даже близких друзей.

— Видишь, как процветает у нас плюрализм мнений? Разве это не завоевание демократии? Возможно такое при коммунистах? Для всех уготовано было лишь одно — полный «одобрямс», — агитировал Наумова Максименко. — А ты не хочешь голосовать за Ельцина. При Зюганове снова онемеешь!

— Удивляюсь тебе. Не к лицу бывшему секретарю райкома размахивать жупелом антикоммунизма, — съязвил Артём Сергеевич, не переносивший, когда на него давили. — И зачем пугаешь меня Зюгановым? Сам ведь утверждал, что он не наберет нужного числа голосов.

— А сейчас уже не так уверен. Чем черт не шутит, — озабоченно ответил Николай Павлович. — Если власть вновь перейдет к этим демагогам, со свободой и бизнесом будет покончено. Сейчас надо мобилизовать против них — всех!

— Я согласен, что от демагогов из КПРФ хорошего ждать нечего. Но и за нынешнюю воровскую власть голосовать нельзя, — возразил Наумов. — Ты не зря боишься провала, так как народ уже познал ей цену. Надо объединиться вокруг достойного кандидата, который поведет страну по пути прогресса.

— И ты таким, конечно, видишь генерала Лебеда? — скептически поджал губы Максименко. — Это несмотря на то, что «катят» на него политические противники? Дескать, генерал — типичный солдафон и мало образован для того, чтобы управлять государством. Да и по части морали... обвиняют в предательстве. — И с усмешкой признался: — Разумеется, я не верю всей этой клевете. Даже считаю, что Лебедь честнее других. Но все же боюсь, что генерал способен установить военную диктатуру. Как Пиночет в Чили. Тебя это устроит?

— Не думаю, что это хуже второго пришествия Ельцина, — повеселев, ответил Наумов. — Но зачем предполагать худшее? Программа у генерала Лебеда вполне демократичная. В ней только мало конкретного.

— Поэтому напрасно ты на нем зациклился, — подхватил Николай Павлович. — У него нет никаких шансов. Я уверен, если на выборах больше других наберет голосов Зюганов, все равно вторым будет наш президент, и вместе с ним выйдет в следующий тур.

— Это еще бабка надвое гадала. Хорошо, если здравомыслие народа взяло верх и вторым оказался бы Лебедь, — с надеждой произнес Артём Сергеевич. — Тогда все, кто против коммунистов, объединились бы вокруг него.

— Но этого не произойдет, — убежденно возразил Максименко. — Советую тебе реально смотреть на вещи и поддержать Ельцина!

Его позицию полностью разделял и Полунин. После того как дочка успешно окончила бухгалтерские курсы и устроилась на работу в крупную торговую фирму, он, и прежде стоявший за президента, укрепился во мнении, что никто из кандидатов на этот пост лучше Ельцина не будет.

— Людочка вот-вот станет главным бухгалтером фирмы, — довольным тоном сообщил он Наумовым. — Ведь она у нас умненькая и порядочная. Ее там очень ценят, и зарплата просто сказочная. Но это, — пошутил, решив не называть сумму, — коммерческая тайна. Скажу лишь, что сейчас она — спонсор всей нашей семьи.

— Но завтра может потерять эту работу, и вы будете бедствовать так же, как сейчас многие, — попытался перетянуть его на свою сторону Артём Сергеевич. — Разве не видишь, что народ все больше нищает?

— Я тебе уже говорил, что считаю это временным явлением, связанным с переходом производства на новые рельсы, — остался при своем мнении Михаил Григорьевич. — Скоро все, кто желает трудиться по-настоящему, смогут получить рабочие места.

Они спорили еще довольно долго, но убедить друга в том, что для общего блага необходимо поддержать кандидатуру генерала Лебеда, Наумов не сумел. Полунин, как и Максименко, остался верным сторонником Ельцина.

* * *

Совершенно противоположного мнения были Царев и Кругаль. Их решение поддержать кандидатуру лидера КПРФ для свержения нынешнего президента было обусловлено личными переживаниями. Именно Ельцина, а вернее, созданные при его правлении условия жизни они считали причиной происшедшей в их семьях трагедии.

— Ты уже знаешь, что дочь Царевых, которую мы с тобой везли из роддома, выходит замуж за австрияка? — волнуясь, сообщила Варя сногшибательную весть. — Нина и Володя в трансе! Жених — двухметровый красавец, из богатой семьи и, естественно, жить будут там.

Наши друзья, по сути, потеряют свою единственную дочь!

— Не может быть! Не знаю, как Нина, но Володька этого не переживет, — всерьез огорчился Артём. — Ведь не только его дочь теперь станет «фрау», но и внуки — немцами, которых он считает, как, впрочем, и англичан, извечными врагами России.

Дочь Царевых, красавица, служила фотомodelью в рекламной фирме и часто выезжала за границу. Она была замужем, и Наумовы, как друзья дома, присутствовали у нее на свадьбе. Но недаром ведь говорится, что «любовь зла», и ей встретился австриец, который сумел отбить ее у мужа.

— Как же ты мог это допустить? — спросил у друга Артём Сергеевич. — Разве нельзя было отговорить дочку от неразумного шага? Они ведь с мужем неплохо ладили. Зря он отпускал ее в долгие командировки!

— Отпускал потому, что жизнь заставляла. И проклятая нужда сыграла в этом большую роль, — расстроено объяснил Владимир Иванович. —

Хотя допускаю, что имели место «невидимые миру слезы». — И, закипая гневом, повысил голос: — Никогда бы моя дочь не пошла на это, если бы у нас не царил бардак! Не изменила бы родине, променяв на австрийцев, с которыми ей придется туго, хоть и знает их язык. Потому, что... — он запнулся от волнения, — у нее — русская душа, и она навсегда останется там чужой.

Примерно такие же переживания выпали на долю семьи Кругаля. Но у них в дальние края подался единственный сын. Молодой и талантливый доктор наук не мог смириться и с унижительным положением, в которое поставлены ученые, и со своей мизерной зарплатой. И несмотря на бурные протесты родителей, сумел получить приглашение в США на временную работу. Неплохо владея английским, он отправился за океан вместе со своей беременной женой, навстречу неизведанной судьбе.

— Да уж, понимаю какой это удар для вас, — посочувствовала друзьям Варя, когда они поделились своим горем, но все же восхищенно добавила: — Только наши русские способны на столь отчаянные поступки! Вот так отправиться за тридевять земель в поисках счастья. Но только зря ваш сын не оставил жену рожать дома. Я это говорю как врач.

— А ты не догадываешься, почему ребенок должен родиться там? — удивился Эдуард Викторович. — Мне казалось, что все это знают. Тот, кто родился в США, автоматически получает право на гражданство.

— Выходит, они задумали осесть там навсегда? — с сожалением посмотрела на него Варя. — А я думала, что речь идет лишь о его временной работе.

— Она и будет временной, если сыну не удастся получить «гринкарту», дающую право на постоянное жительство, — объяснила жена Кругаля Таня. — Но он очень ценный специалист и непременно ее получит. Сын не питает надежды на то, что у нас станет лучше. Он не верит ни «демокрадам» Ельцина, ни его соперникам в борьбе за власть.

— А я все-таки надеюсь, что, победив, Зюганов сумеет дать укорот криминалу, — сердито сказал Эдуард Викторович. — Нельзя больше терпеть творящееся безобразие. В этом наш сын прав!

— Ты что же, за реставрацию власти коммунистов? — удивилась Варя. — Не боишься, что повторятся те ужасы, о которых нам твердят с утра до вечера?

— Это нас страшат «демокрады», боясь потерять власть, — убежденно сказал Кругаль. — Коммунисты не станут повторять прежних ошибок. Только они смогут обуздать преступность и восстановить элементарную справедливость!

Тем временем бегство за рубеж продолжалось, и это неизбежно коснулось родных Наумова. Неожиданно позвонила его кузина Алла, дочь покойного дяди Ильи, и объявила, что они с матерью уезжают в Израиль, «на родину предков».

— Ты шутишь? Каких еще предков? — поразился, не в силах поверить, Артём Сергеевич. — Твой отец был крещеным, а мать, насколько я знаю, украинка. И ты сама ни слова не знаешь по-еврейски.

— А вот и ошибаешься, — хихикнула в трубку Алла. — Мама и правда записана по отцу, украинцу, но бабушка была еврейкой. В посольстве Израиля проверили ее документы и признали нас своими. А иврит я уже почти одолела. Полгода ходила на занятия. Ты же знаешь мои способности.

— Как не знать. Всюду была отличницей — и в школе, и в институте, — все еще удивленно подтвердил он. — А у вас есть там где жить? И как с работой?

— Квартиру мы здесь продали и надеемся приобрести там не хуже, — бодро ответила Алла. — А пока остановимся у моей подруги. Это она нас сагитировала и вроде бы уже подыскала мне работу. Я у нее гостила, и мне там понравилось. У евреев порядок что надо!

— Ну дай вам Бог удачи, — пожелал ей добра Артём Сергеевич. — Хотя, боюсь, вы об этом пожалеете. Обстановка там взрывоопасная.

— А здесь еще опаснее. У нас в Измайлово уже страшно вечером возвращаться домой. Да и среди бела дня стали грабить, — насмешливо бросила Алла. — Так что адью, братец! Оставайся в своем совке, если тебе нравится.

— Ну, ты и скажешь, — возразил ей Наумов. — Совок уже в прошлом.

— Да брось ты, те же «совки» правят. Вы с ними обречены на вечный бардак, — отрезала кузина, но, прощаясь, тепло пожелала: — Будьте с Варей здоровы и счастливы, а когда мы там устроимся, приезжайте в гости!

С Аллой, как и с остальными своими родственниками, Наумов виделся редко, в основном на свадьбах и похоронах. И все же при мысли, что близких людей стало еще меньше, на душе у него защемило. Но куда большей неожиданностью для всех явился отъезд в США его внучатого племянника Димы.

Единственный внук его сестры Лёли и приемный сын мужа Вики Николаева, он был как раз из тех молодых людей, кто хорошо устроился в

новым условиях и, казалось, был доволен жизнью. Правда, Дима разошелся с женой, но тут же завел любовницу, и ни на что не жаловался. Ему принадлежало на паях рекламное агентство, которое приносило немалые доходы. Поэтому всех удивило, когда он продал свой пай и уехал делать карьеру в США.

— Не скрывай от меня! Что-то у него все же случилось, — допытывался Артём Сергеевич у Лёли. — Может, крупно задолжал и его жизни грозит опасность? Иначе зачем «рвать когти»? Что ему светит в Штатах? А здесь он успешно занимался своим бизнесом.

— Конечно, ничего. Мы с Викочкой в шоке, — удрученно призналась Лёля. — И никаких неприятностей у него нет. Дима перевел в Штаты крупную сумму, и никто на нее не покушается. Он уверяет нас, что хочет пожить там ряд лет, чтобы получить лучшее образование. Оно, дескать, необходимо ему, чтобы в бизнесе выйти на новый уровень. — Лёля огорченно вздохнула. — Но Викочка подозревает, что Диме просто надоел рекламный бизнес, и ему хочется там развлечься, а если удастся найти подходящую работу, то остаться жить. Язык не проблема. Он им свободно владеет.

— А на чем основано ее подозрение? — попробовал успокоить сестру Артём Сергеевич. — Сейчас, чтобы выйти на международный уровень, нашим бизнесменам, и правда нужно подучиться.

— Викуся знает своего сына. Если бы он хотел учиться, ему не требовалась бы «гринкарта». А Дима только о ней и думает, — хмуро ответила Лёля. — Он даже просил отца, чтобы тот, как министр, помог ее получить.

— И что, Николаев решил ему помочь? — перебил ее Артём Сергеевич. — Тогда уж точно Дима там останется. В Штатах жить веселей.

— Вот и мы так же решили, — со вздохом сказала сестра. — Пусть попытается получить ее сам. Но у него это вряд ли получится.

Их решение было верным. Как потом выяснилось, Дима долго и бесполезно пытался получить в США работу или завести свое дело, но без «гринкарты» ничего не выходило. Жилось ему там в компании друзей очень весело. Однако, так и не получив заветной карты, когда деньги уже кончались, он вынужден был вернуться домой.

* * *

Политический талант и непредсказуемость Ельцина просто изумляли.

В тот момент, когда предвыборная гонка кандидатов на пост президента России достигла кульминации и выяснилось, что его рейтинг по-прежнему сильно отстает от основного соперника — лидера КПРФ, он вновь сделал ловкий тактический ход. Большинство средств массовой информации, находившиеся под контролем Кремля, как по команде, прекратили травлю генерала Лебеда.

— Ну и ловок наш президент, — не переставал восхищаться Максименко. — Видно, поднаторел в «подковерной» борьбе и партийных интригах в бытность секретарем обкома. Теперь-то уж точно обеспечит себе выход во второй тур.

— Это почему? — не понял Наумов.

— Потому, что без Лебеда президенту не решить главной задачи, — объяснил Максименко. — А она в том, чтобы Зюганов не набрал нужного числа голосов для победы в первом туре. Вот Ельцин и рассчитывает на то, что генерал перетянет к себе немало тех, кто может проголосовать за лидера коммунистов.

— Тогда зачем было так нещадно критиковать, а по существу клеветать на Лебеда? — удивился Артём Сергеевич. — Как же он сможет теперь ему помочь?

— Тонкий расчет. Как в шахматах — на много ходов вперед, — ответил Николай Павлович. — Сначала им надо было проверить, не представляет ли Лебедь как конкурент для Ельцина серьезной угрозы. Опасались, что к нему перейдет весь электорат «национал-патриотов». А на прошлых выборах только жириновцы набрали почти пятую часть голосов.

— Но опросы показывают, что демагог Жириновский по-прежнему популярен у большей части населения, — заметил Наумов. — За него около десяти процентов.

— В том-то и дело. Этому фигляру и краснобаю, — презрительно поморщился Максименко, — все еще верят многие из националистов, так как Жириновский с пеной у рта клеймит как предателей России и коммунистов, так и Ельцина. — Он сделал паузу и, видя, что его друг еще не уяснил ситуацию, добавил: — Сейчас стало очевидным, что Лебедь не сможет конкурировать с лидерами в борьбе за президентское кресло. А Ельцину надо, чтобы генерал отобрал у коммунистов как можно больше голосов его противников. Понятно?

Теперь Артёму была ясна ситуация, сложившаяся на политическом Олимпе. В прессе и по телевидению замелькали пропагандистские материалы о воинской доблести и патриотизме генерала Лебеда. Так, музыкальный клип «Батяня комбат» популярной группы Любэ оказал

большое эмоциональное воздействие на широкие слои населения, и явно в его пользу.

То, что хитрый тактический прием Ельцина оказался эффективным, доказывало смятение в стане его основного соперника — лидера коммунистов. Тон его выступлений, прежде выражавших уверенность в победе, изменился, и в нем все больше звучала тревога за исход выборов. И, как бы предчувствуя поражение, открыто высказывалось опасение, что власть сфальсифицирует результаты голосования.

— Так и знал, что правящая хунта будет всеми способами цепляться за власть, — возмущенно сказал Царев, как всегда, забежав к Наумову, чтобы поделиться тем, что на душе, и «выпустить пар». — Зюганов должен был победить в первом туре, набрав больше половины всех голосов. А теперь, наверное, это не удастся, так как Кремль принялся восхвалять твоего Лебеда. — Он с надеждой посмотрел на друга. — Может, передумаете с Варей голосовать за генерала? Он ведь не пройдет!

— Это еще не факт. Есть шансы, что он опередит Ельцина, и тогда, — выразил свою мечту Наумов, — все объединятся, чтобы не допустить реставрации коммунистического режима. Наконец-то Лебедя перестали травить и представили в истинном свете. Все-таки на него можно надеяться!

— Ошибаешься! — горячо возразил Царев. — Никаких шансов на победу у генерала нет. Разве ты не понял, что травлю его прекратили потому, что перестали бояться. А голосуя за Лебеда вместе с другими заблуждающимися, помогаешь правящей хунте удержать власть.

Однако он не смог переубедить друга.

— Ты уж прости нас, но не сможем мы с Варей голосовать за Зюганова, — мягко сказал Артём Сергеевич. — И дело даже не в том, что он — лидер снова рвущихся к власти коммунистов. Мы с тобой сами недавно коммунистами были. Он не вызывает у нас доверия своей беспринципностью.

— В чем же она выражается? — перебил его Владимир Иванович.

— А во всем, — презрительно ответил Артём Сергеевич. — И прежде всего в отступничестве от основополагающих идей. Коммунизм ведь считает религию «опиумом для народа», а Зюганов ставит в церкви свечку. Утверждает, что стоит за братство народов, а высказывается как шовинист. Этого достаточно?

— Ты преувеличиваешь, — не согласился Царев. — Он высказывается и ведет себя, как нормальный русский патриот. А устаревшие догмы коммунистов насчет церкви и многого другого пора уже пересмотреть!

— Если ты прав, то тогда это вряд ли можно будет назвать коммунизмом, — скептически усмехнулся Наумов. — Нет, дружище, народ должен выдвинуть лидера, способного противостоять и жуликам, и коммунистам.

— Значит, вы все же отдадите свои голоса Лебедю? — с досадой махнул рукой Царев. — Смотрите, друзья, пожалеете!

— Я же сказал: пора выдвигать нового лидера, — спокойно ответил Наумов. — А кроме генерала, никто не вызывает доверия.

* * *

Первый тур выборов оправдал надежды сторонников Ельцина и вызвал разочарование и ярость тех, кто надеялся на победу коммунистов.

— Ну что, я был прав? — торжествуя, сказал Наумову Максименко, который раньше всех узнал об итогах голосования. — Главным для Ельцина было — выйти во второй тур. А теперь он непременно победит!

— Почему ты так в этом уверен? Считаешь, правы те, кто намекает, что власть подтасует результаты голосования? — с иронией сказал Артём Сергеевич, недовольный поражением Лебеда. — Так она могла это сделать и в первом туре.

— Нет, не могла. Потому что за выборами всюду следили сторонники других кандидатов, — объяснил ему Николай Павлович. — Они подняли бы скандал.

— А теперь скандал учинят коммунисты, — насмешливо бросил Наумов. — Разве не так? Какая разница?

— Это совсем другое дело. Проигравший всегда ищет оправдание, — серьезно ответил Максименко. — А тогда бы Ельцина обвиняли все.

Но сам президент и его окружение, видимо, не столь уверены были в победе, как друг Наумова. И перед решающим голосованием последовал новый, ошеломляющий своей неожиданностью предвыборный ход президента. Лебеда пригласили в Кремль и предложили один из высших государственных постов — секретаря Совета Безопасности. Проигравший выборы кандидат согласился и призвал своих сторонников отдать голоса Ельцину.

Трудно описать разочарование многих сторонников генерала, в том числе и Наумовых. Их огорчало не столько поражение Лебеда, а то, что он перешел на сторону обанкротившейся власти, ответственной за бедственное положение россиян. Но Варя все же пыталась оправдать

недавнего кумира, за которого они голосовали на выборах.

— А может, Лебедь поступил правильно? — неуверенно спросила она мужа. — Ведь ему теперь будут подчиняться все силовые ведомства, и он многое сделает для наведения порядка. Покажет, на что способен тем, кто в нем сомневался.

— Напрасно надеешься! Кто ему это позволит? Президент и его воровское окружение? — удрученно ответил Артём Сергеевич. — Это новый обманый трюк Ельцина, чтобы заполучить голоса сторонников генерала. А после выборов они его прогонят. Он как белая ворона в их стае.

— Неужели сам Лебедь этого не понимает? На что рассчитывает? — поразила Варя. — Если он не сможет себя проявить, то враги его затопчут!

— Не знаю. Наверно, надеется перетянуть Ельцина на свою сторону и стать его преемником, — предположил Наумов. — Возможно, президент ему это и пообещал. Сам-то не сможет переизбираться на третий срок. — Он сделал паузу и мрачно заключил: — Но если это так, то Лебеда обманут! И это непростительно для человека, который берется руководить государством! Горько сознавать, но мы ошиблись, поверив, что генерал на это способен.

Но, как показал второй тур выборов, большинство сторонников Лебеда не разделяло его мнения. Очередной политический трюк Ельцина принес свои плоды, и, получив солидную прибавку голосов, он одержал-таки победу над Зюгановым. Наумовы не отдали ему свои голоса, так как отвергли обоих кандидатов на пост президента. В знак протеста они вообще не пришли на избирательный участок.

Глава 10

Дефолт

Как вскоре выяснилось, напряженная выборная кампания отняла последние силы и окончательно подорвала здоровье президента. После инаугурации Ельцин слег и в дальнейшем руководил страной либо с больничной койки, либо из своих загородных резиденций, где почти все время отдыхал и продолжал лечение. Тяжелая болезнь сердца, естественно, не давала ему возможности серьезно вникать в дела и контролировать то, что делалось за его спиной.

А тем временем в стане победителей борьба за власть разгорелась с новой силой. И главными соперниками в ней по-прежнему были с одной стороны — «молодые реформаторы», за которыми стояли новоявленные капиталисты, в основном обязанные им своим сказочным богатством, а с другой — «силовики» во главе с Коржаковым и примкнувшим к ним секретарем Совета Безопасности Лебедем. Это дало последним некоторый перевес и едва не принесло победу над соперниками.

О произошедшем в верхах сенсационном скандале Наумову стало известно от Максименко, который, как всегда, был в курсе всех дел и обладал самой свежей и конфиденциальной информацией.

— Кажется, Чубайс скоро окажется там, где ему давно уже народом уготовано место. В тюрьме, на нарах, — позвонив, сообщил он другу главную новость дня. — Люди Коржакова поймали подручных «рыжего» с поличным. Пытались вынести тайком, в коробке от бумаги для ксерокса, «черный нал» — аж полмиллиона баксов!

— Но зачем им было надо иметь при себе так много наличной валюты, да еще прятать ее в коробку из-под ксерокса? — изумился Наумов. — Ведь Чубайс и его приближенные — не какие-нибудь мазурики, а высокопоставленные представители власти!

— Это так, но и они не могут открыто тратить незаконные средства на агитацию и пропаганду сверх того, что разрешено законом о выборах, — объяснил Максименко. — Баксы, которые они прятали, как раз и есть часть теневого капитала, полученного Ельциным от дельцов на предвыборную кампанию. Скандал тот еще!

— Ничего не могу понять. Зачем Чубайсу сейчас «черный нал», когда выборы уже позади? — продолжал недоумевать Наумов. — И совсем уж нелепо Коржакову ловить его на этом, так как скандал бьет по президенту.

Коммунисты начнут снова опротестовывать выборы.

Его вопросы рассмешили опытного бизнесмена.

— Сразу видно, что политика — не дело ученых. А у кремлевских интриганов своя логика, — наставительно сказал он. — Коммунисты им уже не страшны, сколько бы те ни шумели. От скандала пострадает только Чубайс со своей командой, занимавшейся выборами. На них все и повесят, а президент, как всегда, будет ни при чем. А такие деньжищи они до сих пор таскают потому, что еще не со всеми рассчитались. Ты полагаешь, что звезды эстрады, которые разъезжали по всей стране с концертами, агитируя за Ельцина, делали это бесплатно? — он насмешливо взглянул на Наумова. — Как бы не так! Вот Чубайс и отдает то, что остался должен. Ведь новые выборы не за горами.

И казалось, все будет именно так, как он предсказал. Телевидение и газеты, не жалея красок, расписывали скандал с коробкой из-под ксерокса, и сообщали о панике, царившей в стане Чубайса, приводя даже записи его телефонных переговоров. Многие уже считали, что судьба того, с кем связывали «ваучерную аферу», решена. Однако не учли, как и сам Коржаков, того мощного фактора, что в его команде находится любимая дочь президента.

И произошло неожиданное. В отставку были отправлены отнюдь не Чубайс и прочие нарушители закона о выборах, а те, кто их разоблачил, — Коржаков и глава ФСБ. Пойманные с коробкой из-под ксерокса сразу отказались и от своих признаний, и от полумиллиона долларов, якобы неизвестно откуда взявшегося. Как ни странно, но и следствие установить принадлежность денег не смогло.

Вскоре скандальное дело замяли, а его главный фигурант — Чубайс открыто торжествовал победу над противником, оправдывая свой конфуз «провокацией» против президента. Дескать, ее устроили коммунисты при пособничестве опального генерала и сочувствующего им руководства ФСБ в отместку за свое поражение на выборах. Поскольку хозяин полумиллиона долларов не нашелся, деньги поступили в доход государства.

— Вот что вытворяет власть жуликов, — негодовал Царев, как всегда, ругая «правлящую хунту» последними словами. — Внаглую сняли с должности честного русского генерала только за то, что разоблачил мошенников.

— Ну, положим, не очень-то верится в его честность, — скептически отозвался Наумов. — Кто поверит, что Коржаков и ФСБ не были в курсе, на какие деньги ведется предвыборная кампания Ельцина? Почему же решили поймать на этом Чубайса только сейчас?

— Наверно, раньше просто не могли, — не слишком уверенно возразил Царев. — Будто не знаешь, какой это скользкий тип. Как налим!

— А я думаю, могли. Но им самим нужна была победа Ельцина, — насмешливо сказал Наумов. — Теперь же они решили, что пора разделаться с соперниками и взять власть, чтобы править при больном президенте. Но не вышло.

— Вот видишь, как я был прав, говоря, что эту хунту нельзя было оставлять у власти, — упрекнул его Владимир Иванович. — Зря ты меня не послушал!

— Коммунисты не лучше, — убежденно возразил Артём Сергеевич. — Провалить надо было обоих. Винават не я, а те, кто за них голосовал. В том числе и ты.

Очевидно, его друг был и сам не слишком уверен в правильности своего выбора, так как его полемический пыл угас:

— Ладно, посмотрим, какую пользу принесет твой генерал Лебедь в Совете Безопасности. Вот увидишь, что толку от него будет чуть!

* * *

Очень скоро прогноз Царева полностью оправдался, и генерал Лебедь был бесславно отправлен в отставку. Однако винить его можно было лишь в том, что слишком прямо и открыто обрушился на министров-силовиков, ответственных за неудачи в Чечне, и на «ястребов» из окружения президента, включая дельцов, делавших на кровавой бойне свой преступный бизнес.

Его враги, которые и до этого поносили Лебедея как предателя армии, своим хасавюртовским миром якобы, лишившего ее победы, на сей раз решили пойти ва-банк. Не утруждая себя предоставлением серьезных доказательств и фактов, они громогласно обвинили секретаря Совета Безопасности ни в чем ином, как в подготовке военного переворота!

Само собой, генерал Лебедь сразу отмел эти инсинуации как беспардонную клевету, не имеющую под собой никакой почвы. И хотя никто эти серьезнейшие обвинения не проверял, Ельцин как будто ждал подходящего предлога и сразу отстранил от должности своего недавнего союзника, предав забвению все то, что ему обещал.

— Со стороны президента это просто неприлично, — осудил его поступок в разговоре с Максименко Наумов. — Ельцин наверняка наобещал Лебедею золотые горы, использовал его помощь, а теперь

отбросил, как ненужную вещь. Ведь понятно, что обвинения в адрес генерала — злостная клевета!

— Разумеется, клевета. Иначе бы посадили, — с усмешкой подтвердил Николай Павлович. — Но в политике нет места чувствам. Нет друзей, есть лишь интересы. То, что прогнали конкурента, — вполне закономерно. Лебедь и сам должен был понимать, что так все и будет. Беда в другом! — Артём Сергеевич недоуменно поднял брови, и Максименко объяснил: — Теперь, когда отставили Лебеда, перечеркнут мир в Чечне.

— Да ты что? — с тревогой посмотрел на него Наумов. — Значит, снова война?

— Войны там уже точно не миновать, — угрюмо кивнул Максименко. — Теперь бандиты нарушат соглашение и захватят власть, а мешать им никто не будет.

— Но почему? — пожал плечами Артём Сергеевич. — Если нарушат условия, которые сами подписали, кто же их поддержит?

— На то они и бандиты, чтобы нарушать соглашения, а поддержку получают не только от наших врагов, — объяснил Николай Павлович. — Свои же дельцы их будут подкармливать. Те, кому нужна там «черная дыра» и кто на войне наживается.

Наумов знал, что его друг тонко чувствует деловую и политическую конъюнктуру, но все же никак не мог в это поверить.

— Неужто в Чечню снова пошлют войска? — растерянно пробормотал он. — Ведь только остановили эту кровавую бойню, и еще не высохли слезы солдатских матерей. Нет, это невозможно!

— Ну, так сразу не пошлют. Какое-то время, пока не наворуют вдоволь, дадут бандитам поцарствовать, — объяснил Максименко. — А потом их прихлопнут, потому что никто не позволит Чечне выйти из России. Ну разве это не война?

— Выходит, следует ожидать новой волны казнокрадства и разгула преступности? — хмуро спросил Наумов. — А ты не думаешь, что народ с этим мириться не будет? С тем, что ловкачи и жулики сказочно обогатятся, а честные труженики вконец обнищают?

— Боюсь, что так и будет, — не скрывая озабоченности, вздохнул Максименко. — А все потому, что Ельцин слишком болен. Некому сдерживать наиболее алчных из его окружения. Они могут слишком круто обобрать народ, и тогда уж массовых протестов не избежать. — И с сожалением добавил: — Сейчас отличные условия для развития честного бизнеса. Уже появляется сословие предприимчивых людей, из которых формируются настоящие хозяева страны. Они и обеспечат в будущем ее

процветание. А эти хапуги все портят.

И дальнейшее развитие событий показало, что опасения Максименко были вполне обоснованны.

* * *

После отстранения генерала Лебеда Чечню полностью бросили на произвол сепаратистов, которые учинили жестокую расправу над своими политическими противниками. Теперь уже не только русские, но и чеченцы, те, кто не желал отделения Чечни от России, вынуждены были спасаться бегством. Грубо нарушив все соглашения, бандиты объявили автономию «исламской республикой Ичкерией» и установили террористический режим, якобы по законам шариата.

В остальных же регионах страны при попустительстве больного президента, лишь изредка появлявшегося на своем рабочем месте в Кремле, воцарилась подлинная вольница казнокрадов. Прикарманивание через посреднические фирмы доходов естественных монополий приобрело гигантские размеры. Экспортные сделки имели убыточный характер, и из-за предоставления неоправданных льгот не уплачивались налоги. Все это недвусмысленно указывало на беззастенчивую коррупцию в верхах.

— Не понимаю, почему не реагирует президент, — возмущался Максименко, которого все больше беспокоило разграбление государственной казны. — Ельцин — умный человек и не так болен, чтобы не замечать, что сейчас творится. Если все растащат, то нечем будет платить зарплату, а уж это чревато взрывом!

— А мне кажется, неспроста он попустительствует казнокрадству, — сердито возразил другу Наумов. — Наверняка знает, что в этом участвуют не только его приближенные, но и члены семьи. Не удивлюсь, если кого-то из них скоро будут называть среди самых богатых людей России.

— Может, ты и прав, — неожиданно согласился Максименко. — У меня есть сведения, что зятя Ельцина весьма успешно занимаются бизнесом. Хотя все же надеюсь, что без его непосредственной помощи. Иначе я буду в нем сильно разочарован.

Между тем сказочное обогащение высших чиновников, их родственников и приближенных лиц нарастало и приобретало все более скандальную известность. Зарубежная пресса, ссылаясь на данные спецслужб, сообщала о том, что премьер-министр Черномырдин уже стал миллиардером.

На Западе недоумевали, почему допускается перекачка теневых капиталов на Запад, которые работают таким образом на экономику и без того богатых стран. Возмущались тем, что в России не борются с коррупцией и отмыванием «грязных» денег.

— Ну теперь убедился, к чему привело переизбрание Ельцина? Ты знаешь о том, что в провинции уже месяцами не выдают зарплату врачам и учителям? — упрекнул Наумова Царев. — Даже офицерам в армии задолжали! А все потому, что победившая хунта внаглую прикарманивает доходы казны. Народ с этим мириться не будет!

«Надо же! Вот и Царев с Максименко сошлись во мнениях. А раньше всегда держались противоположных взглядов», — мысленно отметил Наумов, но вслух согласился:

— Конечно, так дальше продолжаться не может. В бюджете ни на что нет денег. Цены быстро растут, и при этом людям еще задерживают зарплату. Ты думаешь, что начнутся волнения? — с тревогой посмотрел он на друга. — Неужто у нас возможна новая гражданская война?

— Волнения уже начались. Разве не знаешь, что в знак протеста люди стали перекрывать магистрали? — озабоченно ответил Царев. — Возьмутся и за оружие, если правящая хунта вовремя не одумается. Его на руках у населения немало, да и армия недовольна.

— Страшные вещи ты говоришь, Володя! Не дай Бог, чтобы это произошло, — удрученно покачал головой Наумов. — России вполне хватит и одной Гражданской. Она достаточно принесла ей бед. — И выразил надежду: — Думаю, однако, что у нашей правящей верхушки хватит здравого смысла. Обогатилась она уже достаточно, и потерять все не захочет. Ельцин наверняка что-нибудь предпримет для того, чтобы исправить ошибки Черномырдина и успокоить народ. Хорошего от него не дождешься, но лавировать он умеет.

* * *

Провалы в проведении реформ, и особенно во внутренней экономической политике, а также падение личного авторитета премьер-министра, и правда заставили больного президента активизироваться. Массовые акции протеста с требованием перемен к лучшему вынудили его сделать очередной ловкий ход, дабы успокоить народ, показав, что президентом будто бы принимаются для этого решительные меры. Неожиданно для всех появившись в Кремле, он дал понять, что собирается

«омолодить» правительство.

Это стало ясно после встречи Ельцина с самым молодым из губернаторов, у которого и дела в области обстояли получше, и более успешно проводились реформы.

— Все же молодец наш президент! Больной, а нашел в себе силы, чтобы вовремя вмешаться и понизить возникшее напряжение, — выразил свое удовлетворение Максименко. — То, что он призвал Ченцова, — очень умный шаг.

— Мне тоже кажется, что молодой губернатор — наиболее прогрессивный из всех представителей нынешней власти, — согласился Артём Сергеевич. — Ты думаешь, он сможет улучшить работу правительства? Ведь похоже, что Ельцин собрался заменить им Черномырдина.

— Ну так сразу замены ждать не стоит. Он и Ченцова еще мало знает и захочет проверить в деле на вторых ролях, — предположил Николай Павлович. — Наверное, сделает замом премьер-министра.

— Боюсь, что тогда у Ченцова ничего не получится. У зама маловато прав, — разочарованно поморщился Наумов. — А по тому, как его принимали в Кремле, я решил, что Ельцин видит в нем своего преемника. Разве не так?

Это рассмешило Максименко.

— Ельцин хотя и болен, но надеется вылечиться. Никому передавать власть он не думает, — с иронией ответил он. — И Ченцов ему сейчас нужен не только для того, чтобы улучшить работу в правительстве.

— Вот как? Для чего же еще? — поднял брови Артём Сергеевич.

— А для того, чтобы хоть немного решить проблемы молодежи и привлечь ее на свою сторону, — объяснил ему друг. — Сам знаешь, что среди всех бед одна из главных — безработица и неприкаянность молодых людей. До них сейчас просто никому нет дела. Отсюда рост преступности и наркомании.

— Думаешь, раз Ченцов молод, то ему понятней эта проблема, и он сумеет ее решить? — усомнился Наумов. — Но одному ему не справиться! Тут нужны усилия всего общества, а сейчас люди думают лишь о том, как им выжить.

— Проблему он не решит, но сделать может многое. На это и рассчитывает Ельцин, — убежденно сказал Максименко. — Ченцов честолюбив и будет стараться.

В том, что проблема молодежи повсюду приобрела остроту, Наумов понял из письма «сибирского внука» Алешки. Парень уже окончил семь

классов и учился в ПТУ на автослесаря. Но у него там возникли трудности, которыми он решил поделиться. Вот что он сообщил.

Здравствуй, деда! Не пишу тебе писем, так как мне стыдно за ошибки. В школе было плохо с орфографией. Но сейчас не знаю, что делать. Может, скажешь, как мне быть?

Чтобы раздобыть «бабки», все пацаны убегают с занятий и моют машины фраерам. Я тоже намываю при — лично. Даже мамке иногда даю. Но на нас всю дорогу наезжают. И если бы только менты и крутые. А то свои — старшие из ПТУ. Те, что на улице, берут немного. А этим отдай все, не то измордуют! И вообще, изгаляются над нами, как хотят. Гоняют с разными поручениями. Правда, за это наркоту нюхнуть дают.

Боюсь, деда, что не выдержу и пырну кого-нибудь, как сделал Васьяк Беляк. Только его за это посадили. Хотя в тюрьге, наверное, житуха не хуже. Пацаны считают, что надо встать под крышу к бандитам. Тогда никто не тронет. Напиши, что мне посоветуешь.

Алексей.

Наумову не доводилось сталкиваться с проблемами молодежи, и он не знал, что то, о чем написал Алеша, характерно для многих подростков. Поэтому, не замедлив с ответом, посоветовал ему прежде всего прекратить мытье и другие заработки, на которые могут «наехать», пообещав регулярно высылать деньги, чтобы компенсировать эту потерю. И ни в коем случае не связываться с уголовниками. А если обстановка не изменится, то перейти в другое ПТУ.

Вскоре от Алеши пришел ответ. Он сообщил, что перевелся в другое училище, где получит профессию сварщика. От денег отказался, сославшись на то, что этого не желает мать, которая дает ему достаточно на карманные расходы. Но если «деда» оплатит проезд до Москвы в оба конца, то приедет повидаться в период летних каникул. И судя по отсутствию орфографических ошибок, это письмо Леной было прочитано и выправлено.

Бывший губернатор Ченцов был назначен первым вице-премьером правительства, и довольно рьяно взялся за дело, видно решив с ходу вдохнуть жизнь в застоявшееся болото. Он смело критиковал стиль и

методы работы кабинета министров. Передавая гласности крупные недостатки, ставил ребром вопрос об обновлении его состава И, получая на первых порах поддержку со стороны президента, как казалось, добился некоторых успехов.

Однако, поднаторевший в правительственных интригах, премьер лишь делал вид, будто поддерживает его усилия. Как шахматист, жертвовал второстепенными фигурами, сохраняя тех, кто держал основные финансовые рычаги. К сожалению, среди министров, чьи портфели в этой игре были разменной монетой, оказался и Николаев. Об этом Наумов узнал еще до того, как объявили официально, от Лёли.

— Вот и кончилась блестящая карьера Валентина. Он и Викуся в отчаянии, — трагическим тоном сообщила она об отставке зятя. — С ним не удалось поговорить, ничего не объяснили. Просто объявили решение и предоставили отпуск, сохранив пока все привилегии, положенные министру. Но что с ним будет дальше — неизвестно.

— Не стоит расстраиваться. Он что же, всю жизнь надеялся быть министром? — понимая, что нет причин для отчаяния, возразил ей брат. — Валентин и так пробыл в этом кресле много дольше других, не нажил врагов и ничем себя не замарал. Поэтому ему наверняка предложат хорошую должность.

— Дай-то Бог! Но на что он сейчас может рассчитывать? — уныло произнесла Лёля. — Ну, допустим, как профессору и бывшему министру, ему вновь поручат возглавить учебный институт. А разве они с Викочкой смогут прожить на его жалование? Будто не знаешь, как платят сейчас ученым.

— Как говорится, за что боролся, на то напоролся, — не удержавшись, пошутил Артём Сергеевич и мягко добавил: — Ладно, не обижайся. Я не злорадствую, но считаю, что Валентин, как член правительства, несет за это ответственность. — Он было умолк, но, подумав, спросил: — А почему бы ему не заняться коммерцией? Он же числится президентом двух-трех фондов и главой оргкомитета строящегося культурного центра. Сейчас многие бывшие министры занимаются этим и стали богатыми людьми.

— Не смей меня! Ну какой из Николаева бизнесмен? — сердито оборвала его Лёля. — Если и попробует, обязательно прогорит. Остается лишь надеяться на то, что предложат хорошую должность за границей. Вроде бы ему еще раньше обещали. Ведь уже дважды собирались снимать.

Как показало дальнейшее, счастливая звезда сестры еще не закатилась, и ее зятю, незадолго до окончания отпуска предложили почетную должность представителя России в международной организации в ранге

посла. И Лёля, уже бывшая вдовой главного редактора центральной газеты и тещей федерального министра, отправилась за рубеж в качестве члена семьи посла великой державы.

Что касается надежд на положительные сдвиги в работе правительства, которые принесет бурная деятельность Ченцова, то они не оправдались. Он, правда, пытался осуществить крупное мероприятие — в целях экономии средств пересадив всех членов правительства и чиновников с дорогостоящих иномарок на отечественные «Волги». Вокруг этого было много шума, но могучая бюрократия взяла верх, и все осталось по-прежнему.

* * *

По «закону подлости» в жизни Наумовых началась очередная черная полоса, и семейное несчастье отодвинуло на задний план беды, испытываемые российским обществом. Будучи врачом, Варя редко болела, ибо, когда нездоровилось, принимала профилактические меры. Но ведь недаром в народе шутят про «сапожника без сапог». У нее, гинеколога, образовалась опухоль, которую она сама и обнаружила. Артём Сергеевич долго об этом ничего не знал, но, когда потребовалась срочная операция, разумеется, все открылось.

Варю удалось положить в одну из лучших клиник, где ее стали обследовать и готовить к операции. Второй раз за их совместную жизнь Артём Сергеевич испытал панический ужас перед тем, что уготовила судьба. Характер опухоли могли определить только после всех анализов в больнице, и заключение врачей было равносильно приговору трибунала. Из-за постоянного беспокойства и мрачных мыслей он потерял аппетит и сон.

— Это самое худшее, что могло случиться, — пожаловался Наумов Царевым, которые зашли выразить ему сочувствие. — Не знаю, друзья, как буду жить, в случае... — он умолк, не в силах вымолвить роковые слова.

— Но почему нужно думать о худшем, — запротестовала Нина, готовившая ему по просьбе Вари еду на три дня. — Такие опухоли чаще всего не злокачественные.

— Я заключил это по тому, как Варя обеспокоена, — угрюмо объяснил Артём Сергеевич. — Она опытный гинеколог и прекрасно в этом разбирается. Если бы не опасалась, то вела бы себя иначе.

Забросив все другие занятия и забыв обо всем на свете, он все дни

курсировал между домом и больницей, окружив жену вниманием, на какое только был способен. И разумеется волнуясь, нетерпеливо ожидал приговора врачей. Он буквально осаждал заведованием, профессоршу, лично готовившую Варю к операции, и изрядно ей надоедал.

— Ну нельзя же так волноваться. Для этого пока нет причин, — вежливо, но с досадливой миной урезонивала Наумова моложавая профессорша. — У вашей жены обычная опухоль, и окончательно гистология станет ясна после операции. Но можно позавидовать тому, — кокетливо улыбнулась, обнажив ровные зубы, — как сильно вы ее любите.

И вот наконец операция была произведена, Варя перенесла ее хорошо, и профессорша пригласила Артёма Сергеевича для объявления результата. Можно представить, с каким крайним волнением зашел он в кабинет заведующей, чтобы услышать из ее уст приговор судьбы. Наверное, Иисус был спокойнее, поднимаясь на Голгофу! Ему показалось, что остановится сердце, когда эта статная женщина поднялась ему навстречу.

«Все кончено. Сейчас она скажет, что слишком поздно обратились, — мелькнула у Наумова фатальная мысль, и он почувствовал, как на глаза навернулись слезы и внезапно ослабли коленки. — Выдержать бы, не упасть!»

Но к его неопишуемой радости, строгое лицо профессорши расцвело улыбкой и, выйдя из-за стола, она протянула Артёму Сергеевичу руку.

— Вот теперь я могу поздравить вас с тем, что супруга отлично перенесла операцию и ее здоровью ничего не угрожает, — с чувством удовлетворения мягко произнесла она и, не отнимая руки, которую он горячо поцеловал, добавила: — Надеюсь, что вы с ней будете так же счастливы еще долгие годы!

Артём Сергеевич был ошеломлен, но, как известно, радость не убивает, и он быстро опомнился.

— У меня нет слов, чтобы выразить вам признательность за все, что вы для нас сделали, — с жаром произнес он, еще раз целуя ей руку. — Готовясь к худшему, я пришел, как говорится, с пустыми руками. Но все же надеялся, что судьба вновь нам улыбнется. Вас ждет огромный букет. Разрешите, я мигом!

И, не дожидаясь согласия, Наумов поспешно направился к выходу, чтобы забрать из машины букет алых роз и сувенирный набор Гжели, который заранее приготовил для профессорши, узнав, что она ее коллекционирует. Отблагодарив хирурга, он пошел в палату к Варе, где поздравил и одарил цветами не только жену, но и ее соседку, тоже перенесшую опасную операцию.

На этот раз гроза прошла стороной.

* * *

Немного оправившись от волнений, связанных со здоровьем жены, Наумов вновь окунулся в круговорот событий, которые никого не могли оставить равнодушным. Несмотря на миллиардные внешние займы, экономическое положение страны продолжало ухудшаться, и стало ясно, что ни искушенность в аппаратных интригах, ни пресловутая «непотопляемость» премьер-министра Черномырдина не помогут ему удержаться на своем посту.

Неплатежи во взаиморасчетах предприятий и задержки заработной платы рабочим и служащим достигли небывалых размеров. Повсеместно возникали стихийные забастовки и массовые акции протеста. Было похоже на то, что даже сам президент не знал, как расходуются бюджетные средства и иностранные кредиты. На вопросы корреспондентов он лишь беспомощно разводил руками: мол, черт знает, куда все девается.

— Это он ваньку валяет. Ведь отлично знает, что все разворачивается его окружением и связанными с ним дельцами, — непримиримо осуждал президента Царев. — Поэтому ни на что не остается денег.

— Это правительство их транжирит. Но почему у предприятий нет денег на зарплату? Даже у тех, чья продукция нарасхват, — недоумевал Наумов. — Разве те, что добывают уголь и плавят металл, не самокупаемы? И малый бизнес во всем мире приносит наибольший доход.

— Доходные производства тоже нуждаются в инвестициях, а малый бизнес — в поддержке государства кредитами, — объяснил Владимир Иванович. — Но помощи никто от правительства не получает. И иностранцы боятся вкладывать деньги в нашу промышленность. А внешние займы исчезают, незнамо куда!

— И правильно иностранцы боятся. У нас нет защиты не только для зарубежных, но и для собственных вкладчиков. Не раз нас обманывали девальвациями рубля и финансовыми «пирамидами». И думаю, что всех бессовестно надуют еще не однажды.

Царев согласно кивнул, но друзьям тогда и в голову не могло прийти, что это произойдет так быстро. А события развивались стремительно. В ответ на массовые протесты против губительной экономической политики правительства Ельцин применил свой излюбленный прием, сделав очередную ошеломляющую «рокировку». Он заменил

дискредитировавшего себя Черномырдина совсем еще молодым министром Кириенко.

Новый премьер-министр, маленького роста, был незнаком широким массам, и народ насмешливо окрестил его «киндер-сюрпризом», по имени шоколадного яйца, внутри которого детей ждала неизвестная крошечная игрушка. И очень скоро Кириенко преподнес ему и всему миру подлинный сногшибательный сюрприз. Его правительство объявило дефолт — отказ от уплаты государственного долга по внутренним и внешним займам с одновременной девальвацией рубля относительно СКВ!

— Вот это грабеж так грабеж! Во всемирном масштабе! — как всегда, больше всех кипятился Царев. — Мало того, что правительство, уподобляясь уличным мошенникам, «кинуло» собственный народ, в очередной раз обесценив личные накопления граждан и облигации внутренних займов, оно еще надуло иностранных кредиторов и даже Международный валютный фонд. Совсем зарвалась наша воровская хунта! Это же мировой скандал! Россию могут подвергнуть бойкоту, и жизнь станет еще тяжелее.

На этот раз ему вторил и бизнесмен Максименко.

— Это безобразие — то, что натворил «киндер-сюрприз», — негодуя отозвался он о действиях правительства в разговоре с Наумовым. — Нам объясняют, что дефолт якобы вызван мировым финансовым кризисом и падением цен на нефть, а в казне, мол, и так пусто. Но Россия богата и способна платить долги. Нужно лишь поставить заслон бегству за рубеж капиталов и, конечно, прекратить вопиющее воровство.

— Почему ты так думаешь? — усомнился Артём Сергеевич. — Ведь ясно, что правительству нечем платить долги. Разве оно не в безвыходном положении?

— Конечно, нет! У страны достаточно активов, чтобы рассчитаться с кредиторами, — раздраженно ответил Николай Павлович. — И иностранцы свое получают. Просто конфискуют то, что нам принадлежит за рубежом. Дефолт затеян против конкурентов финансовой группы, стоящей за Кириенко, и, чтобы замедлить рост инфляции, в очередной раз обобрали граждан.

— Вот оно что, — поразился Наумов, поняв смысл финансовой интриги. — Хотят лишить соперников средств, чтобы не перехватили у них неподделенную еще собственность. Но и те ведь не простаки. Наверняка имеют резервы.

— Ошибаешься. Те, кто задумал дефолт, обобрали их начисто, — объяснил Максименко. — На то и придумали ГКО. Всех обязали

приобретать эти облигации на крупные суммы. И я много потерял, хотя не являюсь их конкурентом.

— Но ведь от «пирамиды» с ГКО пострадали все, — непонимающе посмотрел на него Артём Сергеевич.

— Все, кроме тех, кто затеял эту аферу, — хмуро ответил Николай Павлович. — Они-то своевременно выкупили свои облигации, еще до объявления дефолта.

— Если все обстоит так, как говоришь, то должна сказать свое слово прокуратура! — возмутился Наумов. — Ведь пострадали те, кто способен за себя постоять.

— На это рассчитывать нечего, — отмахнулся Максименко. — Они недостаточно сильны, чтобы бороться с окружением президента.

Наумовых объявленный дефолт задел не слишком сильно, так как свои небольшие сбережения они хранили дома, и пострадали лишь от девальвации рубля и связанного с ней роста цен. Но Артём Сергеевич осуждал аморальные, на его взгляд, действия правительства «киндер-сюрприза», сочувствуя всем, кто потерпел урон от очередного беззастенчивого грабежа.

* * *

Тот «год дефолта» для Наумовых оказался особенно трудным не только из-за дальнейшего ухудшения условий жизни. Он стал безрадостным еще и потому, что у них впервые появились личные проблемы, нарушившие гармонию интимных отношений. Это произошло не сразу, и явилось следствием перенесенной Варей гинекологической операции.

С возрастом сексуальные страсти и активность у них, естественно, поутихли и перестали быть главным смыслом семейной жизни. Постепенно на первое место стали выходить и другие радости, испытываемые ими от своего единения: взаимная забота и моральная поддержка, а также успех в достижении совместно поставленных целей. Но интимные ласки оставались по-прежнему желанной и привычной составляющей их семейного счастья.

Однако, спустя некоторое время после операции, Наумов заметил, что у его жены, если не исчезло совсем, то значительно ослабло естественное влечение, и свои супружеские обязанности она выполняет скорее из чувства долга. Теперь, чтобы доставить ей радость, требовалось намного

больше усилий, и их близость из наслаждения превратилась для него в тяжкий труд.

— А что ты хотел? Это естественно, — с извиняющейся улыбкой ответила Варя, когда он утром, не выдержав, упрекнул ее в холодности. — Возраст дает себя знать, и у женщин это происходит раньше. Да и тебе пора бы уже уgomониться, — она попыталась перевести разговор в шутку. — Вот уж, действительно: седина в бороду, бес в ребро.

— Не увиливай! Не так уж я сексуально озабочен и не часто к тебе пристаю, — не дал ей уклониться от ответа муж. — Что-то с тобой неладно. То ли после операции тебе физически неприятно этим заниматься, то ли ты ко мне полностью охладела. Только непонятно: ведь еще недавно все было по-другому.

Он пристально посмотрел ей в глаза, требуя ответа. Но Варя смущенно молчала и, лишь после длительной паузы, честно призналась:

— Да, дорогой, ты прав. Но не в холодности дело. После операции мне как-то боязно заниматься сексом, и это притупляет чувства. Думаю, что болезнь у меня лишь ускорила неизбежное. Не беда! В нашем возрасте уже можно обойтись без этого. Мне остается надеяться, — слабо улыбнулась она, — что скоро и ты успокоишься. Ведь попер уже восьмой десяток. Пора, как говорится, и честь знать! — Она тяжело вздохнула и уже серьезно добавила: — А пока придется немного потерпеть. Если ты меня еще любишь...

— Но я не чувствую себя стариком, и мне это... необходимо... хотя и нечасто, — испытывая неловкость и от этого запинаясь, пробормотал Артём Сергеевич. — Что же прикажешь делать, если тебе неохота? Может, завести любовницу?

Наверное, ему не следовало этого говорить, потому что Варя болезненно поморщилась:

— Ну что ж, заводи, если не жаль втоптать в грязь все хорошее, что у нас с тобой было! Не так уж тебе это надо. Ты еще бодр и энергичен, но надолго ли? Да потому и здоров, что ведешь умеренный образ жизни, не переоценивая свои силы.

Прервав разговор, она поднялась с постели, набросила халат и с обиженным видом ушла на кухню готовить завтрак. Артём Сергеевич решил больше этой темы не касаться, но проблема не исчезла. Он ее ощущал физически и отрешиться от нее не мог. Ему все чаще стали сниться эротические сны, в них его ласкали какие-то незнакомые женщины, а Варя почему-то им пренебрегала, но с другими кокетничала, и он ревновал.

Испытывая сексуальную неудовлетворенность, Наумов поймал себя на том, что впервые за долгие годы жизни с Варей стал проявлять интерес к другим женщинам, и ему в голову начали приходить шальные мысли, так как соблазны подстерегали на каждом шагу. Столица была наводнена проститутками. Молодые красотки останавливали его машину, спрашивая, не нужны ли «дамские услуги»? Даже когда возился в своем гараже, заглядывали с тем же вопросом.

Однако природная брезгливость не позволяла ему даже вступать с ними в разговоры. Но все же их женские прелести его волновали, и он подсознательно чувствовал, что способен изменить жене. «Надо же, стал заглядываться на молоденьких. Вот он — верный признак старости, — стыдливо подумал он, борясь с греховным желанием. — Неужто не смогу удержаться? Вряд ли я буду уважать себя после этого».

Как знать, чем бы кончилась у Наумова эта внутренняя борьба, если бы его не образумил визит к Максименко. Несмотря на большой ущерб от дефолта, дела у Николая Павловича шли в гору. Его страховая компания стала одной из ведущих в стране и была признана за рубежом. Офис, который она арендовала в здании министерства, стал тесен, и под него был перестроен четырехэтажный особняк в центре Москвы.

— Ну, как тебе у меня — нравится? — с гордостью спросил он Наумова, показывая новый офис. — Это ведь совсем не то, что было.

— Чего там говорить! Современно и, я бы даже сказал, слишком шикарно, — восхищенно отозвался Артём Сергеевич. — Он произведет впечатление на твоих клиентов и деловых партнеров. Думаю, вряд ли у конкурентов офисы лучше.

— Пожалуй, что так, — с удовлетворением подтвердил Николай Павлович. — Ведь офис — это как бы лицо, визитная карточка любого предприятия.

Он усадил гостя за совещательный стол в своем роскошном кабинете и распорядился принести кофе. Его подала юная длинноногая красавица, и Артём Сергеевич удивленно спросил:

— У тебя новая секретарша? А где Марина Васильевна, про которую сам говорил, что без нее, как без рук?

— Секретарша — тоже визитная карточка, — с самодовольным видом пошутил Максименко. — Ну а если серьезно, то Васильевну я перевел в референты. Она уже не девочка, чтобы гонять ее с поручениями. — Он усмехнулся и лукаво посмотрел на друга. — Да ты никак положил глаз на мою красотку. Не отпирайся! Я заметил, как у тебя загорелся взор, когда смотрел на ее ножки. Что, жена уже не интересуется и потянуло на

клубничку? — он весело рассмеялся и пригрозил: — Вот расскажу Варя, она тебе задаст!

— Можешь наябедничать. Толку-то что? Варя будет лишь рада от меня отделаться, — попытался отшутиться Наумов, но прозвучало это грустно. — Она после операции держит меня на расстоянии. Поневоле станешь заглядываться, да еще на такие ножки.

— Вот оно что, — понимающе кивнул друг. — А ты, выходит, свое ведро еще не израсходовал? — добродушно ухмыльнулся он. — Силен!

— Какое еще ведро? — удивленно поднял брови Наумов, которому было не до шуток. — Ты это о чем?

— В народе бают, что каждому мужику отпущена природой лишь по одному ведру, — подмигнув, весело объяснил Максименко. — Тебе пора бы его уже израсходовать, а ты на девчонок еще заглядываешься. Несолидно!

— Видно, что-то осталось, — заставил себя улыбнуться Артём Сергеевич, хотя ему вовсе не было весело. — И заглядываться на красивых женщин до старости не грешно. Но ты прав, вести себя в моем почтенном возрасте надо солидно.

На личные темы они в тот день больше не говорили, но даже этой краткой беседы с Максименко ему хватило, чтобы охладить не в меру разгорячившуюся кровь и изгнать из мыслей греховные фантазии.

Глава 11

Криминал и власть

Зима в том году была мягкая, незаметно подкралась весна, а с ней и дачные заботы. Наумовы любили свои «шесть соток» и уютный коттеджик у опушки старой березовой рощи. Весенние хлопоты и привычная работа в саду вновь их сплотили, нелегкий труд поглощал все силы, и нелады в интимных отношениях как-то сами по себе исчезли. Вечерами, по-прежнему воркуя как голубки, сидели рядышком у камина, глядя на огонь. Телевизор почти не смотрели из-за назойливой рекламы, засилья на экране старья и зарубежного «ширпотреба». А текущая информация была столь удручающей, что надолго портила настроение.

— Ну нельзя же вот так с утра и до вечера передавать сплошную «чернуху», — недоумевала Варя. — Вот показывают, как бастуют те, кому не платят зарплату. Как внаглую убивают простых граждан, предпринимателей и даже депутатов. Как ловят с поличным крупных коррупционеров. Но почему-то виновных чиновников не наказывают, киллеров не ловят, а взяточников не сажают в тюрьму. Неужели и правда ничего не делается? Может, те, кто готовит информацию, втемяшивают ее всем специально, чтобы показать, какая у нас никуда не годная власть?

— Вполне допускаю, — ответил Артём Сергеевич, — что за очернительской кампанией стоят коммунисты и все те, кто жаждет досрочно свергнуть Ельцина. Ты знаешь, что они пытаются поставить вопрос об его импичменте.

— А чего они так торопятся? — непонимающе посмотрела на него Варя. — Ведь Ельцину предстоит операция на сердце, которую он вряд ли выдержит.

— Наверное, не верят, что она так опасна. Боятся, что президент оклемается, — усмехнулся он. — Поэтому и стараются свалить, пока болен.

— С одной стороны, это — аморально, но с другой — конечно, пора заменить его более деятельным президентом, — убежденно сказала Варя. — Из-за болезни или, если правду говорят, пьянства Ельцин не управляет страной, и власть на местах захватывают проходимцы, связанные с криминалом. Миша мне рассказал, что в городке, где живет его мать, мэром стал даже уголовник! — Она бросила взгляд в окно и, увидев поднимающегося на крыльцо Полунина, обрадовалась: — А вот и сам

Миша зачем-то к нам пожаловал. Он тебе это подтвердит.

Их старый друг и сосед по даче Полуниин был неутомимым огородником. Он соорудил две огромные теплицы и в свободные дни, спозаранку до позднего вечера, трудился на своем участке. Поэтому вечером валился с ног и заходил к ним лишь тогда, когда ему что-то было надо. И сейчас, открыв дверь, с порога объявил:

— Друзья, я к вам только на минутку. Кончилась нитрофоска, а мне она с утра понадобится. Вот и пришел, чтобы рано не беспокоить. Где она лежит?

— В сарае, на этажерке, — ответила Варя и с улыбкой предложила: — Да ты посиди с нами пяток минут. Отдохни. Подтверди Тёме, что у вас там какого-то судимого мэром избрали. А то он не верит, что до этого докатились.

— Пять минут можно, хотя я мечтаю поскорее до постели добраться, — нехотя согласился Полуниин, тяжело опускаясь на диван. — Да, избрали главой местной власти молодого предпринимателя, недавно отсидевшего три года за подлог и вымогательство.

— Почему это произошло? — поразился Артём Сергеевич. — Неужто не могли выбрать кого-нибудь получше?

— К сожалению, не могли. Не было выбора. Бывший мэр развалил городское хозяйство и проворовался. А новый хоть и связан с криминалом, владеет рудником, который дает работу всему населению нашего городка. И потому люди надеются, что новый мэр будет лучше.

— И ты одобряешь выбор земляков? — укоризненно взглянул на соседа Наумов. — Куда же мы катимся? Что станет с нашей страной, если власть окончательно перейдет к жуликам и бандитам?

— Ты только не горячись. В нашей истории бывали смуты почище, — возразил Полуниин. — Народ сумеет найти в себе силы и выправит положение. Но этим пусть занимаются молодые! А нам с тобой нужно побереечь силы и нервы.

— По-твоему, можно спокойно взирать на то, что происходит? — возмутился Артём Сергеевич. — Сидеть и ничего не делать?

— Ну почему же ничего? Нам надо заботиться о том, как пережить это трудное время. И особенно об укреплении своего здоровья, — усмехнулся Михаил Григорьевич и подмигнул Варе: — Верно говорю, соседка? К примеру, почему бы нам с вами не прокатиться вокруг Европы? В тайгу за золотом нам сходить не удалось, а это осуществить можно.

— Ты это серьезно, Миша? — округлила глаза Варя. — Сколько же будет стоить такое путешествие?

— Довольно много, но живем-то один раз, — весело ответил Полунин. — Мы с моей благоверной всерьез об этом подумываем. И отдых — лучше не придумаешь, и впечатлений уйма. Мы же с ней за границей еще не были.

— А где ты денег столько возьмешь? — спросил Наумов.

— Удалось подзаработать на продлении ресурсов, — открыл секрет Полунин. — Хорошо, что ты их не похерил, — шутливо поддел он друга. — Не то по твоей вине я сейчас сосал бы голую лапу.

— Ну что же, Мишенька, это хорошая мысль, — одобрительно отозвалась Варя. — У нас кое-что осталось от гонораров Тёмы, и он, похоже, скоро еще что-то получит. Тогда мы к вам присоединимся.

Судя по тому, что на лице жены появилось задумчивое выражение, Наумову стало ясно, что предложение Полунина всерьез ее заинтересовало, и к этому вопросу они еще непременно вернуться.

* * *

А разгул преступности продолжался и рос, как снежный ком. Особенно нагло распоясались бандиты в Москве и «северной столице». Дошло до того, что киллеры спокойно убивали, кого закажут, среди бела дня в центре города и бесследно скрывались. Это определенно указывало на то, что у криминала в правоохранительных органах завелась «крыша», и она состоит не только из подкупленных чиновников, но и из «своих людей», специально засланных туда с этой целью.

Такие предположения подтверждали и редкие факты поимки преступников. Об одном из них Наумову рассказал Максименко, знакомый банкир которого был расстрелян днем в машине у подъезда своего офиса.

— Ты знаешь, кем оказался киллер, убивший моего банкира и его водителя? — в голосе Николая Павловича было больше тревоги, чем удивления. — Майором милиции из другого города! Он специально прибыл в Москву, чтобы выполнить заказ. Его и задержали-то случайно, а потом дали возможность сбежать, — он аж задохнулся от возмущения. — У меня просто нет слов!

— Неужто майор продался бандитам? — поразился Артём Сергеевич. — А как сбежал? Свои менты помогли?

— Темная история. И теперь вряд ли удастся ее прояснить, — расстроено ответил Максименко. — Одно очевидно: этот майор входил в преступную группировку, выполнявшую заказы на убийства. И у нее

имеется высокая «крыша» в милиции. Иначе бы не сбежал. — И сообщил подробности: — Майора задержали случайно, уже за городом. Он был в штатском, выпивши, и поспорил с гаишником. Его «замели», обнаружив в машине оружие. А побег был явно организован по команде «сверху».

— Откуда же это известно, если киллер сбежал? — усомнился Наумов. — Неужто «сверху» в открытую распорядились?

— Открыто, конечно, не распорядились. Гаишники были злы и могли бы их заложить, — объяснил Николай Павлович. — Прислали за ним двух ментов и инсценировали побег по дороге, как в кино. Но кто ж им поверит?

— Теперь майору все равно каюк, — предположил Артём Сергеевич. — Свои же прикончат, чтобы замолчал навеки.

— Не думаю. Он очень ценный кадр — бывший чемпион по стрельбе, — мрачно ответил Максименко. — Скорее всего его временно упрячут где-нибудь за бугром по подложным документам.

Вольготный разгул преступности подтверждал мнение, что мафиозная связь криминала с властью является свершившимся фактом. Многочисленные бандитские группировки поделили страну и даже столицу на подконтрольные им зоны, обложили данью крупные предприятия и открыто занимались рэкетом мелких коммерсантов. Правоохранительные органы знали о них все, но почему-то ничего не предпринимали для их ликвидации.

— Милицейские чины и администрация собирают с них немалую мзду. Потому ничего и не делают, — как всегда, обвинил в этом власть предержащих Царев. — У чиновников на местах только одна забота — как бы обогатиться. Они вступили в прямой сговор с преступниками и обирают народ. — Он возмущенно потряс головой и заключил: — Самое ужасное, что гибнет наша молодежь!

— Это почему же? — не согласился Наумов. — Отстреливают в основном крупных дельцов. А они, в большинстве своем, люди не первой молодости.

— Ну, как ты не поймешь, что сейчас для молодых парней профессия бандита кажется наиболее доступной и престижной, — сердито ответил Царев. — Даже мой сын, инженер, уже считает, что честным трудом не проживешь. А что говорить о тех, кто только закончил школу и не знает, куда податься?

— Думаю, рисковать жизнью большинству все-таки не захочется, — возразил Артём Сергеевич. — Надо проявить больше заботы о трудоустройстве молодежи, и все тогда образуется.

— Ну когда же ты избавишься от идеализма? — досадливо

поморщился друг. — Молодежь не желает работать за гроши. Риска же не боится потому, что смертную казнь отменили, а бандитов гибнет намного меньше, чем солдат в армии, даже в мирное время.

Наумову все же показалось, что Царев преувеличивает. Он был убежден, что хотя с экранов не сходят боевики, культивирующие жестокость и торжество силы над законом, большинство нормальных молодых людей не прельстит карьера бандита. Но вскоре, когда из Сибири к нему приехал погостить Алеша, убедился в том, что его друг недалек от истины.

* * *

Алеша приехал, предварительно позвонив по телефону.

— Знаешь, деда, меня здесь хотят замочить. Надо срочно смываться, и лучше всего к тебе в Москву, — без предисловий выпалил он, повергнув Наумова в шок. — Ты не смог бы устроить меня на работу? Жить я буду у приятельницы покойной бабушки, — торопливо добавил он. — У старушки в Отрадном однокомнатная квартира, и мама уже с ней договорилась.

— Ладно, приезжай. Деньги на дорогу вышлю тебе сегодня же, — согласился Артём Сергеевич. — Погостишь у нас на даче, а там видно будет.

— Бабки на дорогу у меня есть. Отдашь, когда приеду, — не без гордости сказал сибирский внук. — И ты, деда, не думай, что рассчитываю на халяву. Я подыщу себе работу.

Алеша уже получил паспорт и выглядел вполне взрослым юношей. Выше среднего роста, стройный и широкоплечий, с правильными чертами лица и большими улыбчивыми глазами, он был красив и, как ни странно, модно и со вкусом одет. Но его русые волосы были окрашены в соломенно-золотистый цвет, и это шокировало встретившего его на вокзале Наумова.

«Уж не «голубая» ли у него ориентация? Не связался ли с гей-клубом и не оттуда ли идут угрозы?» — испуганно подумал он, критически оценивая вызывающе яркую внешность молодого парня, но вслух лишь неодобрительно проворчал:

— Ты чего это выкрасился, как баба? Считаешь, что недостаточно красив?

— Вовсе нет, деда. Волосы покрасил для роли, которую играл в последней пьесе, — объяснил Алеша. — Я из ПТУ перешел в театральное училище. Но меня оттуда исключили.

— Не надо было краситься. А парики для чего? — выразил свое неудовольствие Артём Сергеевич. — Не к лицу это мужчине. Выглядишь, как гомик.

Радостная улыбка, не сходявшая с лица Алеши при встрече, погасла.

— Покраситься проще, — коротко ответил он, и, помявшись, смущенно добавил: — Но ты прав. Мне это было надо, потому что подрабатывал в ночном клубе.

— И в какой же... роли? — с горечью спросил Наумов, стараясь не выказывать презрения. — Надеюсь, не...

— Да что ты, деда? Я не голубой, — сразу поняв, перебил его Алеша. — Просто выступаю там... — он замялся, подбирая нужное слово, — ...с прикольным танцем.

На перроне Артём Сергеевич не стал больше ничего выяснять, но в машине, по дороге на дачу, не выдержал, спросил:

— Ну и что же это у тебя за танец, который исполняешь в ночном клубе?

— Что-то вроде мужского стриптиза, деда, — уже без смущения, даже весело, открыл правду Алеша. — Я танцор что надо! Фигура и все остальное... тоже не подкачали, — самодовольно похвастался он. — Богатые дамочки, что у нас оттягиваются, аж визжат, так я им нравлюсь. Подскакивают, плавки готовы сорвать!

— Уж не занимался ли ты мужской проституцией? — брезгливо поморщился Наумов и озабоченно спросил: — Может, из-за этого у тебя неприятности? И кто угрожает твоей жизни?

— Меня и правда задаривают за то, что даю подержаться. Но я — не альфонс и не сутенер, деда, — ничуть не смущаясь, ответил Алеша. — У меня осталась там девчонка, немного постарше меня. — Он помрачнел и, немного помолчав, сказал главное: — Хозяин ночного клуба — местный уголовный авторитет, «законник». Крутой, каких мало. Меня поймали на том, что заначиваю те бабки, что суют мне похотливые курвы. Здорово отделили, а теперь грозят замочить.

— И только за это? — недоверчиво покосился на него Артём Сергеевич. — Ты что же, обязан был отдавать ему эти «чаевые»?

— Да, все дочиста, — хмуро подтвердил Алеша. — А он уж сам отстегивал мне из них, сколько считал нужным.

— Это же бессовестный грабеж, — возмутился Наумов. — Действительно, твой хозяин — настоящий «вор в законе»!

— Такая у нас там жизнь, деда. Все в их руках! Жаловаться некому, да и себе дороже, — по-взрослому серьезно объяснил Алеша. — У пацанов

одна возможность заработать пахать на «законников». Мне еще, считай, повезло.

— В чем повезло, если грозят, как ты говоришь, «замочить»? — не понял Артём Сергеевич.

— Они и замочат, если не выплачу штраф, который наложили за провинность, — поник головой Алеша. — А где мне взять столько бабок? Если бы я их копил! А то ведь все ушло, чтоб одеться и помочь маме с братишкой. Я у них в ногах валялся, обещал отработать, но все бесполезно. — И неожиданно добавил: — А повезло мне, деда, в том, что только пляшу на потеху гостям хозяина, а не мочу людей по его приказу. Большинство пацанов, с кем учился, подались в бандиты. И я, если б не танцевал, был бы с ними.

— Неужели это правда? Тебе что, жизнь не дорога? — не мог поверить Наумов. — Не думаю, что много твоих «пацанов» уцелело.

— Уже трое погибли, а пятеро в тюрьге, — с горечью подтвердил Алеша. — Но ведь всем хочется хорошо жить, деда. А у пацанов сейчас другой возможности нет.

Артём Сергеевич хотел было обоснованно возразить ему, но пошел сильный дождь, езда требовала большого внимания, и он решил продолжить этот разговор на даче, в более спокойной обстановке.

* * *

На даче Алеша прожил только неделю. Помог отремонтировать теплицу и поправить кирпичный цоколь дома. Но ему стало скучно. Для местной молодежи он был чужаком, и, оказалось, что в Москве у него есть знакомый парень, с которым раньше выступал в одном клубе.

— Хороший пацан и надежный друг, — тепло отозвался о нем Алеша. — Витек работает в ночном кабаке и может меня туда устроить. Но мне, деда, — понурился он, — сейчас надо заняться чем-нибудь другим.

— Боишься, что там тебя обнаружат земляки и наведут бандитов? — догадался Артём Сергеевич. — А что ты умеешь делать? Подсобным рабочим и дворником устроиться не трудно, но разве тебе это подойдет?

— Не подойдет. Даже в крайнем случае, — пренебрежительно скривил губы Алеша. — Я хоть не кончил ПТУ, но получил там профессию автослесаря и сварщика. Это дело знаю и могу прилично заработать. Только с улицы и без прописки никто на работу не возьмет.

— В устройстве я тебе смогу помочь. Поручусь за тебя мастеру

автосервиса, которого уже много лет знаю, — немного подумав, сказал Артём Сергеевич. — Но как долго ты намерен скрываться? И тебя все равно могут найти, — обеспокоенно добавил он. — Мне кажется, что это — не выход.

— А в чем выход, деда? — понуро спросил Алеша. — Мне ведь иначе — хана!

Наумов уже пришел к определенному мнению, однако сделал паузу, еще раз подумал, прежде чем дать совет.

— Жизнь и спокойствие дороже любых денег. Поэтому выход у тебя только один — отдать бандитам то, что они с тебя требуют, — убежденно сказал он. — Неважно, что это незаконно. Раз ты принял их условия, должен и отвечать!

— Но я слишком много должен, деда, — поник головой Алеша. — Мне столько не заработать. И если не затаюсь, непременно замочат.

— Это верно. Пока тебе надо, как говорится, лечь на дно, — согласился с ним Артём Сергеевич. — Но лишь до тех пор, пока не накопишь денег, чтобы отдать часть долга. А потом отошлешь их хозяину с просьбой, чтобы долг скостили, пообещаешь отдать остальное.

— Не пойдут они на это, — усомнился Алеша. — Только узнают, где я нахожусь.

— Время работает на тебя. Оно-то и сделает их сговорчивее. Особенно когда получают часть долга, — привел убедительный аргумент Наумов. — А узнать, где ты, нетрудно, раз у тебя там родные остались. Не вздумай посылать письма! — строго предупредил он. — Только звони, но не из дома.

На этом и порешили, и спустя две недели Алеша уже работал в автосервисе, куда его устроил знакомый Наумова, мастер Федор Иванович. Узнав, что парню надо отдать большой долг, он заверил, что сварщики зарабатывают у них хорошо, нужно лишь вкалывать на совесть. Однако длилось это недолго, и мастер позвонил Артёму Сергеевичу домой.

— Ну и занозу вы мне воткнули! — сердито сказал он. — Ничего не выходит у нас с вашим полудурком. Пусть уходит по-хорошему!

— А что, он напартачил? — упавшим голосом спросил Наумов.

— С этим все в порядке. И сварщик отменный, и слесарь неплохой, — ответил Федор Иванович. — Но умишком, прости меня, слабоват. Начальство потребовало его убрать.

— Начальство? А оно-то при чем? — ничего не понял Наумов. — И какой же он идиот, если хорошо показал себя в работе?

— Повел себя, как последний дурак, — возмущенно объяснил

мастер. — Нашел какие-то ошибки в расценках и обвинил бухгалтерию в обсчете. Не послушав меня, поперся к начальству. Такого у нас еще не было! И это, когда его приняли по блату, без прописки. Ну разве не идиот?

Артёму Сергеевичу ничего не оставалось, как извиниться перед мастером за свое опрометчивое поручительство. Но Алеша и не подумал оправдываться.

— Ты, деда, не представляешь себе, какая там шарага, хотя внешне выглядит очень солидно. Обманывают работяг, как маленьких! Начальство на «мерсах» разъезжает, а им платит гроши. В клубе за выступление у меня сотня баксов выходила, а тут мне и за пять лет с долгами не рассчитаться!

— Ну, как знаешь. Больше я ничего не могу для тебя сделать. Только помогу отдать долг, — рассердился Артём Сергеевич. — Устраивайся самостоятельно.

— А я уже устроился, — самодовольно заявил Алеша. — Завтра выйду на работу.

— К приятелю в ночной клуб? — неодобрительно поморщился Наумов. — А как же твое опасение, что найдут?

— Нет, в другой кабак. Им понравился мой номер, — успокоил его Алеша и, немного смутившись, добавил. — Правда, там тусуются голубые.

Артём Сергеевич был шокирован и, не удержавшись, презрительно спросил:

— Теперь тебя за плавки хватать будут педики?

— А хотя бы и так, — довольно дерзко, но с примесью отчаяния ответил Алеша. — Сам ведь сказал, что долги отдавать надо. Тем более что там меня не скоро найдут.

Возразить на это Наумову было нечего, и Алеша продолжил карьеру танцовщика в ночном клубе, хотя это было чревато опасными последствиями.

* * *

Характерным для этого времени было проникновение криминальных «авторитетов» в высшие эшелоны власти и захват ими крупных, высокорентабельных предприятий. Для этого в ход шли все средства. Но чаще всего соперников: будь то главы администрации, депутаты Думы или директора промышленных корпораций — устраняли физически. Почти ежедневно газеты и телевидение сообщали о новых громких убийствах не только в столице, но и на периферии, там, где были доходные производства.

— Что же это творится? Преступные группировки, дабы поставить у власти своих людей и завладеть самой лучшей собственностью, расстреливают и взрывают конкурентов, а власть никаких мер не принимает, чтобы защитить самоё себя? — как всегда, больше всех негодовал Царев. — Это же нонсенс! Неужто там, наверху, не понимают: криминал обнаглел настолько, что завтра доберется и до них!

Ярость Владимира Ивановича можно было понять. В северной столице бандиты взорвали машину его друга — одного из руководителей города, и тот, в тяжелом состоянии, оказался в больнице.

— Все там знают, что его «заказал» основной соперник на выборах, связанный с криминалом. На него в милиции есть богатый компромат, но она, как всегда бездействует! — кипятился Царев. — Что у нас за органы правопорядка, если они не могут защитить городское руководство?

— Такое, выходит, там руководство, раз не способно навести порядок в своих органах власти, — резонно заметил Наумов. — Рыба, известно, с головы гниет!

— А что, у нас дела обстоят лучше? — рассерженно возразил Царев. — Разве не знаешь, что покушались на жизнь вице-мэра? Почему до сих пор не нашли преступников? Думаешь, милиции и ФСБ неизвестно, кому он перешел дорогу?

— Конечно, известно! Но повсюду преступники проникли в органы власти, и они, по сути, помогают им завладеть лучшими производствами, — с горечью произнес Наумов. — Слышал о том, что произошло в Красноярском крае?

— Ты это о чем? О «Норильском никеле»? — Царев внимательно следил за текущими событиями. — Я тоже диву даюсь, как мог местный авторитет стать там во главе крупнейшего в стране комбината, производящего драгоценные и редкие металлы.

— Меня поражает другое, — возмущенно сказал Артём Сергеевич. — Как завладели — понятно. Убивали всех, кто стоял на пути. Но почему серия убийств осталась нераскрытой, и преступникам дали возможность незаконно захватить руководство комбинатом, — это необъяснимо. Если, конечно, не считать, что и прокуратура, и другие органы власти заодно с местным криминалитетом.

— Что же тут непонятного? Когда у криминала все схвачено, — мрачно усмехнулся Владимир Иванович. — Одного из организаторов этих убийств даже арестовали, но он оказался депутатом, и дело прекратили. Краевая Дума отказалась лишить его депутатской неприкосновенности.

Среди депутатов и их помощников стало все больше попадаться таких,

кто либо сам оказывался мафиози, либо был ставленником криминалитета. Об этом свидетельствовали сенсационные сообщения о расследовании их убийств или задержании при грубом нарушении ими закона или порядка. Это подтвердила и племянница Вика, ненадолго заглянувшая в Москву из Парижа, где теперь работал ее муж Николаев.

— Я так рада была повидать всех друзей и знакомых, — оживленно поделилась она со своим дядей перед отъездом. — Но уезжаю с грустным чувством из-за того, что у старого товарища Валентина, депутата Думы, большие неприятности. Ему даже грозят уголовным делом, только ничего не выйдет! Не лишат его коллеги депутатского иммунитета.

— А зря. Все должны быть равны перед законом! — несогласно качнул головой Артём Сергеевич. — Из-за этой неприкосновенности в Думе будет больше преступников, чем честных людей.

— Друг Николаева — честный человек, адвокат, — сердито заявила Вика. — Но его помощники были связаны с преступниками. Из-за этого ему вменяют, что он якобы провел выборную кампанию на их деньги и теперь лоббирует их интересы. Валя очень расстроен.

— Напрасно! Не стоит вам из-за него волноваться, — насмешливо возразил Наумов. — На то он и адвокат, чтобы защищать преступников. Уверен, что ему это удастся легко доказать. Адвокаты — те еще ловкачи.

— Все равно на Валю этот скандал бросит тень, — озабоченно сказала Вика. — Между прочим, на его место многие зарятся.

— Да уж, многие мечтают пожить в Париже, — согласился Наумов и тепло улыбнулся племяннице. — Но у них ничего не выйдет! Твой Николаев и раньше был искусным дипломатом, а теперь его уже можно считать профессионалом. Вот увидишь: выпутается ваш адвокат, и все «устаканится».

* * *

Политическая борьба обострялась. Несмотря на критическое состояние здоровья Ельцина, и предстоящую ему смертельно опасную операцию на сердце, возглавляемая коммунистами оппозиция развернула кампанию за импичмент — досрочное отстранение президента от должности.

Развал производства и постоянные задержки зарплаты, в том числе военным служащим, а также прогрессирующая инфляция привели к резкому ухудшению жизни населения. Эффективной борьбы с ростом

преступности, с коррупцией, казнокрадством и произволом чиновников, с бегством капиталов и утечкой умов за рубеж, по сути, не велось.

К этому добавились и провалы во внешней политике. Большой президент не проявлял активности в этой области, не отстаивал интересы государства и его граждан за рубежом. Допустил дискриминацию русскоязычного населения в Прибалтике, уступил Украине «город русской славы» Севастополь, не защитил от разгрома дружественный Ирак. Ходили даже слухи, что спьяну обещал японцам вернуть Курильские острова. Россия утратила авторитет и влияние на международной арене. С ней перестали считаться, как с великой державой.

Все это дало оппозиции основание обвинить президента в недееспособности и предательстве интересов России. Непримируемая критика в его адрес росла, и его отставки решительно требовали не только коммунисты, но и те, кто был за демократические перемены, даже бывшие сподвижники.

— Да, президента нам придется менять, — с сожалением признал в разговоре с Наумовым его бывший сторонник Максименко. — Ельцин уже не тянет, и нет на это надежды даже в том случае, если операция будет удачной. Он станет инвалидом, а тут и здоровому не управиться.

— Наверное, дни его сочтены, раз на нем «ставят крест» даже бывшие сподвижники, — сказал Артём Сергеевич. — Ты заметил, что демократическая пресса уже старается выдвинуть нового популярного лидера, чтобы заменить Ельцина?

— Ты имеешь в виду Новоселову? — отозвался Николай Павлович. — Она яркая личность и очень популярна. Но все же недостаточно дальновидна. Слишком рано поверила в свою удачу и излишне резко критикует правительство.

— Это почему же? — удивился Наумов. — Так ведут себя все политики, чтобы завоевать доверие народа.

— Но она поторопилась списать со счетов Ельцина, — с усмешкой объяснил Максименко. — Он и его окружение не собираются расставаться с властью. А Новоселова так бичует пороки, что становится для них опасной, — серьезно добавил он. — Боюсь, что эту восходящую политическую «звезду» они погасят, устранив физически, как и других наиболее грозных претендентов.

— Неужели и у нас возможны политические убийства? — ужаснулся Наумов. — Они же вызовут такой скандал, что не только народ отвернется от Ельцина, но и вся мировая общественность!

Его ошеломленный вид вызвал у Максименко покровительственную

улыбку.

— Не будь таким наивным! Разве их было мало при коммунистах? Вспомни об устранении соперников Сталиным. И после него опальные лидеры погибали в «автокатастрофах», — напомнил Николай Павлович и пояснил: — Спецслужбы организуют это, используя уголовников, и замаскируют, как обычно, под ограбление или «бытовуху».

Артёму Сергеевичу не хотелось этому верить, но скоро сказанное его другом подтвердилось. Новоселова была застрелена в подъезде своего дома, а убийцу так и не поймали. Был пущен слух, будто у нее имелись при себе деньги, что позволяло предположить ограбление. Но раненный при нападении ее сотрудник этого не подтвердил, а его показания следствию остались тайной. Были все основания предположить, что дело нечисто, и в нем замешаны спецслужбы.

Но особенно взбудоражило общественность убийство другого депутата Государственной думы, лидера военной оппозиции — генерала Рощина. Герой России, он возглавлял комитет и организовал движение, отражавшее недовольство армии правительством. К нему примкнули не только офицеры, месяцами не получавшие денежного довольствия. Развалом армии и падением ее престижа было озабочено и ее высшее руководство.

— Правящая хунта совсем распоясалась! Убила боевого генерала только за то, что тот справедливо агитировал военных против их воровской власти. А ты еще веришь, что с ней можно покончить демократическим путем, — гневно упрекнул Наумова Царев, как всегда, зашедший к нему, чтобы излить душу. — Нет, народу придется братья за оружие!

— Лояльная Кремлю пресса как раз и обвиняла Рощина в том, что он якобы готовил военный переворот. Но я все равно это политическое убийство считаю гнусным преступлением, — осуждающе сказал Артём Сергеевич. — Меня поразила циничная жестокость, с которой профессиональные убийцы пытаются свалить убийство на несчастную вдову генерала.

— Ты тоже считаешь официальную версию «липой»? — оживился Владимир Иванович. — Лично я убежден, что негодяи заставили ее оговорить себя, угрожая расправой с детьми и внуками.

— Это видно по тому, как быстро, без проведения должного расследования была пущена в ход эта версия, — согласно кивнул Артём Сергеевич. — Но что это за нелюди, которые, убив мужа, сажают в тюрьму еще и его ни в чем неповинную жену?

— Вот видишь! А ты все же помог им прийти снова к власти, — опять

упрекнул его друг. — Надо было послушать меня и поддержать на выборах коммунистов!

— Снова ты за свое! — рассердился Наумов. — Забыл о репрессиях 37-го? Мало, по-твоему, тогда погубили невинных? Теперь хоть есть надежда, что правду не утаят, и она выйдет наружу!

Наглое убийство честного генерала, самоотверженно боровшегося за правое дело, лишило Ельцина последних верных сторонников. Даже Полунин, доселе не изменявший своему избраннику, в разговоре по телефону сумрачно признался Наумову:

— Да уж, похоже, Ельцину пора на покой. Мне не хочется верить, что он знал об этом преступлении. Но это явно — работа спецслужб, и на нем лежит ответственность. Какого человека угрохали! Героя России! И за что? Только за то, что он, как народный депутат выполнял свой долг. А он ведь мой земляк!

— Неужели ты его знал? — удивился Артём Сергеевич.

— Его самого не очень, но отца его знал хорошо. Уважаемый был человек, они с моим батей вместе работали, — ответил Михаил Григорьевич, и с горечью добавил: — А генерала вся страна знает.

После разговора с ним Наумову стало ясно, что даже при благоприятном исходе операции на сердце Ельцину власть долго не удержать.

* * *

И все же, отважный и хитроумный политический боец, Ельцин сражался за власть до конца, и, к всеобщему удивлению, сделал очередную «рокировку». Он перевел гнев народа на автора дефолта Кириенко, сняв его с должности и назначив премьер-министром Примакова, известного всему миру сподвижника Горбачева, к тому же сочувствующего коммунистам.

— Узнаю прежнего Ельцина! Есть еще порох в пороховницах, — восхищался президентом Максименко. — Это гениально! В разгар кампании за импичмент, именно в тот момент, когда всем казалось, что оппозиция берет верх, он ставит во главе правительства, по сути, их человека!

— А что в этом хорошего? — поднял брови Наумов. — Примаков, обретя немалую власть и умея ею пользоваться, наверняка будет способствовать реставрации коммунистического режима.

— Ничего ты не понимаешь в политике. Как раз наоборот! Расчет Ельцина точен, — восхищенно объяснил ему Николай Павлович. — Став вторым лицом в государстве, Примаков постарается сохранить свой высокий пост и не допустит импичмента президента.

— Потому, что тогда падет и его правительство, — догадался Артём Сергеевич. — Но ведь, столкнувшись с коммунистами, он может интриговать против Ельцина, — с сомнением произнес он. — Особенно если задумает занять его место.

— Для президента сейчас важно избежать импичмента, и Примаков ему в этом поможет, утихомирив коммунистов, — с усмешкой ответил Максименко. — Кроме того, его правительство будет работать намного лучше. Он хороший дипломат, и доказал это, работая министром. А если начнет интриговать, то Ельцин и ему даст под зад коленкой.

— В этом я не сомневаюсь. Но неужели Примакову удастся улучшить положение в экономике после столь сокрушительного дефолта? — скептически прищурился Артём Сергеевич. — Он ведь рискует окончательно потерять свой авторитет.

— Примаков — дальновидный политик и знает, на что идет, — убежденно ответил Николай Павлович. — Раз берется тянуть этот тяжелый воз, значит, видит выход. Он сумеет уговорить Запад отсрочить долги и сумеет найти деньги на зарплату, дав по рукам казнокрадам.

— Но ведь главные из них — в окружении Ельцина. Разве президент позволит их тронуть? — усомнился Артём Сергеевич. — Откуда он возьмет столько денег, чтобы погасить огромную задолженность по зарплате?

Его вопрос вызвал у Максименко снисходительную улыбку.

— На долги денег хватит, если потрянуть лишь ворюг среднего калибра. Наш новый премьер востоковед, а всем известно, что Восток — дело тонкое. Вот он и покажет себя тонким политиком. Новоявленных миллиардеров, близких к семье президента, не тронет!

— Но без этого не поднять экономику, — упрямо возразил Наумов. — Ведь те, кто прикарманивает выручку от экспорта нефти и газа, лишают основных доходов в государственную казну! Примаков будет вынужден за них взяться, если ставит целью показать народу, на что способен. А он обещает поднять уровень жизни.

— Да, он честолюбив, и такую цель ставит, — признал Николай Павлович. — Однако тех, кому покровительствует окружение Ельцина, обойдет. Иначе ему несдобровать! Разве он похож на камикадзе?

— А мне все-таки кажется, что Примаков до них доберется. Он из тех,

кто, взявшись за дело, идет до конца, — остался при своем мнении Наумов. — Будет действовать, как ты говоришь, по-восточному тонко, чужими руками. И сможет убедить президента в том, что это необходимо для улучшения уровня жизни, которое тот обещал народу.

— В твоих словах есть резон. Ельцину очень хотелось бы войти в историю, как правителю России, который не только дал ей свободу, но и улучшил жизнь народа, — согласно кивнул Максименко и все же убежденно добавил: — Но он очень болен и не сможет противостоять алчным интересам тех, кто его окружает. А Примаков играть с огнем не будет. Он — не самоубийца!

— Вот увидишь, что я прав. Примаков всерьез взялся за дело, — упрямо стоял на своем Наумов. — Если ему удастся поднять экономику и снять с повестки дня импичмент, Ельцин позволит ему взять за жабры главных расхитителей казны. Что ни говори, но он заинтересован в выполнении того, что обещал народу.

— Нет, не осмелится он тронуть финансовых акул, связанных с окружением президента, — решительно возразил Максименко. — Даже при поддержке парламента и силовых структур, руководству которых эти хищники, как кость в горле.

Он намного лучше своего друга разбирался в политике, и его прогнозы, как правило, были точны. Однако прошло немного времени, и стало очевидно, что на этот раз именно Наумову удалось верно предугадать дальнейшее развитие событий.

Глава 12

Власть и олигархи

Приближался миллениум и вместе с ним — выборы нового президента России. Ельцину удачно сделали операцию на сердце. Но, несмотря на то что здоровье у него улучшилось, активнее его деятельность не стала, и ничего благотворного не принесла. Наоборот, финансовые аферы дельцов, связанных с его Семьей и приближенными лицами, стали еще масштабнее и принесли им баснословные богатства.

Эта узкая группа дельцов, без зазрения совести нарушая закон, благодаря ловким комбинациям на бюджетные средства приватизировала в свою пользу все высокодоходные отрасли производства. Окружение президента, участвуя в огромных барышах, по-видимому, попало в зависимость от этих новоявленных «крезов» и послушно выполняло их волю, расставляя на ключевые посты в экономике нужных им людей. По сути, они захватили реальную власть, и их в прессе стали именовать олигархами.

Как и предвидел Наумов, премьер-министр Примаков с таким положением не смирился. Поначалу он, уступая давлению окружения президента, которое в народе метко прозвали «Семьей», внешне безропотно подписывал документы о назначении ставленников олигархов. Но было похоже, что им дано задание прокуратуре собирать данные об их противозаконной деятельности. И разразились громкие скандалы. Причем заделки не «мелкую сошку», а даже олигархов, наиболее близких к Семье.

— Ну, что я тебе говорил? — торжествующе напомнил Максименко Наумов об их недавнем споре. — Наш премьер — смелый человек и терпеть тех, кто грабит государство, когда у него все еще не хватает денег на зарплату бюджетникам, не собирается. И Ельцин его в этом поддерживает. На встрече в Кремле он явно дал всем понять, что доволен Примаковым, доверяет ему и рассматривает, как своего преемника. Видно, президент благодарен ему за то, что успокоил общественные страсти и стабилизировал положение в экономике.

— Напрасно ты принял это за чистую монету, — умерил его восторг Николай Павлович. — Разумеется, Ельцин признателен ему за то, что похерил импичмент, но олигархов, которые финансируют Семью, прокуратуре не отдаст. Его посулы — коварная игра. Если Примаков вовремя не остановится, то будет претендентом не на трон, — рассмеялся

он, — а на вылет!

Однако отважный премьер-министр не остановился и, хотя делал вид, будто стоит в стороне, поощрял действия прокуратуры, и расследование финансовых махинаций олигархов втайне продолжалось. Вот почему Артём Сергеевич узнал об этом не из прессы, а от Лёли, которая прилетела из Парижа привести в порядок свои дела.

Несмотря на то что ей уже шел восьмой десяток, сестра выглядела бодрой, следила за собой и была по-прежнему элегантной. Навестив брата с женой, она вручила им привезенные подарки, красочно описала парижскую жизнь, а потом сообщила сенсационную новость:

— У вас здесь почему-то молчат, а на Западе только и говорят о том, что мы наконец-то начали бороться с коррупцией и отмыванием «грязных» денег. Там возмущены, что Россия клянчит у них займы и отказалась оплатить долги в то время, как в зарубежные банки поступают многие миллионы долларов на личные счета олигархов и высокопоставленных чиновников. Пресса одобряет действия нашего правительства и приводит списки этих лиц, среди которых есть громкие имена. Какой скандал!

— Ты считаешь, что этому можно верить? Пресса приводит доказательства? — усомнился Артём Сергеевич. — Очень похоже на то, что подброшен «липовый» компромат теми, кому надо опорочить конкурентов. Откуда они его взяли? Банки обязаны хранить тайну вкладов.

— К сожалению, это — позорная правда, — с огорчением ответила Лёля. — Газеты приводят просочившиеся в печать данные следствия. Оно ведется прокуратурой Швейцарии по запросу из Москвы. Да и фигуранты такие, что поверить можно.

— Ну и кого зацепили? — с любопытством спросил Артём Сергеевич.

— Список большой, но достаточно привести двоих. В отмывании «грязных» денег обвиняют завхоза Кремля, который перевел туда миллионы долларов, полученных за предоставление выгодных подрядов. Разве это не правда? — возмущенно заключила Лёля. — Ведь известно, сколько построено шикарных резиденций для Ельцина. И как много потрачено на ремонт Кремля, а также Белого дома, после обстрела танками. И каким огромным бывшим партийным хозяйством сейчас он заведует, доходы от которого никем не контролируются.

— А я и не знал, что у завхоза Кремля такие колоссальные доходы, которые разбазариваются и «утекают» за границу, — удивился Наумов: — И это в то время, когда нечем платить грошовую зарплату врачам и учителям. Непростительно! — И поинтересовался: — А кто же второй?

— Это всем известный своими махинациями и близостью к Кремлю

олигарх Осинский. Он «прославился», еще когда обманул массу вкладчиков, обещая создать дешевый народный автомобиль, — презрительно усмехнулась Лёля. — А сейчас его обвиняют уже в том, что через подставных лиц присвоил миллионы валютной выручки транспортных предприятий, и «отмыл» их через офшоры. — Но главную сенсацию сестра оставила напоследок. — И вся эта шумиха, как считает мой зять, окончится ничем. — Заключила она, многозначительно взглянув на брата. — Потому что в списках тех, кому открыты счета в швейцарских банках, фигурируют не только дочери президента, но и он сам!

* * *

Правдой было то, о чем сообщила сестра, или нет — Наумов не знал, но ему уже стало ясно, что у узкого круга нечистых на руку ловкачей сосредоточились огромные капиталы, которые ими используются не столько для личного блага, сколько для захвата через подставных лиц ключевых позиций в основных органах и структурах государственной власти. И в первую очередь, пользуясь поддержкой Семьи, в средствах массовой информации.

Почему приоритет ими отдан приобретению телевизионных и радиоканалов, влиятельных газет и популярных журналов, Наумову объяснил постоянно вращавшийся в этих кругах Царев. Они встретились, заранее созвонившись, около метро, чтобы вместе сходить в ВВЦ и прицениться к компьютерам. Для Артёма Сергеевича этот вопрос был не актуален, и он просто составил компанию другу, которому потребовалось купить новый.

Они не спеша шагали по широкой аллее от центрального входа вглубь выставки. Весна уже вступила в свои права. Журчали ручьи. Ярко и повесенному радостно светило солнце. Но на душе у обоих было сумрачно. Среднего роста и крепкого сложения Наумов внешне сохранял спокойствие, а высокий и тонкий Царев выглядел хмурым и больше, чем обычно, сутулился.

— Ну, чего так насупился? Боишься, денег не хватит для того, что надо? — пошутил Артём Сергеевич, чтобы развеять мрачное настроение.

— Покупать я сегодня ничего не собираюсь, — ответил Владимир Иванович. — Хочу ознакомиться с лучшими образцами и посоветоваться со специалистами. А хмурюсь из-за дочери. Совсем она онемечилась! Сомневаюсь, что ее дети будут говорить по-русски.

— Брось расстраиваться! Когда у нее появятся детки, то своих внучат законно можешь считать русскими, если даже формально будут числиться немцами, — пролил бальзам ему на рану Наумов. — А мать научит их говорить по-русски.

— Да и станут они на своем родном языке разговаривать, как иностранцы. С ужасным акцентом, — горестно покачал головой Царев. — Как приезжие русские эмигранты, всякие там князья и аристократы, выросшие на чужбине.

— Ну и что? Твои внуки тоже будут аристократами. Я слышал, бабушка у них баронесса, — постарался поднять настроение другу Артём Сергеевич. — Главное — это, чтобы они знали свои корни и сохранили русскую Душу.

Однако Владимир Иванович был неутешен.

— Вот именно — душу! Но ее-то они и не сохраняют, раз даже моя дочь уже превратилась в немецкую фрау, — с убитым видом махнул рукой он и, загораясь гневом, повысил голос: — В этом виновато правящее нами ворье, из-за которого наша молодежь ищет счастье за рубежом и, в первую очередь продажные средства массовой информации.

— Ну а СМИ-то при чем? — непонимающе взглянул на него Артём Сергеевич. — Разве они призывают молодежь эмигрировать за границу?

— Ты разве не читаешь газеты и не видишь, что показывают на экране? — с горечью ответил Царев. — Ведь чернуха, которой переполнены страницы прессы и передачи телевидения, убеждает молодежь в том, что жить у нас невозможно. А обилие фильмов и передач о том, какая красивая и богатая жизнь на Западе, довершает духовную деградацию и утрату патриотизма у нашего молодого поколения.

— Опять ты за свое, — с досадой прервал его Наумов. Думаешь, это делается целенаправленно силами, мечтающими уничтожить Россию? И снова станешь утверждать, что в СМИ засели агенты влияния, купленные ЦРУ?

— Нет, не стану. Хотя таких там тоже хватает, — мотнул головой Царев. — Погоду в СМИ делает креатура наших внутренних предателей.

— Это что-то новенькое. Объясни, пожалуйста, — со скептическим видом попросил Артём Сергеевич, — кто у нас изнутри подрывает мораль общества.

— Кто? Новоявленные олигархи, — убежденно ответил Владимир Иванович. — Они фактически завладели всеми СМИ — будь то пресса, радио или телевидение. Для того чтобы в своих целях манипулировать общественным мнением.

— Допустим. Но зачем им разлагать нравственность и разводить чернуху, а с ней недовольство народа? — недоуменно посмотрел на него Наумов. — Зачем усиливать бегство за рубеж талантливых людей и тем более молодежи? Ведь они, эти олигархи, сейчас фактически правят страной.

— А затем, что сейчас царящий у нас бардак им на руку. Умные талантливые люди им здесь только мешают. И недовольную молодежь лучше сплавить подальше, так как ее может использовать оппозиция для массовых акций протеста, — с горечью объяснил Царев. — И все это делается потому, что они еще не все прибрали к рукам, и пока им порядок в стране не нужен.

— Неужто еще не все ценное разворовали? — искренне удивился Наумов. — Мне казалось, что уже начался разбойничий передел награбленного.

— Ты забыл про землю! Это — огромное богатство, которое еще не разошлось по рукам, — открыл ему глаза Царев. — И пока оно не обретет хозяев, будет продолжаться оболванивание народа, чтобы поставить «дымовую завесу» и отвлечь внимание людей, пока их будут грабить. — И с усмешкой добавил: — Наши олигархи не зря захватили в свои руки СМИ. Они же все — бывшие коммунисты. Помнят, чему учил Ленин. А теперь не только газеты — наш «массовый агитатор». Еще имеется радио и телевидение. Это и могучее средство воздействия на общественное мнение, и дубина для расправы с политическими противниками.

* * *

Вскоре сказанное Царевым нашло подтверждение, когда дубина компромата с помощью СМИ обрушилась на генпрокурора Столетова, осмелившегося выступить против олигархов. Его энергичные действия по расследованию «утечки» капиталов за рубеж и уголовные дела, начатые против чиновников, за которыми стояли связанные с Семей олигархи, прямо указывали на то, что генпрокурор заручился поддержкой премьер-министра. И подконтрольные олигархам СМИ начали кампанию по дискредитации Столетова, не решаясь на первых порах тронуть главу правительства.

Удар, нанесенный генпрокурору, был сокрушительным. В газетах появились сообщения, а по телевидению даже документальные кадры о том, как он распутничает с проститутками. И сам этот компромат был

добыт незаконным путем, и его достоверность вызывала сомнение. Однако в Кремле на это «не обратили внимания» и без доказательств вины Столетова поспешили заявить, что он утратил моральное право возглавлять прокуратуру.

О том, как была осуществлена эта провокация, Артём Сергеевич узнал на даче, в гостях у своего друга Кругаля. Эдуард Викторович с женой Татьяной пригласили его и Варю в субботу к себе, на барбекю. Раньше они, бывая по выходным друг у друга, жарили шашлыки. Но, съездив к сыну в Америку, привезли оттуда доселе малоизвестную «барбекюшницу», заменившую привычный мангал, и теперь баловали друзей вкусно приготовленным мясом.

Жена Кругаля, носившая девичью фамилию Сорокина, обладала разносторонними талантами. Она была доктором медицины, автором многих лекарств, профессором, но и свой сад с помощью мужа содержала в образцовом порядке. Их цветники, роскошные газоны и декоративные кустарники были на зависть соседям. Трудолюбивая, как пчелка, Таня всегда была чем-то занята, и даже на даче находила время посидеть за компьютером. Вдобавок ко всем достоинствам она была отличной хозяйкой.

— Ну и вкусно же ты пожарила бифштексы. Пальчики оближешь! — похвалила ее Варя. — У меня так не получается.

— Танюша — специалист по стейкам, — довольным тоном сказал Кругаль. — Даже там, в Штатах, все это отметили.

— Ну вот, вы совсем американизировались, — шутливо заметил Наумов. — Это правда, что жизнь у них так хороша? Наверно, действительно так, раз сын не хочет домой возвращаться.

— Положим, не хочет возвращаться в основном из-за того, что дома платят копейки, — печально ответил Кругаль. — А там, хоть и не признают его докторский диплом, получает столько, что уже успел купить собственный дом. И живут чисто, красиво. Власти заботятся о порядке и соблюдении закона. Во всяком случае, на Юге, где они поселились, нет такого жуткого бардака, как у нас, когда честного прокурора ошельмовали за то, что попытался схватить за руку ворюг.

— Ты думаешь, что компромат на Столетова сфабрикован? — удивился Артём Сергеевич. — Видеокадры показывали по государственному каналу телевидения!

— Как раз это больше всего убеждает, что провокация против него — дело рук спецслужб и затеяна, чтобы снять неугодного генпрокурора, — объяснил Кругаль. — Иначе бы незаконный и непроверенный компромат не

появился ни на одном канале. И у меня есть достоверная информация, подтверждающая это.

— Откуда? — не поверил Наумов. — Такие вещи держатся в тайне.

На это Кругаль лишь снисходительно усмехнулся.

— Будто не знаешь, что все тайное становится явным. Рано или поздно эта клевета на Столетова будет разоблачена, — убежденно сказал он. — А то, что видеопленка — «липа», я узнал от друга, который работает в ФСБ.

— Ну и что рассказал тебе друг? — с интересом спросила Варя. — Как же сумели так снять прокурора? А может, там и не он вовсе?

— Сняли скрытой камерой в сауне. Сейчас такой отдых очень популярен, особенно у элиты. Но в основном пленка сфабрикована путем ловкого монтажа, — объяснил Эдуард Викторович. — Спецслужбы прекрасно это умеют делать.

— Тогда эта фальсификация будет разоблачена, — выразил уверенность Артём Сергеевич. — Генпрокурор им еще покажет, что он — не «мальчик для битья»! В его силах призвать к ответу этих негодяев.

Однако он ошибся. Несмотря на мощную поддержку, оказанную Столетову обеими палатами парламента, которые упорно не давали согласия на снятие его с должности, окружение Ельцина все равно отстранило генпрокурора, в обход закона, от работы. Фальшивый компромат сделал свое черное дело, опорочив его в глазах общества. СМИ помогли олигархам взять над ним верх.

* * *

Возмущенный незаконным отстранением генпрокурора, Наумов с утра сел за сочинение большой статьи в защиту Конституции, которую надеялся опубликовать в оппозиционной газете. Он уже ее закончил, когда жена сообщила:

— Звонила Валечка Максименко. Пригласила на субботу с ночевкой к ним в Мамонтовку. Особняк уже готов, и они туда переехали. Это еще не новоселье, — пояснила она. — Просто хотят его показать. Представляю, какая там роскошь!

— Да уж, можно себе представить. Я видел проект, и такой особняк на пол-лимона «зеленых» потянет, — сказал Артём Сергеевич и удивленно добавил: — Сколько же надо иметь денег, чтобы содержать огромный загородный дом?

— Я рада за Колю и Валечку, что они достигли богатства и вышли на

новый уровень жизни, — высказала свое мнение Варя. — Но не кажется ли тебе, что как-то неловко так хорошо жить, когда кругом люди бедствуют?

Артём Сергеевич был с ней согласен. Повсеместно народ все больше нищал, а олигархи наращивали свои капиталы, и росло число тех, кто разбогател и кого окрестили «новыми русскими». Этот стереотип обозначал нувориша с криминальной окраской.

— Ты права! Повсюду бюджетникам задерживают зарплату, стучат касками голодные горняки, жители поселков без света и отопления — перекрывают железные дороги и автомагистрали. И в то же время растет число дворцов, шикарных магазинов и дорогих иномарок. — И с горечью добавил: — Когда большинству нечем кормить детей, не очень-то хорошо строить особняки, есть деликатесы и купаться в роскоши.

— Выходит, надо отказывать себе, если другим недоступно? — усомнилась все же Варя. — Но ведь жизнь, Тёмочка, только одна. — Задумавшись, она помолчала и, как бы подводя итог, сказала: — Это хорошо, что растет число богатых людей. Благодаря им Москва стала еще краше — так много построено ультрасовременных зданий, и отлично выглядят даже старые дома, которые обрели хозяев.

— Что правда, то правда, — согласно добавил Артём Сергеевич. — Даже в умиравших деревнях появилось много добротных домов, не считая хозяйственных построек фермеров и богатых коттеджных поселков. — В глазах у него зажглись огоньки любопытства — Интересно будет взглянуть, что там за дворец отгрохал себе Никола!

* * *

Субботняя поездка в гости к Максименко лишний раз показала Наумовым, как резко выделяется благополучие «новых русских» на фоне бедности остальной части населения. Вдоль всего Ярославского шоссе до места, где находилась новая резиденция их друзей, виднелись коттеджные поселки, поражающие своей роскошью и причудливой архитектурой. А среди массы бедных домишек в окрестных деревнях резко выделялись новые здания, мало чем уступавшие богатым коттеджам. Но особенно резко контрастировало великолепие вновь выросших особняков с нищетой и обветшалостью старых построек в дачном поселке Мамонтовке.

Трехэтажный особняк Максименко был самым большим и красивым среди нескольких других, построенных на краю старого, еще довоенного дачного кооператива. Украшенные резными наличниками деревянные дома,

считавшиеся когда-то роскошными, теперь пришли в упадок и выглядели жалкой рухлядью на фоне новеньких зданий ультрасовременной архитектуры, защищенных высокой глухой оградой и автоматикой.

Коттедж из светлого кирпича с черепичной крышей и массивными трубами каминов расположился на вершине косогора, и сад спускался уступами к оранжерее и солидной бревенчатой бане. В доме сверкал лаком паркет и сияли бронзовые детали отделки. Внизу были просторный холл, гостиная с зимним садом, столовая и кухня, комнаты прислуги и гараж. На втором этаже — спальни с джакузи и над гаражом — кабинет хозяина. На каждом этаже имелись санузлы, а на третьем, в огромном мезонине, находились бильярдная и тренажеры.

— Ну, Коля, твоя новая резиденция достойна президента крупной страховой компании. Думаю, не хуже, чем у твоих зарубежных коллег, — похвально отозвался о доме Наумов, когда, закончив осмотр, они играли в бильярд в ожидании обеда. — Не пойму лишь, почему у тебя вид хмурый. В таком роскошном доме только жить и радоваться! Уж не потому ли, что обыгрываю? — пошутил, с усмешкой взглянув на друга.

Хотя ему теперь редко доводилось играть в бильярд, былая сноровка не исчезла, и прицел оставался метким. Как-никак, в войну он в партизанском спецдоме даже был чемпионом. И сейчас вел в счете.

— Ну, кто кого обыгрывает, это еще будет видно. Я уже неплохо натренировался, — улыбнулся Николай Павлович. — А хмурюсь оттого, что не повезло с соседями. Ведь нам теперь тут жить. — Артём Сергеевич лишь удивленно поднял брови, и он объяснил: — Тяготит недоброжелательность хозяев старых дач, они, как ты понимаешь, нам завидуют. Но главное — нет добрососедства с владельцами, которые живут рядом. В общем, все бы хорошо, но место выбрано неудачно! Тебе это должно быть понятно, поскольку на вашей даче вас окружают друзья.

— Но что тогда заставило тебя обосноваться здесь? — пожал плечами Наумов. — Ты ведь на эту стройку потратил уйму средств и сил!

— Потому и настроение портится, — с кислым видом ответил Максименко. — Меня строить здесь, с ним за компанию, уговорил мой главный партнер по бизнесу, к тому же ставший моим родственником. Это на его дочке женился мой родной племянник Степан.

— Тот, что крупно проигрался и был вынужден уехать? — припомнил Наумов. — И это вас поссорило?

— Если бы только это. Шалопут развелся с его дочерью, и теперь не только испорчены наши отношения с соседом, — с горечью признался Максименко, — но моей сестре даже не показывают ее внука!

— Ну а с другим соседом из-за чего не ладите? — спросил Артём Сергеевич, чтобы не вдаваться в огорчительную для него проблему.

— Другие соседи — это его друзья. Мы их раньше не знали, — нахмурившись, объяснил Николай Павлович. — Они оказались заносчивыми и к тому же хамами. Уезжая, выпускают огромную овчарку, которая способна перемахнуть через разделяющую нас ограду. Никакие просьбы и увещевания на них не Действуют. — Он замолчал, натирая кий мелом, и угрюмо заключил: — Вот так и живем. Во враждебном окружении. Ладно, как-нибудь справимся с этой проблемой, — встряхнулся, словно сбрасывал ее с плеч. — Пойдем-ка чего-нибудь выпьем! Закончим партию после обеда. Не то совсем настроение испортится. Не люблю проигрывать!

* * *

Семейные проблемы, посущественнее тех, что досаждали Максименко, возникли также и у Наумовых. Главная из них касалась матери Вари — Анфисы Ивановны. Она уже давно была на пенсии и одиноко жила в своей кооперативной квартире на окраине Москвы. У них бывала редко, предпочитая совершать прогулки в лесопарке поблизости от дома. Проблема возникла из-за того, что она очень плохо питалась.

— Мама ужасная лентяйка и не любит готовить, — объяснила Варя причину, по которой та голодает. — На работе ходила в столовую, а дома ела всухомятку.

— Но Анфиса Ивановна говорит, что ей не хватает пенсии, — возразил Артём Сергеевич. — И холодильник, когда прошлый раз к ней заезжали, был пуст.

— Денег у нее мало, но она их почти не тратит, так как ленится ходить на базар и в магазины. Ест все, что придется, даже несвежее, — посетовала жена. — Не знаю, как быть. Не можем мы все время возить ей еду!

Они два раза в неделю привозили сумки с продуктами. Заодно Варя прибирала в квартире, так как Анфиса Ивановна ленилась делать и это, наверное, потому, что кроме дочери и зятя, никто ее не посещал. С соседями она всегда скандалила, и из-за вредного характера не пользовалась уважением сослуживцев.

— Конечно, так дальше продолжаться не может, — согласился с женой Наумов. — Ты не в силах готовить на два дома. И еженедельно мотаться туда и обратно. — Он помолчал, размышляя, и предложил: — Раз на твою

мать нельзя повлиять, чтобы заботилась о себе сама, давай ее заберем! Переселимся в гостиную, а ей отдадим спальню. Тебе станет легче.

— Это невозможно! Она отравит нам существование, — решительно возразила Варя. — Ты не знаешь моей матери. Вместе с ней жить нельзя.

— Как ты можешь так говорить о матери, — упрекнул ее Артём Сергеевич. — Она вредновата, но будет жить фактически отдельно. Мы купим второй телевизор, и можем с ней не общаться. И потом, я не вижу другого выхода.

— А ты забыл, как ненавидели ее соседи? Убить были готовы, — со слезами на глазах напомнила ему Варя. — Она меня, да и тебя, в гроб вгонит!

Артём Сергеевич все это помнил и все же понять жену не мог.

— То соседи, а мы — ее родные, и не можем бросить одиноко погибать в своей квартире, — сказал он укоризненно. — Твоей маме уже девятый десяток, и, если что случится, помочь некому.

— У матери железное здоровье, и она еще нас переживет, — всхлипнула Варя. — Ты же не хочешь, чтобы наша жизнь превратилась в ад?

— Конечно, не хочу. Давай немного подождем, — сдался Наумов. — Думаешь, мне охота тесниться? Но бросить ее мы не можем. Если станет хуже, то заберем.

Другая проблема, внесшая напряженность в их взаимоотношения, возникла из-за Алеши и Танечки, двоюродной племянницы Вари, приехавшей на учебу. Артём Сергеевич знал ее еще маленькой, когда гостила у них с родителями. А теперь это была высокая большеглазая девушка, умненькая и деликатная. Она сразу пришлась ему по душе, а Варя привязалась к ней, как к дочери.

Танечка училась в Твери и приезжала оттуда в выходные дни и праздники на электричке. Послушная и ласковая, она помогала Вале по хозяйству, делилась с ней сокровенным, как с матерью, и Наумов вскоре заметил, что жена ее любит больше других родственников. Она им всегда помогала, но для Танечки готова была сделать все.

Артём Сергеевич был с ней солидарен, но его заботило и будущее Алеши, от которого не было вестей, пока он неожиданно не позвонил по телефону.

— Выручай, деда! Мне срочно требуется двести баксов. Можно «капустой», — как всегда, с ходу выложил он, что ему надо. — Так ты вышлешь?

— Хочу знать, на что они понадобились? — вместо ответа задал

вопрос Артём Сергеевич. — Это все еще тот долг? Тебя снова грозят убить?

— Нет, с ним я уже расквитался, — не без гордости сообщил Алеша. — Эти мне нужны, чтобы закосить от армии, — со смешком пояснил он. — На отмазку.

Его легкомысленный, нахальный тон покоробил Наумова.

— А почему ты решил, что я тебе в этом помощник? — ответил он, еле сдерживая гнев. — Презираю тех, кто увиливает от выполнения своего мужского долга. Мне бы и в голову не пришло, как ты выразился, «закосить» от армии!

— Ты, деда, служил в другой армии, — возразил Алеша. — В ней не было такого бардака и дедовщины. Ты же не хочешь, чтобы я там убил сослуживцев или повесился сам? А я не дам над собой издеваться!

— Значит, правду говорят, что за взятку можно «отмазаться» от военной службы, — удрученно произнес Артём Сергеевич — А я считал это клеветой на армию.

— Ну и зря, деда. Сейчас все это знают, — насмешливо ответил Алеша. — У нас даже есть такса за отмазку, которую установили армейские шкурники.

Теперь Наумов уже не сомневался в том, что это позорная правда. И все-таки совесть не позволяла ему выполнить просьбу «сибирского внука».

— Нет, поощрять взяточников в погонах я не буду. Хотя и понимаю теперь, почему молодежь «косит» от службы, — с горечью сказал он Алеше. — Единственно, чем могу помочь, — это устроить тебя здесь на работу в оборонку, чтобы дали отсрочку. Если не сможешь то же сделать у себя, вышлю денег на дорогу.

Артём Сергеевич положил трубку, и у него был такой хмурый вид, что это заметила вошедшая Варя.

— Кто звонил? — встревоженно спросила она. — Дурные новости?

— Ничего хорошего, — ответил он. — Это Алеша. Его в армию призывают.

— А что плохого? Его там человеком сделают, — небрежно бросила Варя. — И вообще, чего ты так близко к сердцу его дела принимаешь?

Сказанное, а вернее, ее тон, больно задела Наумова.

— Как же мне не переживать за него? — сердито ответил он. — Тебя же заботят Танечкины дела.

— Тоже сравнил, — пожал плечами Варя. — Танечка моя племянница. Близкий нам человек. А кто тебе Алеша? Ты же не признал Лену дочерью.

— Как ты можешь... говорить такое... — аж задохнулся от возмущения Наумов. — Ты ведь хотела усыновить его после рождения! А теперь он для тебя никто?

Он вскочил с места и возбужденно заходил по комнате. Варя испуганно смотрела на мужа, не понимая, что с ним происходит. Так же внезапно Артём Сергеевич остановился.

— Оставь меня, а то могу наговорить лишнего, — хмуро бросил он ей, с трудом сдерживая гнев. — Мне надо доработать статью и отвезти к редактору.

Никогда еще Артём Сергеевич не испытывал к Варе такого отчуждения. Надутый вид жены тоже свидетельствовал о том, что его слова ее сильно задели и размолвка на этот раз обещает быть серьезной.

* * *

Статья Наумова, в которой он обвинял власть предрержащих в моральном разложении общества, как главной причине всех постигших его бед, была опубликована в центральной оппозиционной газете народно-патриотических сил и вызвала бурю откликов. В редакцию газеты его привел сотрудничавший в ней Царев и, хотя это издание придерживалось националистических взглядов, коих в статье не было, ее сразу дали в очередной номер из-за острой и обоснованной критики власти.

— Ну, ты и молодчина! Редакция в восторге, а главный просил меня передать тебе благодарность, — довольным тоном сообщил другу об успехе его статьи Владимир Иванович. — Читатели засыпали их одобрительными письмами, а противники уже дали злобные отклики. Это повысит тираж газеты!

— Поблагодари его от моего имени за то, что дал довести до читателей соображения, которые не решились опубликовать другие, — ответил Артём Сергеевич. — Побоялись критиковать телевидение за «рекламный террор» и оболванивание людей разными шоу и азартными играми, за пропаганду насилия и бездуховности. А мои требования по выплате гражданам доли от эксплуатации естественных богатств страны отклонили начисто.

— Теперь убедился, что мы одни стоим на страже интересов русского народа, — подхватил Царев. — А другие продают их. Остальные крупные газеты куплены олигархами. Они никогда не поместят не только предложения отдать что-то народу, но и твои обвинения насчет «прокручивания» бюджетных денег, так как на этом наживаются их же

банки.

— Но газета станет лучше и популярнее, если будет отстаивать интересы не только русских, но и других граждан федерации, — заметил Наумов. — И потом, я не верю, что олигархи так уж заинтересованы в «прокручивании» казны, из-за которого повсюду задерживают зарплату и происходят массовые протесты. Ведь у них и без того колоссальные доходы!

— Ты не представляешь патологическую жадность и бездушие этих людей, — с ненавистью произнес Царев. — Они подгребают под себя что только могут. А народ считают быдлом, которое все вытерпит.

В том, что его друг прав и статья задела интересы очень влиятельных сил, Наумов убедился, когда раздались телефонные звонки с угрозами. В течение недели они беспокоили их с Варей днем и ночью. «Советы», которые давали ему, сводились к следующему:

— Сиди, старик, на печи и не лезь туда, куда тебя не просят. Тогда спокойно доживешь свой век. Не будоражь народ! Ишь, какой оракул нашелся.

Варе же «доброжелатели» рекомендовали:

— Посоветуйте мужу заниматься своим делом. Он у вас — большой ученый, а политика — дело грязное. Не будет в нее лезть — вы в безопасности. Если не послушается — пеняйте на себя!

Но Наумов был не робкого десятка, и эти звонки лишь еще сильнее его «заводили». Его аж трясло от негодования.

— Им меня не запугать! — решительно заявил он Варе. — Эти шакалы, наверное, судят о людях по себе. То, что я растревожил осиное гнездо, свидетельствует о необходимости довести мои предложения до сознания народа. Они этого как раз и боятся!

— Это верно, дорогой, — согласилась жена, но удрученно добавила: — А раз так, то они постараются заставить тебя молчать. Ты осознаешь эту опасность?

— А как ты думаешь? Конечно, — подтвердил Артём Сергеевич. — Но кто тогда встанет на пути у негодяев, если все будут их бояться? Мне же не так страшно, как другим. Моя жизнь фактически прожита.

— Что такое ты говоришь? — запротестовала Варя. — Жизнь еще принесет нам много радости! Мы разве не отправимся в круиз вокруг Европы?

— Обязательно отправимся, когда получу гонорар за французский перевод книги. А мне вот-вот его выплатят, — успокоил жену Наумов. — Помирать я еще не собираюсь, но и сдаваться тоже. Не так страшен черт,

как его малюют!

— Тогда я извещу Мишу, что мы составим им компанию, — обрадовалась Варя. — А то они уже собрались подавать документы без нас. Раз ты, дорогой, твердо решил ввязаться в эту драку, нам тем более необходимо укрепить здоровье и запастись положительными эмоциями.

* * *

Зима в том году была холодной, и поэтому казалась особенно долгой. Апрель тоже не радовал хорошей погодой, и, отправляясь в долгожданное путешествие вместе с Полуниными, Наумовы заранее предвкушали удовольствие от посещения Южной Европы, где уже было солнечно и жарко. Но поначалу их ожидания не оправдывались.

Калининград, откуда отплывал круизный лайнер «Астра-2», встретил путешественников пронизывающим штормовым ветром. Было пасмурно, холодно, и моросил дождик. В путь отправились с большим опозданием из-за того, что многочисленную группу пассажиров не сажали на теплоход по вине турфирмы, которая вовремя не произвела оплату. В результате было нарушено расписание прохода через Кильский канал, и капитан отменил заход в порт Гамбург.

Однако плохое настроение пассажиров из-за плохой погоды и этих накладок улетучилось благодаря комфортному отдыху на корабле, еще до прибытия в Амстердам, знаменитый своими каналами и «Улицей красных фонарей». И впечатления от этого портового города, который справедливо считался голландской Венецией, превзошли все ожидания.

— До чего же красив, богат и благоустроен этот город, — восхищенно сказала Варя, когда их группу повезли на катере по каналам на экскурсию. — Не правда ли, он выгодно отличается от Венеции ухоженностью и прекрасным состоянием домов?

— И не только этим, — согласился с женой Наумов. — Ты заметила, какая чистая вода в каналах? Видишь, сколько людей ловят рыбу?

Поразило их в Амстердаме и невиданное доселе количество велосипедов, которыми предпочитало пользоваться местное население и, разумеется, «Улица красных фонарей». Этот квартал, протянувшийся вдоль канала в центре города они посетили самостоятельно, уйдя с корабля вместе с компанией любопытных после полуночи. Их друзья Полунины, умаявшись после дневной экскурсии, рано легли спать.

Несмотря на позднее время, набережная и примыкающие к ней улочки

были запружены местными жителями и туристами. Было многолюдно, но толпа вела себя пристойно, и не возникало никаких эксцессов. Так же, как и в Брюсселе, проститутки сидели и стояли, поигрывая бедрами, в витринах домов. Поражало лишь огромное количество как «живого товара», так и сексшопов с шокирующими порнографическими муляжами и действующими моделями.

— Ты посмотри, какие они красотки, и почти все молоденькие! — с блеском в глазах отметил Наумов. — И такса меньше, чем в Москве. Всего полтинник!

— А ты откуда это знаешь, старый распутник? — шутливо спросила жена, но было заметно, что она немного ревнует. Несмотря на почтенный вид и наличие спутницы, «жрицы любви» делали ему приглашающие жесты.

— Кто же в Москве этого не знает. Проституток понаехало столько, что предложений хоть отбавляй, — с усмешкой взглянул на нее Артём Сергеевич. — Но я и в молодости брезговал шлюхами, а сейчас тем более. Слишком стар!

— Не пудри мне мозги, — рассмеялась Варя. — Будто я не вижу, как ты на них смотришь. Вот как раз старым и подавай молоденьких!

Если Амстердам им очень понравился, то столица Голландии немного разочаровала своей обыденностью. В Гааге во всем ощущались благоустроенность и богатство страны, но и только. Зато, когда возвращались в Амстердам, большое впечатление произвели прекрасные песчаные пляжи, которые тянулись вдоль всего побережья.

Наумовы никогда не были в Англии. Они давно мечтали увидеть Лондон, но не считали его лучше Парижа, и потому впечатление превзошло все ожидания. Этот огромный мегаполис был не только необычайно величественным со старинным Тауэром, Вестминстерским дворцом и «Биг Беном», с современными офисами делового Сити и знаменитыми мостами, площадями и памятниками. Здесь царила атмосфера доброжелательности и гостеприимства, что поражало, ибо британцев привыкли считать холодными и чопорными.

— Вот уж не думал, что в Лондоне жить приятнее, чем в Париже, — удивленно заметил Артём Сергеевич. — Здесь полно разноплеменного люда, и англичане относятся к иностранцам получше, чем французы.

— Я тоже обратила на это внимание, — подтвердила Варя и с усмешкой добавила: — Недаром здесь подолгу жили Карл Маркс и Ленин. Даже Герцен.

В столице Великобритании они пробыли один день, но, отплывая от

белых скал Дувра, остались довольны, что повидали главные достопримечательности Лондона, включая всемирно известный музей мадам Тюссо. И самое большое впечатление на них произвели не восковые фигуры, среди которых был даже Гитлер, а поездка в открытых вагончиках по подземелью, где манекены, как живые, показывали исторические сцены казней и прочие ужасные зрелища.

Дальнейшее плавание было чудесным. Когда подошли к берегам Франции, установилась теплая солнечная погода, и уже можно было загорать и купаться в бассейне. В Гавре царило лето, и на экскурсии туристы отправились налегке. Многие, в том числе и Полунины, укатили в Париж, но Наумовы предпочли съездить в долину Луары, где было множество средневековых замков.

В Португалии самым интересным, конечно, явилось посещение ее столицы — Лиссабона. Старинный, когда-то богатейший город был очень красив, в чем они убедились, совершив пешую прогулку по узким средневековым улочкам и глядя на его панораму с самой высокой точки. Однако наибольшее впечатление у них оставила экскурсия на Кабо Рока — самый западный мыс Европы. Стоя на краю обрыва, с которого открывался вид на безбрежный океан, обдуваемые ветрами Атлантики, туристы испытывали таинственный магнетизм, позвавший в далекий путь Васко да Гама и других отважных мореплавателей.

В Испании, не считая Кадиса, куда зашел их круизный лайнер, они побывали только в одном крупном городе — Севилье, но впечатление осталось ярким и незабываемым. Этот город сплошных дворцов утопал в цветах и пышной тропической зелени. Разочаровала Наумова лишь речка Гвадалквивир, оказавшаяся весьма невзрачной. Он с детства представлял ее иначе, помня слова известного романса: «Ночной зефир струит эфир... шумит... Гвадалквивир».

Конечным пунктом круиза был испанский остров Пальма-де-Мальорка. Этот мировой курорт напоминал Сочи, но располагал международным аэропортом, превосходящим даже московские. Городок ничем особым не отличался, кроме старинной крепости на вершине невысокой горы, и запомнился невыносимой жарой и тем, что они с Полуниными целый день, почти до вылета, купались в море, которое у берегов этого острова было на редкость соленым.

После наполненных ветром морских переходов и изнуряющей жары острова Пальма-де-Мальорка неспешные прогулки по тенистым березовым рощам вокруг дачного поселка доставляли Наумовым особое удовольствие. «Тихая охота» по-прежнему была страстью обоих, в июне уже появились первые грибы-колосовики, и в субботу они решили обойти знакомые опушки, так как сосед, тоже заядлый грибник, набрал накануне два десятка белых.

— На неделе люди находили и побольше моего, — сообщил он им, когда разгружали машину. — Но уже вокруг все вытоптали. Вы вряд ли чего отыщете.

Наумовы на это лишь улыбнулись, так как были уверены: если еще растут колосовики, то пустыми домой не придут. Они знали все места, где попадались белые грибы. А про Варю шутили, что она может их найти даже под землей. И на этот раз, походив пару часов по лесу, сумели набрать полные корзинки. Белых было всего около десятка, зато крупные и не червивые. И нашла их все Варя. Но Артём Сергеевич тоже внес свой вклад, отыскав в высокой траве большую колонию лисичек.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда, подустав, они решили передохнуть. Наумов нашел поваленную березу и, усевшись на ее толстый ствол, позвал жену. Во время кризиса и когда вернулись домой, у них не было серьезных размолвок, хотя оба ощущали, что исчезло прежнее взаимопонимание. Они сидели, вдыхая напоенный ароматом трав воздух, и молча наслаждались щебетанием птиц.

— Еще вчера хотела у тебя спросить, но забыла, — сказала Варя. — На что тебе понадобились деньги, которые лежали в «общаке»? Я в него полезла, а там пусто.

«Ну вот, теперь не избежать ненужных объяснений», — недовольно подумал Артём Сергеевич. «Общак» у них назывался бумажник, в котором хранили наличные деньги. Взяв оттуда все, что было, он рассчитывал пополнить его со своего вклада в Сбербанке, но не успел это сделать.

— Отослал Алеше, — честно признался он. — Чтобы не призвали в армию, он устроился на авиазавод и получает так мало, что не хватает даже на дешевые сигареты. Решил поддержать его на первых порах.

— Напрасно ты это сделал. Бросил бы курить, — криво усмехнувшись, сердито сказала Варя. — Теперь он, взрослый уже мужик, сядет тебе на шею. — Артём Сергеевич ничего не ответил, лишь несогласно мотнул головой, и она добавила: — Только не думай, что мне жалко денег. И не в том дело, что Лена и ее детки — чужие нам люди. Я

готова помочь и чужому человеку, попавшему в беду. Дело в том, что мы их несколько не интересуем. И о нас вспоминают лишь тогда, когда что-то понадобится.

Наумову не хотелось с ней объясняться. В лесу было так чудесно! А у них из-за этого уже была серьезная размолвка. Его отношение к «сибирской дочери» и ее детям было сложным, но он не мог считать их чужими. Варя, сама того не ведая, разбередила его старую рану. Поэтому он просительно сказал:

— Не вмешивайся в наши отношения, раз для тебя они чужие. Говоришь же сама, что денег тебе не жаль. А я на них трачу немного.

— Хочешь сказать, что тебе они не чужие? Тогда почему не признаешь Лену своей дочкой? — обрушилась на него жена. — Пора кончать эту неразбериху!

— У меня для этого есть основания! — вспыхнул, поднимаясь, Артём Сергеевич. — И анализы ДНК скорее всего подтвердят мою правоту.

— Тогда почему ты с ними нянчишься? — непонимающе посмотрела на него жена. — Зачем помогаешь?

— А зачем ты и все остальные помогли Лене, когда она здесь появилась? Ты все уже забыла? — гневно спросил Наумов, и сам же ответил: — Она нуждалась в помощи, и было просто бесчеловечно опровергать слова ее умершей матери.

— Ну а сейчас что мешает сказать Алеше, что ты ему не «деда»? — стояла на своем Варя.

— Неужели ты не понимаешь, что парня, который и так некрепко стоит на ногах, это убьет? — возмутился Артём Сергеевич. — Отец от него отвернулся, а теперь и мне дать ему под зад коленкой? Ты ведь заботишься о Танечке, хотя ее любят родители!

Сказав это, он и не думал, что заденет жену за живое.

— Танечка порядочная девушка, а Алеша — темная личность! — вспыхнула Варя. — Ты о нем ничего не знаешь, а не только — внук он тебе или нет. Я боюсь впускать его в дом, и прошу не приглашать к нам больше!

— Вот даже как? — окончательно вышел из себя Наумов. — Не думал, что ты можешь быть такой черствой! Неужто мы перестали понимать друг друга? — Усилим воли он взял себя в руки и, глядя ей в глаза, твердо заявил: — Я не оставлю без помощи и Алешу, и Лену с другим ее мальчишкой, если им она понадобится. И выяснять ничего не буду! Потому, что сам не хочу этого. Ты должна понять, что они мне — не чужие! Иначе мы дальше жить не сможем.

У него задрожал голос, и это, видно, смягчило Варю.

— Ты только не ставь ультиматумов! Посиди тут, остынь, — глухо произнесла она, поднимая с земли корзинку. — Подумай, стоит ли нам из-за них так напрягаться. А я пойду. До дома уже недалеко. — Варя сделала пару шагов и обернулась. — Может, я чего-то недопонимаю, — примирительно сказала она, и в ее серых глазах блеснули слезы. — Наверно, поздно нам с тобой расставаться.

Происшедшая ссора была самой серьезной за всю их совместную жизнь, и эти разногласия казались Артёму Сергеевичу непримиримыми. «Неужели мы можем стать чужими и разойтись после стольких лет взаимной любви и согласия? Неужели сможем жить друг без друга? — недоуменно думал он, чувствуя, как душу переполняет горечь и щемит сердце. — Но уступить ей сейчас, значит, сфальшивить, чего я никогда не делал. Смогу ли тогда уважать себя?»

Так он сидел еще долго в одиночестве, одолеваемый грустными мыслями, которые терзали его душу. Наумов не знал еще, как поступит, чем кончится размолвка с самым дорогим для него на этом свете человеком, но твердо сознавал одно: изменить себе не сможет и постарается дожить, сколько ему отпущено Богом, в мире со своей совестью.

Часть третья
В новом тысячелетии

Глава 13

Чехарда власти

Понимая, что сохранить власть не удастся, тяжело больной Ельцин, а вернее — Семья, в последние годы двадцатого века предприняла лихорадочные поиски преемника, который хотя бы оградил первого президента России и его приближенных от преследования. К этому времени уже стало ясно, что Примаков, ведя борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти, неприкосновенности им не гарантирует. Начались новые «рокировочки».

Невзирая на то, что Примакову удалось после сокрушительного дефолта стабилизировать экономическое положение и существенно снизить напряжение в обществе, он был снят с поста премьер-министра, а на его место назначен, как все считали, более близкий к Семье «силовик» Степашин. Многие возмущались несправедливой отставкой Примакова. Зашел к Наумову высказать свое негодование и Царев.

— Нет сил терпеть то, что вытворяет правящая хунта! — с порога заявил он. — Впервые премьер-министром стал порядочный человек, начавший бороться с казнокрадами, положение немного улучшилось, и на тебе! Тут же сняли! — Царев опустил в кресло, продолжая возмущаться: — Они понадеялись, что академик с мировым именем станет их холуем, а не вышло. Вот и заменили своим человеком. Этот уж точно будет выполнять все, что прикажут. Какие ведомства он только ни возглавлял — и ФСБ, и юстиции, и внутренних дел. Вот увидишь, теперь закроют громкие уголовные дела, начатые Примаковым и отставленным прокурором!

— А мне кажется, что и новый премьер-министр их не закроет, — не согласился с другом Артём Сергеевич. — Степашин на прежних постах ничем себя не проявил, и ему необходимо повысить свой авторитет. Особенно, если рассчитывает на кресло президента. Как хозяйственник он — ноль и популярность обретет, лишь взяв за ушко казнокрадов.

— Вполне может быть, — раздумчиво протянул Владимир Иванович. — Степашин производит впечатление целеустремленного человека. Как глава правительства, он наверняка захочет показать народу, что способен навести порядок. Однако вряд ли осмелится тронуть кого-нибудь из близких к Семье.

— Тогда популярности ему не завоевать, — убежденно сказал

Наумов. — Чтобы победить на предстоящих выборах, он должен заполучить хотя бы часть голосов протестного электората. А это невозможно, если не бросит народу пару голов наиболее ненавистных олигархов.

— Хочешь сказать, что он вынужден продолжить то, что против них предпринял Примаков? — усмехнулся Царев. — Президент этого не допустит.

— Как знать? Ельцин — тонкий политик и может пожертвовать ради успеха, как шахматист, парой своих фигур, — резонно предположил Наумов. — Он уже сдал, когда было нужно, не одного из своих бывших соратников.

Царев с этим был согласен.

— Наверно, чтобы не победил ставленник Семьи, всем здравомыслящим противникам этой хунты нужно объединиться вокруг движения «Отечество», возглавляемого московским мэром. Чтобы коммунистам противостоял он, а не тот, кто сохранит ей власть и неприкосновенность.

— Но ты же выступал против нашего мэра, — удивился Артём Сергеевич. — Считал, что он отдал москвичей на откуп кавказцам и не борется с лихоимством своих чиновников.

— Не отрицаю, — ответил Владимир Иванович. — Но только «Отечество», если к нему примкнет Примаков, способно на выборах противостоять ставленникам Семьи и собрать больше, чем они, голосов тех, кто не хочет возврата власти коммунистов. — И убежденно добавил: — А главное, Лужков с Примаковым способны покончить с беспардонным казнокрадством и навести в стране законный порядок!

— В этом ты прав, — согласно кивнул Наумов. — Они — патриоты России, компетентные в государственном управлении и, что особенно важно сейчас, очень порядочные люди. Примаков показал себя искусным дипломатом, а Лужков — отличным хозяйственником. Москва при нем стала намного краше.

* * *

Дальнейшее показало, что друзья не ошиблись. Новый премьер Степашин не только не прекратил расследование уголовных дел, связанных с коррупцией высших чиновников и утечкой за рубеж капиталов, но даже значительно их активизировал. Вскоре оказалось, что

следователями-«важняками» установлены тесные контакты с прокуратурой Швейцарии и получены сенсационные данные об отмывании в иностранных банках сотен миллионов «грязных» долларов.

— Ну, что я тебе говорил? — с довольным видом напомнил Наумов Цареву. — Степашин умело набирает очки. И если посадит своих фигурантов за решетку, а еще лучше, вернет в страну украденную ими валюту, то станет народным героем. Наверно, Ельцин «сдал» ему и Осинского, и своего завхоза.

— Не думаю. Похоже, наш премьер-министр ведет свою игру, — возразил Владимир Иванович. — Думаю, он хочет поставить президента перед фактами. Хотя сильно рискует. Ведь там замазаны обе дочери Ельцина.

— Неужели обе? — поразился Артём Сергеевич. — Ведь, как пишут, только для младшей завхозом был открыт счет в швейцарском банке и приобретена собственность за границей.

— Эта проходит по делу о взятках за предоставление подрядов, — объяснил Царев. — А вторая совсем по другому, так как ее муж возглавляет компанию, у которой олигарх Осинский «увел» сотни миллионов валютной выручки. Правда, обвиняют пока лишь его заместителей, но, сам понимаешь...

Он не стал договаривать, лишь бросил на друга красноречивый взгляд.

— Да уж, если зацепят обеих, Степашину не сносить головы, — уверенно заключил Наумов. — Непонятно, на что он надеется.

— А мне понятно. Думает, что Ельцин согласится на этот скандал под гарантию неприкосновенности своих близких. Надеется, что уговорит, ссылаясь на то, что скандал ему нужен для победы на выборах, — с усмешкой сказал Царев. — Если тот не согласится, будет стращать импичментом.

— Ты думаешь, что импичмент президента — это реально? — усомнился Артём Сергеевич. — Для этого слишком много требуется голосов.

— Вполне, так как в прошлый раз Ельцина спас Примаков, — подтвердил Владимир Иванович. — А на этот раз к коммунистам присоединятся не только «Отечество» с Примаковым, но также все те, кто стоит за Степашиним. Ельцин это понимает.

— Неужели он ему уступит? — удивился Наумов. — Президент — боец, и на него это совсем не похоже.

— Вот и я так думаю, — кивнул Царев. — Просчитается Степашин!

Он оказался прав. Все произошло в процессе противостояния между

президентом, добивавшимся увольнения генпрокурора, и парламентом, отказывавшим ему в этом. Степашин, видимо, решил остаться в стороне от схватки, и Кремль «поставил на нем крест». Не утруждая себя объяснением причин, Ельцин снял его с должности и назначил премьер-министром главу ФСБ Путина, доказавшего свою преданность компроматом на генпрокурора. Стало ясно, что преемником и гарантом сохранения власти Семьи избран именно этот, неприметный с виду и не имевший никаких заслуг, бывший сотрудник внешней разведки.

* * *

Новый «наследник престола» с тихим голосом и невидной внешностью, мало известный народу, сразу попал под огонь оппозиционных правительству средств массовой информации. Его рейтинг был близок к нулю, и в популярной тогда сатирической телепередаче «Куклы» премьера изображали полным ничтожеством. Никто не понимал, почему выбор пал именно на него. Все были уверены, что он не способен управлять государством и тем более победить на выборах. И то, что происходило в стране, подтверждало это.

Разгул преступности принял просто чудовищные формы. Среди бела дня уже не только расстреливали предпринимателей, глав местной администрации и депутатов. В последнее время массовый характер приняли похищения с целью выкупа людей, которых прятали в Чечне. Этот «бизнес» стал таким наглым, что в числе заложников оказались сотрудники международных организаций, корреспонденты, генерал МВД и даже личный представитель президента.

Об этой сенсации Наумовы узнали в гостях у Полуниных, которые пригласили их на пельмени. Как коренной сибиряк, Михаил Григорьевич готовил это вкусное блюдо лучше всех, кого они знали, не исключая четы Максименко, которые за годы, что прожили на Байкале, тоже стали мастерами по этой части.

— Не везет моим землякам, — огорченно сказал он, когда покончили с первой партией знаменитого сибирского лакомства. — Уже второго генерала из наших убили бандиты.

— Ты имеешь в виду замминистра МВД, похищенного в Чечне? — поднял на него глаза Наумов. — А разве он погиб? Об этом ничего не сообщали.

— Погиб. Родные уже знают. Наверно, не откроют народу правду. Уж

больно позорно он попал в плен, — с досадой ответил Полунин. — Не могу понять, как похищают высоких чинов, когда их сопровождает мощная охрана?

— А что, еще кого-то важного похитили, кроме этого генерала? — с интересом спросила Варя. — Болтают, что за них дают огромный выкуп, и потом его делят. Такой, мол, преступный бизнес у тех, кто наверху.

— Этому можно поверить, — мрачно подтвердил Михаил Григорьевич. — За представителя президента его точно дадут, а вот за моего земляка вовремя не заплатили. — Он угрюмо замолчал, а жена Люся добавила: — Вообще сейчас что в МВД, что в ФСБ, похоже, царит разложение. Вот на работе у дочери прямо в кабинете расстреляли хозяина фирмы. А милиция даже не чешется! Пытается закрыть дело, списав на «бытовуху». Вроде бы кто-то его убил из ревности. Хотя дочь знает, что ему угрожали конкуренты. Она же там главный бухгалтер.

— Странно, — удивилась Варя. — Почему же не учитывают ее показания?

— Потому, что в милиции полно предателей, и никто с этим не борется, — ответил за жену Полунин. — Милиция эту фирму «крышует» и, конечно, знает, чьих рук это дело. Если самих ментов не подкупили конкуренты.

— Но тогда они хуже преступников! — возмутилась Варя. — Какими же надо быть бессовестными, чтобы брать деньги с фирмы за охрану и покрывать убийц ее хозяина!

— Вот почему ты должна отговорить Танечку выходить замуж за следователя из милиции, — заметил Артём Сергеевич. — Ничего хорошего ее с ним не ждет, поскольку порядочных людей там не держат.

Полунины хорошо знали любимую племянницу Вари, так как видели у своих друзей дома, и она часто гостила на даче. Жених Танечки был видным парнем, чувствовалось, что девушка в него влюблена, и дело уже шло к свадьбе.

— А я все же думаю, что в милиции не все дрянные люди, — запальчиво сказала Варя, встав на защиту племянницы. — Алик симпатичный и у него аж два высших образования. Он нацелен на карьеру и не станет связываться с преступниками. Лучшего жениха для Танечки не придумаешь!

— Нет, не такой ей нужен спутник жизни, — твердо заявил Артём Сергеевич. — Боюсь, что с ним Танечка будет несчастна. Она очень порядочная, а Альберта продажная обстановка и повальное пьянство испортят. Не так уж плоха твоя племянница, чтобы не найти парня, который

занимался бы честным делом.

Варя спорить с ним у Полуниных не стала, но обиженно надулась и, когда возвращались домой, упрекнула:

— Мог бы и не высказываться плохо о будущем муже Танечки. Я ведь Люсе уже рассказала, как счастлива она со своим женихом и какая готовится там шикарная свадьба. Я обещала Танечке, что мы приедем, чтобы присутствовать на их венчании в церкви. Как же ты будешь приветствовать ее жениха, если заранее враждебно к нему настроен?

— Поэтому мне и не хочется ехать. Не могу кривить душой, — честно ответил Наумов. — Мне ненавистны негодяи в погонах, предающие народ, который обязаны защищать, так как это он их содержит. И я поневоле переношу неприязнь на Альберта, ибо не верю, что тот будет «белой вороной» в их стае.

— Вот как? Решил не ехать? Что же, мне отправиться туда одной? — вскипела Варя. — Ты со своим максимализмом рискуешь растерять всех близких и друзей. Люди сейчас стараются выжить. Надо быть снисходительнее!

Но ее упреки еще сильнее «завели» Артёма Сергеевича.

— Ну, и кого я рискую потерять? — спросил он, еле сдерживая возмущение. — Среди тех, кто нас окружает, нет негодяев и предателей. А если появятся, то я терпеть их не буду! Даже если останусь в одиночестве.

— Выходит, ты и меня согласен потерять? — подавленно спросила Варя, и ее серые глаза наполнились слезами. — Подумай! Ты уже из-за своей непримиримости потерял дочь.

Лучше бы она этого не говорила! Артём Сергеевич вдруг почувствовал, как в его душе растёт отчуждение к ней, и сердце защемило в предчувствии беды.

— Я порвал с Надеждой и дочерью потому, что они меня предали, — яростно бросил он жене. — И, не задумываясь, предпочту одиночество, если ты тоже меня предашь!

Варя, испугавшись его вспышки, замолчала и до самого дома они больше не разговаривали. Оба страдали от своей размолвки и взаимного непонимания, но разумного выхода не находили.

* * *

Как ни странно, помирил их приезд Алеши. Писем он по-прежнему не писал, лишь изредка напоминал о себе по телефону. Вот и теперь,

неожиданно позвонив, сообщил:

— В конце недели, деда, буду в Москве. Еду по делу, — в его голосе зазвучали важные нотки. Забегу повидаться, да и совет твой мне нужен. Ты не против?

— А ты все на заводе работаешь? — спросил Артём Сергеевич.

— В том то и дело, что нет, — ответил Алеша. — Мне от армии удалось насовсем отмотаться. У меня сейчас другая работенка.

— Ладно, как приедешь, расскажешь, — озабоченно заключил Наумов. — Боюсь, что ты снова впутался в опасное дело.

«Ну вот, теперь совсем испортятся отношения с Варей, — тоскливо подумал он. — Не пойму, отчего она плохо относится к Алеше. Ведь знает, что, возможно, он — мой внук. Даже хотела усыновить, когда родился. А ведет с ним себя, как злая мачеха. Однако предупредить ее надо».

— Звонил Алеша. Едет сюда в командировку, — сказал Артём Сергеевич за ужином. — Через пару дней к нам зайдет и... — бросил на нее строгий взгляд, — попрошу тебя, по крайней мере, не высказывать своего недовольства.

— Значит, ты все же относишься к нему, как к своему внуку? — потупившись, тихо спросила Варя. — Ты это твердо решил?

— Мы с тобой это вместе решили, когда приняли Лену, не разбираясь в степени нашего с ней родства, — ответил Наумов. — И если бы у нас с ней все было ладно, ты и сейчас относилась бы к ее детям, как к своим внукам.

— Но ведь ты тоже не желаешь поддерживать с ней отношения, — осторожно возразила Варя. — Думаешь, что сможешь общаться с детьми, игнорируя мать?

— Ну как ты не поймешь? Не строю я никаких планов, — с горечью произнес Артём Сергеевич. — Так получилось, что нет у меня дочерей. Возможно, судьба лишит и внуков. Формальных отношений мне не надо. Иван растет, как чужой. Младшего Лены не знаю. Но Алеше я нужен!

Наумов умолк. Возникла напряженная пауза. Они молча покончили с едой, и, лишь убирая со стола, Варя, тяжело вздохнув, сказала:

— Ладно. Я ведь не бесчувственная. Понимаю, что у тебя на душе. Помогай Алеше, коли тебя заботит его будущее. Может, он правда твой внук, раз этого сердце требует. Больше ни слова против не скажу.

И действительно, когда появился Алеша, Варя к нему переменялась. Она не была слишком любезной, но на этот раз отнеслась, как к своему, и заботилась о нем наравне с мужем. «Сибирский внук» заметно возмужал, раздался в плечах и выглядел внушительно.

— В армию меня больше не призовут. Закосил окончательно, — весело объявил он, вручив им нехитрые подарки. — На работе получаю неплохо, так что жить можно. Но есть проблема.

— Каким же чудом тебе удалось освободиться? — недоверчиво спросила Варя, глядя на его пышущую здоровьем мускулистую фигуру. — Сейчас в армию берут даже доходяг, а ты вон какой крепыш!

— Как, каким? Признали негодным по слуху, — сделав серьезное лицо, ответил Алеша, но не выдержав, фыркнул и честно признался: — А вообще-то мамин дружок отмазал. Он — большая шишка в администрации города, а председатель медкомиссии — его кореш.

Наумова покорило не столько его отлынивание от воинской службы, сколько наплевательское отношение к своему мужскому долгу, и он переменял тему разговора.

— Лучше расскажи, что у тебя сейчас за работа. За что тебе так хорошо платят? Надеюсь, ты не занимаешься темными делами и не рискуешь жизнью? Силушки, я смотрю, тебе не занимать.

— Да уж, бицепсы я накачал что надо, — самодовольно улыбнулся Алеша. — Занимался бодибилдингом и работал стриптизером. Но я ведь еще пацаном хотел податься в киллеры и научился метко стрелять.

— Ты что же связался с бандитами? — испуганно перебила его Варя.

— Пока еще нет. Я сейчас телохранителем у директора одной коммерческой фирмы, — серьезно ответил Алеша. — Но работа опасная, на директора уже было одно покушение, и меня пытаются сблатовать бандюги. В этом вся проблема! — И хмуро спросил: — Может, посоветуешь, как быть, деда?

Артёму Сергеевичу все было ясно. Но, прежде чем ответить, он еще немного подумал и потом уверенно сказал:

— Если у тебя теперь такая профессия, и она ценится, могу посоветовать одно. Найди себе дело, где твоя физическая сила и умение стрелять будут работать на закон, а не на преступников.

— Куда ж податься? Сейчас повсюду преступники, — угрюмо бросил Алеша. — И мой хозяин с ними связан. Ментом стать не желаю!

— И я тебе не советую, — согласно кивнул Артём Сергеевич. — Но есть еще службы, где можно подыскать себе достойное место. Я имею в виду судебных приставов и налоговую полицию. Поинтересуйся ими поподробнее.

— Там маловато платят, деда, — с сомнением покачал головой Алеша.

— Я уверен, что будут платить больше. Службы важные. Особенно по сбору налогов, — убежденно сказал Наумов. — И там, применяя силу, ты

будешь меньше рисковать жизнью. Разве этого недостаточно? Если удастся стать налоговиком, то еще лучше. Но для этого тебе придется подучиться.

— Вот еще, — пожал плечами Алеша. — Диплом сейчас купить можно.

Но по тому, как он задумался, было видно, что совет пришелся ему по душе. И у Артёма Сергеевича появилась надежда, что внук найдет себе работу, которая позволит жить в ладу с законом и не подвергаться постоянной опасности.

* * *

Тревожные события нарастали. В тот день Наумовы собрались поехать на дачу к Царевым, которые проводили там свой отпуск, когда узнали ошеломляющую новость. Чеченские бандиты настолько обнаглели, что с молчаливого согласия своего руководства напали на соседний Дагестан.

— Их пропаганда уверяет, что хотят помочь там своим сторонникам установить власть ислама. Но истинная цель — это прорвать блокаду и выйти к морю, — по пути на дачу высказал предположение Артём Сергеевич. — Не понимаю, как они осмелились. Неужели в нашем руководстве есть купленная ими «пятая колонна», и бандитам снова все сойдет с рук?

— Но на кого-то они все же надеются? Силы уж больно неравные, — резонно заметила Варя. — Может, враги России толкнули их на это, пообещав помощь?

— Наши враги их, конечно, поддерживают. И деньгами, и морально, — согласно кивнул Наумов. — Но все равно бандитов ждет неминуемый разгром, если опять их не спасут липовые миротворцы, а вернее — те, кому нужна эта «черная дыра».

— А пока снова прольется кровь, — вздохнула Варя. — Ну кому это надо?

О том, кому понадобилась новая война в Чечне, им объяснил всезнающий Царев. Его версия была неожиданной.

— Чеченцев ловко спровоцировали, снабдив деньгами, оружием и пообещав новое перемирие, а если не получится, дать «коридор» для отхода в Чечню, — с усмешкой заявил он за обедом. — Вот они и попались на удочку. Но пощады им не будет! Давайте выпьем, — предложил он тост, — за нашу победу и ликвидацию этого осинового гнезда!

Все дружно за это выпили, и Наумов удивленно спросил:

— Выходит, кто-то из нашего руководства их подтолкнул к нападению на Дагестан? Кому же нужна эта новая бойня? Неужто Путину? У него без того забот хватает!

— Вот ему-то как раз и нужна, — как взрослый ребенку, объяснил ему Царев. — Чем еще он может завоевать авторитет перед выборами? Маленькой победоносной войной! Только она принесет ему народное признание, ибо поражение в Чечне было нашим национальным унижением.

— Но матери откажутся снова посылать сыновей на убой. Бандиты укроются в горах и будут стрелять из-за угла. Эту войну силой не выиграть.

— А нашей хунте наплевать! Ей надо, чтобы Путин победил на выборах, и она придумает, как вовлечь нас в эту войну, — убежденно сказал Владимир Иванович. — Будут новые провокации, вот увидишь!

Так и вышло. Вскоре были совершены ужасающие террористические акты. Взрывы домов в столице и Волгодонске унесли жизни сотен ни в чем не повинных людей. Страна бурлила от негодования. В совершении терактов обвинили чеченских сепаратистов, и народ единодушно потребовал, чтобы с ними было покончено. А когда Путин во всеуслышание пообещал: «замочить их даже в сортире», он сразу обрел популярность, несмотря на ненормативную лексику.

В Дагестане чеченские банды были разгромлены, но почему-то им дали уйти в Чечню. Руководство самопровозглашенной Ичкерии отрицало свое участие в этой аванюре и в совершении терактов, заявляя, что это дело рук российских спецслужб, которым надо было спровоцировать новую войну. Но никто не хотел этому верить (хотя война началась, и ни один чеченский террорист не был найден) — даже Царев, который предполагал нечто подобное.

— Вот ты говорил, что наша «хунта» устроит провокации, чтобы был повод начать эту войну, — при встрече напомнил ему Наумов. — Может, и правда дома взорвали, чтобы натравить народ на чеченцев? Ведь в Рязани, где не удался теракт, ФСБ признала, что взрывчатку в дом заложила она якобы для того, чтобы проверить бдительность жильцов. Объяснение нелепое!

— Согласен, но ему нужно поверить, — угрюмо ответил Владимир Иванович. — Ибо мне ничего подобного даже не могло прийти в голову. Я ненавижу правящую хунту, и спецслужбы способны физически устранять политических противников, как это было с генералом Роциным и Новоселовой. Но сознательно убивать сотни своих сограждан? Нет, на такое русский человек не способен!

— Да уж, поверить в это, значит, перестать уважать самих себя, —

понурился Артём Сергеевич. — Негодяев развелось слишком много, но пойти на такое могут только те, кто совсем утратил человеческий облик.

* * *

А война уже полыхала, и на этот раз армия навалилась на Чечню всей своей мощью. Бандитов разгромили и оттеснили в горы. Восстановили действие российских законов и власть лояльных чеченских лидеров. Однако потери были огромны, и виновно в этом было бездарное военное руководство. Передвигались войска без должной разведки и прикрытия. Часто ошибочно стреляли по своим, и было много предательства. Банды снова выходили из окружения, и почему-то уцелели все их предводители. Действия армии и спецслужб выглядели слабыми и неэффективными. Обещания Путина не сбывались.

Об этом зашел разговор у Наумова с Максименко, который пригласил его к себе в офис, чтобы вручить два билета на свой юбилей, который собирался отметить с большой помпой в ресторане «Прага».

— Вот видишь, дружище, уже переваливает за шестой десяток, — без тени грусти сказал он, вальяжно откинувшись на высокую спинку своего кресла, и жестом указывая на другое, стоявшее перед его широким, как аэродром, рабочим столом. — Здесь ваши с Варей пригласительные билеты, — пододвинул к нему красивый голубой конверт. — К сожалению, мы не будем за одним столом, так как гостей набралось больше сотни. Всех рассадим по две-три пары, и Валюша постарается, чтобы у вас были приятные соседи.

Артём Сергеевич молча взял конверт и спрятал его в карман, а Николай Павлович самодовольно продолжал:

— Честно признаюсь: справляя юбилей, мне приятно сознавать, что я состоялся как личность, сумел реализовать свои способности и заработать не меньше многих удачливых бизнесменов. Ведь и ты мог бы состояться, — сочувственно посмотрел он на друга, — если бы последовал моему примеру. Ты же одно время хотел заняться бизнесом. Жаль, что передумал!

— Каждому свое, — сухо ответил Наумов, которого больно задело такое откровенное выражение превосходства. — Но почему это ты решил, что я «не состоялся»? Разве я не реализовал свои способности? Мои книги, — с гордостью добавил он, — издаются за рубежом, даже в США.

— А какой от этого толк? — небрежно бросил Максименко. — Много

ли у тебя в кармане прибавилось грошей?

— Толк, и немалый, в том, что мой труд принес пользу науке и авиаторам, — начиная сердиться, ответил Артём Сергеевич. — И тебе не стоит слишком задаваться, хоть и удалось заработать много денег. У меня их нет лишь потому, что у нас никуда не годное правительство, которое не заботится ни о науке, ни о культуре.

Не ожидавший такой отповеди, Николай Павлович растерянно промолчал, и, осознав, что их спор сейчас неуместен, Наумов «дал задний ход».

— Ладно, не сердись, — смягчился он. — Ты можешь гордиться своими достижениями, и я, если дадут слово, скажу об этом на юбилее. Но мне обидно, что ты недостаточно ценишь науку и вообще творческий труд. А Путин уже показал бездарность как в управлении страной, так и в проведении военной операции в Чечне. Если он победит на выборах, это будет бедой для России!

— А я считаю, что бедой будет, если к власти у нас придет кто-нибудь другой, — вновь приняв важный вид, долженствующий президенту крупной страховой компании, заявил Максименко. — И мы, я имею в виду тех, кто сегодня стал хозяевами жизни, — от сознания собственной значимости он даже будто подрос в своем кресле, — не допустим этого!

— Как не допустите, если этого захочет народ? — удивился Артём Сергеевич. — Войну ему, что ли, объявите? Какими силами?

— Не беспокойся. Сил и средств у нас на это хватит, — самодовольно усмехнулся Николай Павлович. — Но крайние меры не потребуются, так как Путин победит. Ты его явно недооцениваешь.

Артём Сергеевич хотел возразить, но продолжение спора грозило ссорой. С трудом сдержавшись, он перевел разговор на другое и, поблагодарив за приглашение, распрощался. «Да, это правда, что богатство портит людей, — огорченно думал он по дороге домой. — Я не против, чтобы процветали удачливые бизнесмены. Но считать себя «пупом земли» они не вправе! Похоже, Николай испортился. Уже в грош не ставит творчески одаренных людей. И себя мнит выше. Слишком зазнался!»

В душе у Наумова росла неприязнь к Максименко, и ему расхотелось идти на юбилей. Но он обуздал свои эмоции. «Не все еще потеряно, и на него можно повлиять. На то мы и старые друзья, чтобы помочь избежать ошибок. И Варя сильно расстроится, если разойдемся. Ведь Валечка — ее лучшая подруга».

Единственно радостным для Наумовых событием в то время стала поездка на свадьбу к Танечке. Любимая племянница Вари жила с родителями на Кубани в большом поселке Белая Глина и выходила замуж за местного парня. Только она из ближайшей родни имела высшее образование, и жених был ей под стать — и красив, и окончил аж два вуза: сельскохозяйственный и юридический. Высокий и статный, Альберт к тому же был веселого нрава и хорошо играл на гитаре, подпевая себе приятным баритоном. Внешне они так подходили друг другу, что их фото могло украсить обложку модного журнала.

Когда-то богатый поселок, в котором базировался известный в крае колхоз-миллионер, переживал не лучшие времена. Колхоз был на грани разорения, и основное предприятие — мастерские по ремонту сельхозтехники, где трудился отец Тани, — простаивало без дела, и все его работники не получали зарплату. Но остановить жизнь не могло ничто: рождались дети, игрались свадьбы.

И Танечкина свадьба была устроена, как водится на Кубани, широко — по всем правилам. Артём Сергеевич с Варей за свою жизнь бывали на многих свадьбах, но такой еще не видели! Больше всего их поразило даже не огромное число гостей — создавалось впечатление, что на свадьбе присутствует полпоселка — а оригинальная и очень забавная церемония «выкупа невесты». Веселье, и без того бившее ключом, достигло пика, когда к дому невесты с песнями и плясками пришла толпа родственников жениха и начался шуточный торг. Кончился он тем, что невесту «продали», и после этого свадебная кавалькада стала кружить по поселку, не спеша направляясь в загс.

Само собой, как и в других местностях России, при виде встречных останавливались, и всем подносили по чарке. К свадьбе готовились не один день, так что самогона заготовили в достатке. Не забыт был и оставшийся с советских времен обычай возложения молодыми цветов к памятнику воинов, погибших за Отечество. Ну а православный обряд венчания в церкви был, как всегда, очень волнующий и великолепный.

Многолюдное застолье по случаю хорошей погоды, к всеобщему удовольствию, было устроено во дворе дома невесты и сопровождалось, как и всюду по русскому обычаю, прекрасными хоровыми песнями и плясками, а в перерывах молодежь устраивала свою дискотеку. Пир продолжался на второй и на третий день, но Артем Сергеевич с Варей,

лишь переночевав, тепло распростились со всеми и отправились в обратный путь.

* * *

То лето выдалось жарким. Наумовы купили сборный бассейн и, установив в саду на широкой лужайке, по несколько раз в день наслаждались купанием. Все свободное время у Артёма Сергеевича уходило на совершенно новое для него занятие. Он писал сценарий телеспектакля! И задумал не какую-нибудь остросюжетную пьеску, а современную социальную драму, которая должна была высветить пороки существующей власти, а ее герой — стать прообразом политического лидера, который может спасти Россию. Будущая телепостановка так и называлась: «Кандидат в президенты».

Пока Артём Сергеевич пребывал в муках творчества, он никого, кроме Вари, не посвящал в свой замысел. Но когда окончательно сложился сюжет, и пьеса вчерне была написана, решил посоветоваться с друзьями. Жена его поддержала, и в субботу, пригласив Кругалей и Полуниных на шашлык, когда они отдыхали после вкусной еды, принес свою рукопись и предложил:

— Если не возражаете, расскажу краткое содержание задуманной мною телепостановки. Ее цель — показать накануне выборов пагубность нынешней власти и дать прообраз кандидата, за которого стоит голосовать.

— Это хорошо. Но что толку, если ни один из нынешних на него не будет похож? — с усмешкой отозвался Кругаль. — Тогда все равно предпочтут Путина.

— И я так считаю, — поддержал его Полунин. — Пусть уж Путин окончательно «замочит» чеченцев. Хоть какая-то будет польза.

— А я вижу такого. Он лучше Путина и по деловым качествам, и как патриот России, — убежденно сказал Наумов. — Но называть не стану. Вы его сами узнаете по ходу пьесы.

— Да знаем, кто твой герой, — бросил Полунин. — Это генерал Лебедь.

— Вот и не угадал. Сейчас все узнаете, — с улыбкой пообещал Наумов.

Он открыл тонкую папку и коротко пересказал фабулу:

— В большом городе, в одном дворе росли два парня. Один — красавец, вожак местной шпаны, другой — невысокий крепыш, но лучший

бомбардир футбольной команды. Первый побывал в тюрьме и связался с «водочной мафией». Второй же стал мэром и повел с ней борьбу. Его запугивают и пытаются купить. Бесплезно. Тогда главарь мафии идет на убийство мэра. Но его спасает друг детства. «Теневики» чинят расправу с предателем. Теперь уже его выручает мэр.

— Все ясно, — перебил его Кругаль. — Твой герой, случайно, кепку не носит?

— И правда, очень уж он похож на нашего мэра, — поддержала Эдуарда Викторовича жена Татьяна. — Тот тоже невысокий крепыш, и до сих пор играет в футбол.

— Но какой же он герой? — усомнился Полуниин. — Патриот — это верно. Москву сделал краше. А на периферии не популярен. Значит, помогаешь «Отечеству»? — скептически улыбнулся он. — Но вряд ли оно победит на выборах.

— Я и ставлю целью поднять популярность мэра. Кроме него и Примакова, не вижу никого, кто смог бы вывести Россию на правильный путь, — объяснил Наумов. — А телепостановку увидят миллионы зрителей.

— Где же критика власти? — спросила соседка Люда. — В чем острота сюжета? Только в криминале? А женские роли? Ведь без них, — она неодобрительно покачала головой, — успеха у пьесы не будет.

— Разумеется, все это есть. Я привел лишь политическую идею, — ответил ей Артём Сергеевич. — Порочную власть олицетворяет бывший партийный босс, ставший олигархом, он-то и становится покровителем мафии. Есть и любовная драма. Друзья были соперниками, но девушка предпочла красивого жоака шпаны. Супруга мэра ревнует к ней мужа, а «теневик» ревнует свою жену к мэру. Но, несмотря на это, друзья детства не оставили друг друга в беде.

Вопросов больше не было, и Наумов прочел им несколько, по его мнению, ярких и занимательных отрывков. Последовало недолгое молчание, первым его нарушил Кругаль, сочинявший остроумные эссе и стихи, и бывший в их кругу авторитетом по части словесности.

— А что? Мне нравится. Честный мэр борется с криминальным беспределом в лице оборотня-олигарха и «водочной мафии». Сюжет современный и острый, — кратко резюмировал Эдуард Викторович. — Он напоминает трофейный фильм «В старом Чикаго», который я видел в детстве. А это был шедевр Голливуда!

— Я тоже считаю, что пьеса будет иметь успех. И не только потому, что она современная и острая по содержанию, — поддержала мужа

Татьяна. — Сейчас зрителям особенно хочется увидеть, что среди нас есть еще люди, способные бесстрашно постоять за правое дело. А не только ловкачи и шкурники, как убеждают авторы фильмов и постановок, заполонивших телеэкраны!

Маленькая пикантная блондинка, известный профессор-фармаколог, хотя и была перегружена наукой, живо интересовалась всем, в том числе литературой, искусством и политикой.

— Бесстрашного мэра, воюющего с «оборотнями» высшей власти и местным криминалом, должны полюбить телезрители во всех уголках России, и если они так же, как мы, узнают в нем лидера «Отечества», то его рейтинг станет намного выше, — уверенно заключила она, вознаградив автора улыбкой. — Так что дерзай, доводи дело до конца!

Полунины задумчиво молчали. Потом Михаил Григорьевич сказал:

— Сюжет мне нравится, хотя таких героев, готовых рисковать жизнью за правое дело, не осталось. По телеку показывают то, что есть. И наш мэр вовсе не герой. Так стоит ли повышать его рейтинг? — неодобрительно взглянул на друга. — Зря ты это затеял. Не лучше он Путина, и не победит. Потеряешь только силы и время, да еще наживешь неприятности.

Артёму Сергеевичу его позиция была известна, и это предостережение не поколебало его решимости довести до конца задуманное.

— Да, наш мэр не герой и идет на компромиссы с правящей элитой, — признал он, но горячо добавил: — И все же его с Примаковым надо поддержать, так как Путин, как ставленник Семьи, ничего не даст гражданам России из того, что им положено, и не улучшит их жизнь.

— Зря ты им веришь, — скептически бросил Полунин. — Ничего народ от них не получит, только порядку, может, будет больше.

— Но на них все же есть надежда, — ответил ему Наумов. — И, чтобы поднять уровень жизни народа, они непременно должны отдать хотя бы часть того, что ему принадлежит. Если не пообещают сделать это, значит, я в них ошибся, и им на выборах не победить!

Глава 14

Криминальный беспредел

Вакханалия беззакония и рост преступности не только продолжались, но и росли, как снежный ком. Даже самые громкие «заказные» убийства не раскрывались. Повсеместно на дорогах бандиты останавливали и грабили водителей автотранспорта. Безнаказанно угоняли огромные фуры с импортным товаром. Нападали даже на шикарные иномарки высоких чиновников. Наглые действия криминала свидетельствовали о потворстве со стороны правоохранительных органов. Из тюрем целыми группами совершали побеги закоренелые убийцы. То, что у преступников есть свои люди в милиции, давно уже было «секретом полишинеля», но мер никаких не принималось.

На местах милиция и силовые структуры вместо защиты прав населения, по сути, стали послушным орудием администрации и пособниками криминалитета в незаконном захвате и перееде собственности. Об этом ежедневно сообщали пресса и телевидение. Но больше всего Наумова возмутило то, о чем рассказал в своем письме Алеша.

Здравствуй, деда! Вот уже месяц работаю судебным приставом. Сделал то, что ты мне посоветовал. Как удалось, объясню при встрече. Эта история не для протокола. Помогла мать, а вернее, тот, с кем она сейчас живет. На те бабки, что платят, не разгуляешься, но пока мне хватает. И режим такой, что можно подработать охранником.

Но ты ошибаешься, думая, будто мы заставляем соблюдать закон. Как раз наоборот! Нас все время используют какие-то темные воротилы, чтобы силой захватывать различные фирмы и предприятия. Отнимать их у тех, кто там работает. Эти дельцы — настоящие бандюги! Они стряпают всякие липовые бумаги, подкупают судейских и шлют своих «быков» силой выгонять прежних хозяев. А мы и милиция им помогаем.

На днях штурмом взяли заводоуправление. Рабочие забаррикадировались, и нас не пускали. Их директор не признавал законными наши бумаги, так как они опротестованы и решения еще нет. Но «быки» сломали двери, покалечили тех, кто им сопротивлялся, повыгоняли из кабинетов прежних хозяев и посадили каких-то своих хмырей. Судебный исполнитель и мы помогли им в этом. А милиция не

только не вмешивалась, когда избивали рабочих, но потом многих задержала «за нарушение общественного порядка».

Вот такая у меня новая работенка, деда. Жить можно, но претит быть подручным у бандитов, пусть даже они захватили власть и могут свободно нарушать закон, используя суд и милицию. Ты бы видел, с какой ненавистью смотрели на нас рабочие, какими поносили словами! Наверно, надолго меня тут не хватит. Мамин друг обещает устроить в налоговую полицию. Может, там порядка больше? Если получится, я напишу.

Алексей.

— Что же это творится? Кто же защитит права простых тружеников, если и суд, и милиция помогают преступникам нарушать закон и их грабить? — вне себя от гнева сказал Артём Сергеевич Варя. — А меня еще убеждают не заниматься политикой! Разве могу я стоять в сторонке и спокойно смотреть на этот криминальный беспредел?

— А чем ты им можешь помочь? Тем, что будешь открыто возмущаться? — скептически посмотрела на него жена. — Мало кто тебя услышит, если напишешь в газету. Да и то вряд ли напечатают.

— В этом ты права, — согласился Наумов. — Вот почему я сочинил сценарий телепостановки. В случае удачи моя критика власти и основные идеи дойдут до миллионов телезрителей, и они сделают правильный выбор.

— Но почему ты думаешь, что твою пьесу поставят, если даже статью могут не опубликовать? — продолжала сомневаться Варя. — Ведь нужно заинтересовать хотя один из театров, и, кроме того, на постановку потребуются немалые деньги. А всем известно, что с финансами у них сейчас туго.

— Без денег пьесу, конечно, не поставить. Но у меня есть соображение, как их получить, — с надеждой произнес Артём Сергеевич. — Я собираюсь обратиться в политсовет «Отечества». Передам им тезисы предложений по проведению предвыборной кампании и постараюсь убедить, какую пользу принесет постановка пьесы.

— Ты думаешь, они раскошелятся? — недоверчиво спросила Варя.

— Надеюсь на это, — с оптимизмом ответил он. — В политсовете «Отечества» собрались умные люди, им нужна победа на выборах, и деньги у них есть.

— Дай-то Бог! — сочувственно заключила Варя. — Хоть и трудно поверить в удачу, когда кругом все только и думают, как набить свои карманы.

Пока Наумов с энтузиазмом готовился к встрече с руководством движения «Отечество», пресса и телевидение сообщали о все новых потрясающих фактах царящего в стране криминального беспредела, связанного с коррупцией высоких должностных лиц и разложением в органах правопорядка. Предательство в милиции и ФСБ приняло такие размеры, что среди пойманных преступников стали попадаться их сотрудники, которые иногда оказывались даже главарями бандитов. Криминалитету уже было тесно у себя в России. Он начал осваивать зарубежье. И вскоре «русская мафия» стала бичом не только в благополучных странах Европы, но даже в США.

Об этом Наумов узнал от своего старого друга Гордона, вернувшегося домой после многих лет работы за границей. Известный ученый-вирусолог, он по конкурсу был назначен главным специалистом международной организации здравоохранения и жил припеваючи по месту ее дислокации, не зная бед, испытываемых соотечественниками на родине. Приехал, отработав с лихвой все сроки и выслужив пенсию, какая даже не снилась гражданам России.

По случаю возвращения он устроил грандиозный прием, собрав всех старых друзей. Гордон, славившийся и раньше умением делать любительские фильмы, когда выпили и закусили, включил «видак» и продемонстрировал редкостные красоты многих уголков мира, где ему удалось побывать по делам службы. Как всегда, его комментарии были содержательны и остроумны.

Однако, делаясь с друзьями своими лучшими впечатлениями от пребывания за рубежом, Юрий Львович коснулся и негативных факторов тамошней жизни. К вящему удивлению гостей, он связал их с соотечественниками.

— В последние годы даже в тихой и благочестивой Швейцарии ухудшилась криминогенная обстановка, — с сожалением сказал он. — Участились случаи вымогательств, убийств и других тяжких преступлений. Как ни печально, но следует признать, что большинство из них совершено нашими согражданами.

— Может, это — злостная пропаганда врагов России? — предположил кто-то из гостей. — Отголоски «холодной войны», которая все еще не дает им покоя.

— Нет, «холодной войной» там и не пахнет. Они возмущены тем, что в

России не борются, — Гордон осуждающе покачал головой, — ни с коррупцией, ни с отмыванием «грязных» денег, ни с разгулом бандитизма, который вследствие этого уже вышел на международный уровень. Пресса негодует, что наша власть не реагирует на материалы, разоблачающие крупных коррупционеров, которые ей направляет прокуратура Швейцарии. Там не понимают, почему Кремль не хочет вернуть украденные из казны деньги. Возмущаются, что наше правительство дает перекачивать за рубеж укрытые от налогов деньги. У них это тягчайшее преступление, ибо без уплаты налогов невозможно процветание государства. Там сочувствуют нам, а вы говорите, что они — враги России.

— Но почему все же у них так много наших бандитов? — выразил недоумение Артём Сергеевич. — Разве не мешает языковой барьер и то, что там намного труднее укрыться от полиции?

— Незнание языка нашим гангстерам мешает лишь на бытовом уровне. Они ведь рэкетнируют и убивают там своих соотечественников, — с усмешкой ответил Юрий Львович. — За рубежом скрывается много «новых русских», наворовавших баснословные капиталы. Некоторые перевезли свои семьи и живут там постоянно. Наши бандиты действуют там еще более нагло, чем дома, так как полицию не очень волнует, что они «мочат» своих и, конечно, действует подкуп. Однако кое-где они столкнулись и с местным криминалитетом. В Польше и Германии «русская мафия» уже стала для властей головной болью. Seriously озабочены ею даже в США.

Обвинение верховной власти России в том, что она сама не ведет борьбу с преступностью и не оказывает в этом помощи Западу, подтверждали многочисленные факты. Так, дела об отмывании сотен миллионов «грязных» долларов, которые велись по инициативе прокуратуры Швейцарии, по сути, свернули. Пойманный с поличным за неуплату налогов рекламный босс, у которого дома обнаружили огромную сумму наличной валюты, тоже каким-то чудом избежал наказания. Сенсационное дело о краже высшими чиновниками всей валютной выручки от продажи алмазов, непонятно почему, бесконечно затягивалось, и было похоже, что и эти казнокрады уйдут от заслуженной кары.

— Путин и не собирается привлекать их к ответу, — убежденно высказал свое мнение Царев, зайдя к Наумову, чтобы познакомиться с материалами, которые тот готовил для «Отечества». — Он ставленник Семьи, а все эти ворюги тесно с ней связаны. Наверно, и денежки поделили. Так что давай помогай мэру и его команде! Хотя, на них тоже нет надежды.

— Это почему же? — спросил Артём Сергеевич, так как знал, что его

друг зря болтать не будет. — У тебя есть какие-то негативные факты?

— Фактов хоть отбавляй, да и тебе они известны, — хмуро ответил Владимир Иванович. — Ты же слушаешь криминальные новости? Заметил, сколько преступников уже до суда освобождают «под залог»? Даже бандитов, захваченных на месте преступления!

— Ну а мэр здесь при чем? — пожал плечами Наумов. — Это дело рук продажных судей и милиции.

— А кто в Москве обязан навести порядок? — покачал головой Царев. — Разве не мэр? Ты меня прости, но я не верю, что он способен побороть преступность в России, если не может с ней справиться в столице.

Спорить с этим было трудно. «Может быть, Володя и прав, — подумал Артём Сергеевич. — Но надеяться ведь больше не на кого. Буду содействовать мэру и дальше, — решил он. — Все-таки наверху возможностей навести порядок у него будет больше».

* * *

Супруга Максименко Валентина, как и Артём Сергеевич, дни рождения справляла на даче. Только он весной, а она в конце августа. Раньше поездка на старую дачу, которая находилась аж под Калугой, доставляла им с Варей много хлопот. Но теперь, поскольку до Мамонтовки было рукой подать, это не составляло труда. Как всегда, на семейный праздник съехалось много друзей и родственников. Август — самый жаркий месяц года, и застолье было организовано в саду, где имелось открытое патио, защищенное от дождя навесом.

Для виновницы торжества праздник был знаменательным, но с примесью грусти, ибо Валечка достигла пенсионного возраста. Но так прекрасно выглядела, что ей нельзя было дать больше сорока лет. Синеглазая и по-девичьи стройная, она была по-прежнему изящна и привлекательна. Рядом с ней Николай Павлович, который был не на много старше, но облысел, обрюзг и обзавелся брюшком, казался пожилым.

Вечером после шумного застолья, жарили шашлыки, но неожиданно пошел дождь, и все перебрались в дом. Женщины отправились петь песни в мезонин, где были музыкальный центр и караоке, а мужчины расположились в гостиной около бара с напитками. Говорили обо всем, интересовались делами друг друга, так как были давно знакомы.

— Я вижу у тебя новая машина, Леонтий? Поздравляю! Шикарный

«фордик», — потягивая через соломинку джин с тоником, сказал Наумов Доброшину. Они были знакомы много лет и вместе отдыхали на Байкале. — Тебя что, произвели в генералы? Хотя на генеральскую зарплату, такую тоже не купишь. Признавайся, — пошутил он, — банк, что ли, ограбил?

— Маршальской зарплаты тоже не хватит, — самодовольно ответил Доброшин. — Но я ведь в ФСБ больше не служу. Руковожу секьюрити крупной фирмы.

— И тебе там платят больше, чем маршалу? — искренне удивился Наумов.

Бывший полковник КГБ немного замялся, и вместо него ответил сидевший рядом Максименко.

— Ладно, Леня, не придумывай. Ему можно выдать коммерческую тайну, — и, повернувшись к Наумову, объяснил с улыбкой: — «Крышует» он вместе с товарищами из ФСБ. Отсюда и гроши. — Николай Павлович отхлебнул виски из бокала, который держал в руке и, уже серьезно, сказал: — Сейчас многие бизнесмены предпочитают иметь дело с ФСБ. Это надежнее, чем с милицией. Вот и Леня сейчас этим занялся, — вновь улыбнулся он, глядя на смутившегося Доброшина. — Всем хорошо жить хочется. И гэбэшникам тоже.

— Ладно, чего это мы все о делах да о делах. Пойдем лучше выясним, кто сильнее в бильярде! — находчиво предложил Леонтий Петрович, тяготясь темой разговора. — Я сегодня чувствую себя в ударе.

Его предложение было поддержано остальными, и все, прихватив спиртное, двинулись вверх по дубовой лестнице с фигурными балясинами. «Ну, ничего хорошего нам не светит, пока МВД и ФСБ вместо своего прямого дела будут прислуживать коммерсантам, — удрученно размышлял Наумов, поднимаясь по сверкающим лаком ступеням. — Нельзя недооценивать и унижать спецслужбы, от которых зависит безопасность государства и его граждан!»

* * *

Наумова и его друзей особенно огорчали в тот период необъективность и явная ангажированность большинства средств массовой информации. Вместо того, чтобы высвечивать причины деградации общества, криминального беспредела и ухудшения уровня жизни, выявлять и требовать наказания виновников, «четвертая власть», по сути, помогала им

уходить от ответственности.

— Не понимаю, неужели большинство журналистов просто куплено нынешней властью и олигархами, — негодуя спросил Наумов у Царева, когда они снова встретились в центре, чтобы вместе пройтись по книжным магазинам. — Такое впечатление, что среди них не осталось честных людей.

— Ты и сам знаешь, что журналистика — вторая древнейшая профессия. Продажным перьям в литературе во все времена было посвящено немало страниц, — с усмешкой ответил Владимир Иванович. — Но всегда находились и те, кто выступал в защиту простых граждан. У нас же их пока не слышно.

— Не знаю, как вас с Ниной, но меня просто тошнит от того, что вижу в газетах и по телевидению, — пожаловался ему Артём Сергеевич. — Одна скандальная хроника, голые задницы и засилье рекламы. Будто нет острейших проблем ограбления народа, и падения нравственности! Все страницы заполнены хроникой мелких преступлений, а крупные аферы замалчиваются.

— Это понятно. Разве будут принадлежащие Осинскому газеты и телеканалы требовать, чтобы у него отобрали миллионы долларов, которые он умыкнул из казны? — насмешливо сказал Царев. — А журналисты, которые у него получают больше министров и разъезжают на крутых иномарках, думаешь, они будут бороться за справедливость?

— Не все же принадлежит Осинскому! — горячо возразил Наумов. — Есть ведь другие газеты и телеканалы, которые смогут поднять свой рейтинг, борясь за справедливость и разоблачая таких, как он. Подобное происходит всюду.

— Только не у нас! И другие олигархи его не трогают, так как у самих «рыльце в пушку». Ворон ворону глаз не выклюет! — Он криво усмехнулся. — Наверное, заметил, что по телеку и в газетах перестали сообщать о громких делах чиновных казнокрадов. Зато вовсю раздувают кадило вокруг бывшего «демороса» Краскевича за взятку в несколько тысяч долларов. Тут из казны украли сотни миллионов, и — молчок, а наше внимание отвлекают на мелкого жулика!

Некоторое время они шли молча, потом Артём Сергеевич сказал:

— Мне кажется, что бездуховность сегодняшней прессы и обилие «развлекаловки», так же как и засилие зарубежных боевиков и сериалов на телевидении, отнюдь не случайно. Это сознательная политика воровской власти и олигархов. Народ нарочно дурят, чтобы отвлечь от их преступных деяний! А продажные журналисты лакейски способствуют в этом, предавая

свой народ.

— Полностью согласен, — выразил свою солидарность Владимир Иванович. — И считаю, что отечественных фильмов выпускают мало — сознательно, так как в них невозможно избежать острых проблем, стоящих перед нашим обществом. Ты заметил, что сейчас выходят в основном пустые комедии и детективы?

— А как же, — сумрачно кивнул Наумов. — Прославленные режиссеры не могут получить деньги на свои картины, но на дешевые детективы и надоевшие мыльные оперы они почему-то находятся.

— Да что говорить! — в сердцах прервал его Царев. — Пока у власти нынешняя хунта, ничего не изменится! Надо объединяться, чтобы сбросить этих паразитов. Ты прав, что поддерживаешь «Отечество». Может быть, ему удастся это сделать!

* * *

После разговора с Царевым Наумов стал еще усерднее готовиться к встрече с лидерами «Отечества». Прежде всего он обновил и отредактировал свои предложения по подъему уровня жизни граждан России, которые разработал еще для Лебеда. Сформулировал четкие ответы на главный вопрос избирателей: чем движение выгодно отличается от других и что конкретно оно даст народу? Написал краткое обоснование необходимости телепостановки пьесы «Кандидат в президенты» для повышения рейтинга лидера движения у избирателей других регионов.

Артём уже выяснил, что штаб «Отечества» находится в одной из высоток Нового Арбата и, созвонившись с пресс-секретарем, договорился о встрече в начале следующей недели. Вспомнив о дипломатических способностях Гордона, он решил съездить к нему, чтобы показать свои материалы и посоветоваться, как провести переговоры.

За годы, проведенные за границей, его старый друг детства, и до того всегда модно одетый, стал таким изысканно-элегантным, что выглядел, как подлинный иностранец. Он и стиль тамошней жизни перенес на отечественную почву.

— Проходи в гостиную, старик! — приветливо сказал он, открывая дверь. — Что пить будешь: виски или джин с тоником?

— Спасибо, но мне нельзя, — отказался Артём Сергеевич. — Я за рулем.

— Брось, — улыбнулся Юрий Львович. — Знаешь ведь: сто грамм

никому еще не повредили! Или забыл старый анекдот?

В свое время Гордон в их компании был главным знатоком и рассказчиком анекдотов. Даже носил с собой памятный блокнотик. И сейчас, видя, что его друг забыл, о чем речь, не удержался, чтобы не напомнить.

— Для тебя, автомобилиста, это должно быть заповедью, — вместо вступления сказал он. — Остановили одного, когда возвращался, крепко поддав, из гостей с женой и сыном. Заставили дуть в трубку. Естественно, реакция положительная. Но менты его отпустили.

— Отмазался? — нетерпеливо перебил Наумов. — В чем же соль?

— Не торопись, узнаешь! — одернул его Гордон. — Собирались отобрать права, но хитрован заявил, что у них испорчен прибор и потребовал, чтобы проверили на жене. Мильтоны отказались: дескать, она тоже пила. «Тогда проверьте ребенка! — потребовал водитель. — Может, скажете, что и он пил?»

— И проверили? — начиная догадываться, улыбнулся Артём Сергеевич.

— Проверили и отпустили! — смеясь, ответил Юрий Львович. — А лишь отъехали от поста ГАИ, плут бросает жене: «Ну, что я тебе говорил? Сто грамм ребенку не повредит!».

Друзья посмеялись, но от выпивки Наумов все же отказался.

— Нет, рисковать не буду, — сказал он, с сожалением глядя на приготовленные хозяином напитки. — По закону подлости по дороге что-то может случиться, а ребенка со мной не будет.

Когда Гордон прочитал принесенные бумаги, он некоторое время удивленно смотрел на старого друга, словно видел его впервые.

— Мне казалось, что ты зря лезешь в политику, ибо считал, что это занятие не для порядочных людей, — задумчиво произнес он. — Но теперь вижу: лишь честные политики могут принести народу истинную пользу. Ведь никто из тех, кого избрали в парламент, не выдвигает таких конкретных предложений. Может, из-за того, что они неосуществимы?

— Они вполне реальны, так как осуществлены в некоторых странах, где почитают аллаха и уважают сограждан, — ответил ему Наумов. — Если и у нас, хотя бы частично, последуют их примеру народ станет жить богаче. Я убежден, — горячо добавил он, — если «Отечество» выйдет с этим к народу, то непременно победит! Ты же видел расчеты? Они подействуют на избирателей сильнее красивых слов!

Потом Наумов познакомил друга с общим замыслом и прочитал отрывки из пьесы. Гордон слушал его с большим интересом, делал

полезные замечания, и в заключение сказал:

— Не знаю, что решит «Отечество», но я считаю такую телепостановку просто необходимой. Как лидер наш мэр слабоват! И не потому, что его недостаточно знают в регионах. О достоинствах раструбят во время предвыборной кампании. Ему не хватает харизмы.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Артём Сергеевич. — Он внешне несимпатичен или его не любят на периферии из-за того, что москвичи живут лучше?

— Ревность жителей окраин тоже имеет место, но это как раз прибавляет ему делового авторитета. И дело не во внешности, — объяснил Юрий Львович. — Слишком уж он благополучен и мало в нем героического. Поэтому твоя пьеса сейчас так необходима! Он в ней узнаваем и проложит путь к сердцам.

— Если пьеса будет иметь успех, — осторожно согласился с ним Наумов.

— Успех будет, не сомневайся! — подбодрил его Гордон. — Для этого в ней есть все. И острый сюжет на злобу дня, и симпатичные герои, которые прославляют широту русской природы. Только наши способны за правду рисковать жизнью и своими интересами. Недаром еще Тютчев сказал: «Умом Россию не понять...». Я бы, на твоём месте, сделал это эпиграфом. — Он одобрительно взглянул на друга: — И весьма удачным получился образ бывшего партийного босса, который, подняв палец, цитирует классиков марксизма, а став олигархом, учит всех уже капиталистическим заповедям. Поэтому советую изменить название пьесы на «Оборотень». Прежнее уж больно откровенно выдает политическое устремление мэра, а карьеризм у нас не в почете.

Уходя от него, Артём Сергеевич был рад, что получил полезные замечания до встречи с лидерами «Отечества», и есть еще время, чтобы сделать поправки.

* * *

И вот, наконец, Наумова принял пресс-секретарь «Отечества», молодой и до наглости самоуверенный. Часто прерываясь на ответы по телефону и указания сотрудникам, он выслушал его и, бегло просмотрев документы, уклончиво сказал:

— Ну что ж, уважаемый Артём Сергеевич, я ознакомлю членов политсовета с вашими предложениями. Думаю, на них произведут

впечатление ваши ученые звания, — снисходительно добавил молодой красавчик и досадливо поморщился: — Нас просто завалили предложениями. Все почему-то считают себя умнее лидеров «Отечества». А тем некогда заниматься мелочами.

— Вряд ли стоит пренебрегать советами своих сторонников. Ведь недаром народная мудрость гласит: ум хорошо, а два лучше! — Еле сдерживая возникшую неприязнь, сказал Наумов. — Надеюсь, они оценят, что мои предложения содержат ключ к победе «Отечества» на выборах.

— Каждый так думает, — небрежно возразил красавчик. — Я извиняюсь, но вы хоть и ученый, все же дилетант в политике, — его холеное лицо лоснилось от сознания собственной значительности. — Для победы нужны не ваши тезисы, а очень большие деньги. Вот наши лидеры и озабочены тем, как их заполнить.

Артёму Сергеевичу не хотелось с ним спорить, так как уже было ясно, что он — не тот, с кем надо иметь дело. Но все же счел нужным сказать:

— Деньги нужны, молодой человек. Но они будут и у других. Так что не они решат дело, а то, за кем пойдет народ. Не как политику, а как избирателю мне ясно: народ предпочтет того лидера, который более симпатичен и реально может улучшить жизнь, а не дает пустые обещания. — И уже не скрывая своего недовольства, Наумов потребовал: — Передайте своему руководству, что я настаиваю на встрече! В моих предложениях есть то, что вряд ли прислали другие. Это повышение уровня жизни, обоснованное расчетами, и телепостановка, украшающая харизму лидера. Если через неделю не получу ответа, то буду считать, что у него — плохие помощники, и обращусь лично к нему!

Считая, что дальнейший разговор с недалеким красавчиком бесполезен, он устало поднялся и направился к двери, хотя пресс-секретарь пытался ему что-то говорить про недостаток средств на пропагандистские мероприятия. А когда вернулся домой, не удержался, чтобы не высказать свое разочарование Варю.

— Такое впечатление, что все руководство «Отечества» состоит из недалеких дельцов, которые рвутся к власти теми же примитивными методами, что и другие, — пожаловался он. — С такими помощниками наш мэр — безусловно, сильная личность — проиграет выборы!

— Почему ты так решил? — сочувственно спросила Варя. — Они отклонили твои предложения?

— Не отклонили, но боюсь, что и рассматривать всерьез не будут, — удрученно ответил он. — Я сужу по пресс-секретарю, с которым встречался. На столь важной должности там нахальный сосунок,

назначенный явно по благу. И такие вот бездари окружили мэра плотной стеной, через которую до него не доходят дельные предложения!

— И что ты теперь намерен предпринять? — поинтересовалась Варя. — Будешь уговаривать или махнешь на них рукой? Я бы посоветовала последнее, да уж очень жаль твоих трудов.

— А мне жаль не трудов, а наших сограждан, — с досадой ответил жене Артём Сергеевич. — Никто из рвущихся к власти не озабочен тем, чтобы дать им хоть частицу богатства, которым они должны обладать по праву. Мэр, мне кажется, на это способен, но до него добраться — целая проблема! — Он ненадолго умолк и, поразмыслив, добавил: — Нет, пока ничего предпринимать не буду. Еще есть надежда на то, что мои расчеты и идея телепостановки заинтересуют политсовет «Отечества». В нем все-таки собрались деятели, которые намерены победить на выборах. Подожду их реакции, а там видно будет!

* * *

Однако надежды Наумова не оправдались. Время шло, а никакой реакции на его предложения со стороны политсовета «Отечества» не было.

— Не понимаю, на что надеются эти люди, — посетовал он в разговоре с женой, имея в виду членов политсовета. — Для того чтобы победить на выборах, мало критиковать власть и разоблачать Семью, ибо, используя «административный ресурс» и послушные СМИ, она легко добьется большого процента поданных голосов за своего ставленника. Другие столько не наберут!

— Почему? — усомнилась Варя. — Коммунисты уверяют, что и на прошлых выборах собрали больше голосов, чем Ельцин, а результаты сфальсифицировали.

— Это не доказано. «Административный ресурс» может использовать и подтасовку голосов, но коммунисты не способны победить совсем по иной причине, — объяснил ей муж. — За них ведь только те, кто тоскует по прежним временам. Но большинство не желает возврата к старому.

— Тогда кто сможет одолеть этот «административный ресурс»? — удрученно спросила Варя. — Выходит, что ставленники Семьи на местах сумеют обеспечить нужные им итоги голосования?

— Только в том случае, если против них не выступит большинство народа, — ответил Артём Сергеевич. — Пока Семье противостоят одни демагоги, которые лишь поносят ее, ничего не предлагая конкретно, власть

у нее никто не отберет. Победить эту клику можно, лишь набрав намного больше голосов. А для этого нужно в отличие от других дать народу реальное обещание улучшить его благосостояние. И само собой, новый политический лидер должен вызывать доверие и симпатию.

— В твоих предложениях «Отечеству» все это есть. Почему же они ими пренебрегают? Неужели тем, кто заседает в политсовете, невдомек то, что ясно тебе?

— Не могу этого понять, — нахмурился Артём Сергеевич. — Это можно объяснить лишь тем, что большинство тех, кто занимается сейчас политикой — бездари. И у «Отечества» тоже нет сильной команды. Это лишает его шансов на победу.

— Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, дорогой, — неуверенно произнесла Варя, — что тебе нужно об этом написать мэру. Конечно, если считаешь его тем лидером, который сможет управлять страной лучше Ельцина и Путина.

— Наверное, ничего другого мне и не остается, — согласился с женой Наумов. — Боюсь только, что мои предложения так и не попадут в руки мэра. Их прежде будут читать его помощники. Таков бюрократический порядок.

— Ну и что? Все равно это надо сделать. И они могут оценить пользу того, что предлагаешь. Не забудь только подчеркнуть, насколько телепостановка будет способствовать популярности мэра у избирателей в других регионах страны.

Подбодренный советом жены, Артём Сергеевич собрал весь пакет своих предложений и отправил лидеру «Отечества», сопроводив небольшим письмом, в котором, в частности, говорилось:

...Без ложной скромности высказываю убеждение, что, только используя мои предложения, Вы добьетесь победы на выборах. Конкретное обещание сделать граждан России богаче привлечет их на сторону «Отечества», и клевета, на которую не посягнутся ваши конкуренты, не возымеет действия.

Не менее важен для победы значительный рост Вашей популярности не только в столице, но и в других регионах России. Наиболее эффективно этому поможет телепостановка предлагаемой пьесы. Рекламные ролики и фильмы с Вашим восхвалением не только бесполезны, так как противники сделают то же самое, но могут Вам навредить из-за явного подхалимажа. Необходим симпатичный герой, который самоотверженно борется за интересы народа и в котором миллионы телезрителей должны

узнать Вас. Эту цель и преследует моя пьеса, постановка которой не потребует больших затрат и может быть осуществлена в короткие сроки.

Являясь Вашим сторонником, я искренне верю, что Ваша победа принесет России и ее гражданам пользу. Желая ей всячески содействовать, считаю своим долгом предупредить, что пока не поздно необходимо усилить политсовет «Отечества» более дальновидными людьми. Нынешний вряд ли способен обеспечить победу. Мое мнение обосновано не столько его недооценкой моих предложений, сколько пренебрежением к советам Ваших сторонников. При необходимости я к вашим услугам...

Это письмо вместе с пакетом своих предложений Наумов для верности направил не через аппарат «Отечества», а через канцелярию мэрии заказной почтой, с указанием: «Лично мэру». Однако ни в этом месяце, ни в следующем ответа не получил.

Глава 15

Черный пиар

Второе тысячелетие в России закончилось сенсацией. Под самый Новый год Ельцин добровольно «отрекся от престола». По Конституции власть в стране до выборов нового президента перешла к премьер-министру Путину. И хотя отказ «царя Бориса», как окрестил Ельцина народ, от власти в пользу выдвинутого Семейей преемника предрекали, произошедшее все равно казалось невероятным.

— Вот уж не думал, что Ельцин даст себя уговорить, — высказал свое недоумение Царев, позвонив Наумову сразу после того, как передали выступление президента по телевидению. — Для высших партийных лидеров власть была всем, и они с ней расставались, только когда их выносили вперед ногами.

Его мнение разделял и Максименко. Поздравив Артёма Сергеевича с наступающим миллениумом, Николай Павлович высказал такое предположение:

— Думаю, не в состоянии здоровья и не в уговорах дело. Добровольно отдать власть Ельцина не уговоришь. Не тот случай! Видно, мне правду сказали, что олигархи отказали ему в финансовой поддержке, которую предоставили на прошлых выборах. И лишь осознав, что шансов у него нет, Ельцин сдался под гарантии сохранения своего статуса, привилегий и неприкосновенности.

Так это было или не так, но послушные власти СМИ сразу начали воспевать Путина как достойного восприемника президента, а добровольную отставку Ельцина — как мужественный шаг, продиктованный заботой о благе народа России. И не дожидаясь начала предвыборной кампании, обрушили поток грязи и клеветы на главных соперников премьер-министра, которыми сочли на этот раз не коммунистов, а Примакова и мэра Москвы.

Вот когда черный пиар и «грязные технологии», взятые на вооружение Семейей в этой предвыборной кампании, явили себя в особенно изощренном и бессовестном виде. Стараясь замарать и обесчестить конкурентов Путина, его пособники в СМИ «мочили» их, если не в сортире, то подобно этому. Не утруждая себя доказательствами, приписывали им несуществующую собственность за рубежом. Бросали тень на состояние здоровья, показывая телезрителям какие-то страшные рентгеновские

снимки, якобы перенесенных ими операций. Даже суды, разоблачавшие этих «телекиллеров» как клеветников, остановить их были не в состоянии.

— Ну как могут телеканалы выпускать в эфир эти мерзости без проверки? — возмущенно спросила Варя. — Суд установил, что порочащие нашего мэра факты, приведенные телеведущим Горенко, не соответствуют действительности, а его передачи все равно продолжают. Это же безобразие!

— Кто же его отстранит, когда он выполняет волю своих хозяев, — с усмешкой ответил Артём Сергеевич. — Разве ты забыла, как по государственному каналу показали на генпрокурора компромат, добытый противозаконно и не вызывающий никакого доверия? — Он презрительно передернул плечами. — Самое скверное не в том, что правящая клика использует подлые методы, чтобы остаться у власти. Плохо, что черный пиар достигает цели и позволяет манипулировать общественным мнением. Люди воспринимают эту грязную клевету, и многие ей верят. Вот в чем беда!

— И ты думаешь, что телепостановка смогла бы противодействовать черному пиару? — усомнилась Варя. — Вряд ли она поможет, если поверят этой клевете.

— Большинство телезрителей верит в нее потому, что безразличны к бывшему премьер-министру и мэру, — убежденно сказал Наумов. — Но тех, кого любят, не дадут в обиду! Если моя постановка покажет всем мэра, как героя, не щадя себя, борющегося с порочной властью, клевета потеряет не только силу, но и обернется против тех, кто ее распространяет.

— Будем надеяться, что лидеры «Отечества» осознают это своевременно, — озабоченно заключила Варя. — Но пока никто из них не прислушался к тому, что ты предлагаешь.

И действительно, никакой реакции на предложения, посланные Наумовым в канцелярию мэра, не было.

* * *

Телевизионные передачи того времени поражали своей бездуховностью и наглым засильем рекламы. Основное эфирное время занимали боевики и триллеры, где «героями» были орудующие вне закона супермены, ловкачи и жуткие чудовища. Даже свои отечественные фильмы, в основном были «чернушными» детективами, утверждавшими могущество мафии и бессилие закона. Посреди этого мрака светлым

пятном была лишь демонстрация старых советских картин, которые выглядели архаично и подчеркивали аморальность остальных передач.

Что касается рекламы, то ее давали в огромном количестве, многократно прерывая все передачи, не исключая сводки новостей и прогнозы погоды. Этот «рекламный террор» мешал смотреть даже очень старые фильмы, разрывая передачи на мелкие части и лишая телезрителей удовольствия. Они старались избавиться от этой напасти, переключая каналы, но всюду было одно и то же.

Повсеместно народ гневался, протестовал, через своих депутатов ставил вопрос об ограничении рекламы в Думе, но никаких мер реально не принималось.

— А они и не будут приняты, если у власти останется нынешняя хунта, — сказал Царев Варя, когда та пожаловалась, что из-за рекламы не может смотреть даже любимые ею сериалы. Он активно включился в предвыборную кампанию на стороне левых сил и убежал к Наумову за материалами.

— Это почему же? — высоко подняла брови Варя. — Дума ведь приняла закон об ограничении рекламы на телевидении. Его обязаны выполнять.

— Плевали они на закон! Реклама дает дельцам, тесно связанным с Семьей, огромные барыши, и от них никто не откажется, — объяснил Владимир Иванович. — Эта мафия считает народ быдлом, которое все вытерпит.

— Как же Путин надеется победить на выборах? — удивился Артём Сергеевич. — Кто же заставит проголосовать за него?

— А они надеются снова оболванить народ, когда подойдет время, — с горечью объяснил Царев. — Купят за большие бабки всех звезд эстрады и пошлют их с концертами по стране агитировать за Путина. Молодежь телевизор не смотрит, и на это клюнет. Остальных запугают Чечней. Мол, только он сможет бандитов «замочить в сортире». Простая арифметика!

— Куда как простая. И подлая, — угрюмо согласился Наумов. — Но это говорит лишь о том, что и своих противников Семья в грош не ставит. Тут она может и погореть, если просчитается!

— Что ты имеешь в виду? — не понял Царев. — На чем она погорит?

— Народ буквально терроризирован рекламой. А телевидение — единственная отрада, доступная ему в любом уголке России. Вот это и может использовать оппозиция нынешней власти! Теперь сечешь? — победно взглянул он на друга.

— Не совсем, — ответил Владимир Иванович. — Говори яснее!

— По-моему, все и так ясно. Те, кто твердо обещает народу покончить с рекламным террором на телевидении, сразу же обретут миллионы сторонников и огромные шансы одержать победу, — пояснил Наумов, добавив: — Если, конечно, и в остальном правильно проведут кампанию.

Он ожидал, что другу понравится эта идея, но, к его удивлению, Царев ее с ходу забраковал.

— Нет, на это сейчас никто не решится. Ни одно движение, и ни одна партия, — убежденно заявил он. — С телевидением ссориться нельзя!

— Даже если ставкой является победа на выборах? — горячо возразил Артём Сергеевич. — Всем участникам по закону обязаны дать эфирное время. И потом, кроме телека, существуют и другие средства агитации, доступные в любом уголке страны. Например, плакаты и листовки.

— На это нужны немалые бабки. Того, что отпускают на выборы, не хватит.

— А что, у вашего движения нет других средств? — удивился Артём Сергеевич. — Ведь государственной субсидии недостаточно.

— Конечно, есть, и ты лучше не спрашивай, из какого они источника, — хмуро ответил Царев. — Между прочим, и у твоего «Отечества» частично оттуда же. Поэтому и оно не выступит против рекламы. Тем более что имеет свой канал.

Намек был настолько прозрачным, что Наумов даже оторопел.

— Ты хочешь сказать, что и вас, и «Отечество» тоже частично финансирует эта мафия, за которой стоят хозяева-олигархи? — спросил он упавшим голосом. — Как же такое может быть? Разве они не поддерживают Семью, которая их взрастила и опекает?

— Хорошая хозяйка никогда не держит все яйца в одной корзине, — усмехнулся Царев. — Эти хитрецы поддерживают всех, кто имеет какие-то шансы на победу. И нам тоже без их бабок не обойтись.

Теперь уже и Наумову было ясно, что политические партии и движения не слишком разборчивы в источниках финансирования предвыборной кампании и повально зависят от телемагнатов. «Пока бороться с ними никто не может, — удрученно подумал он. — Даже «Отечество». А жаль! Защита граждан от телерекламы явилась бы мощным козырем в борьбе за победу на выборах».

Больше этот вопрос он нигде не поднимал.

Вскоре началась предвыборная кампания, и ее ход был для сторонников Примакова и «Отечества» удручающим. Ни бывший премьер-министр, ни мэр Москвы не смогли ничего противопоставить грязным методам ведения борьбы, которые были вполне ожидаемы. Руководство движения, которое поддерживала большая часть населения России и которое реально претендовало на победу, проявило политическую недалекновидность, действовало вяло и, по существу, полностью обанкротилось.

На черный пиар оно не только не ответило тем же, но не смогло дать отпор потоку грубой клеветы, чтобы защитить доброе имя своих лидеров. В чем их только не обвиняли! И в сокрытии имущества, и в плохом руководстве. Даже в коммерческих махинациях членов семьи. На все инсинуации лидеры движения отвечали тем, что подавали на клеветников в суд. Это несколько не помогало, так как яд клеветы воздействовал на миллионы избирателей, а сообщения о наказании «телекиллеров» проходили почти незамеченными.

Артём Сергеевич был крайне расстроен происходящим. Он не мог спокойно наблюдать за утратой «Отечеством», казалось бы, прочных позиций. Но и снова идти в бездарный политсовет движения считал ниже своего достоинства.

— Все этой грязью умышленно отвлекают внимание избирателей от неспособности нынешней власти наладить нормальную жизнь, — с горечью сказал он Варе, когда они, сидя у телевизора, смотрели информационную программу. — Продажные комментаторы «мочат» как раз тех, кто способен вывести страну из тупика. И похоже, что им снова удастся задурить головы избирателям! — Наумов тяжело вздохнул. — Нет! Надо что-то сделать, чтобы открыть людям глаза. Они не должны мириться с теми, кто их нагло обворовывает, и добровольно отдавать им власть. Нужно поставить мою пьесу!

— А что это теперь даст? — скептически отозвалась Варя. — Поезд-то уже ушел! Мне кажется, что лидерам «Отечества» уже ничего не поможет. Особенно мэру, которого не только самого очернили, но даже супругу. И уронила его в глазах нищего населения вовсе не клевета, а демонстрация богатства.

— В этом ты права, — согласился. — Хотя, симпатичный прототип мэра в моей пьесе и улучшит к нему отношение. Но главное значение ее постановки будет заключаться в разоблачении двуличности и преступной сущности нынешней власти. У пьесы теперь новое название — «Оборотень» — и она должна призывать к смене прогнившего режима!

— Но кто же сейчас её поставит? Театры испытывают финансовые трудности, — с сомнением покачала головой Варя. — Надеешься, что сколько-нибудь денег даст мэрия? По-моему, им сейчас уже не до этого.

— Да, теперь туда обращаться бесполезно, — удрученно сказал Наумов. — И в театры, наверное, тоже. Но у меня появилась идея, как быстро и без больших затрат произвести ее постановку. — И объяснил: — Театрам нужны спонсоры, и на постановку уйдет слишком много времени. Поэтому есть смысл заинтересовать моей пьесой студенческие студии. Она ведь очень злободневна и обратит на себя внимание тем, что в ней остро критикуется власть. Продажные СМИ на это непременно отреагируют, поднимется шумиха, что и требуется!

— А почему ты так уверен, что ее не замолчат, — усомнилась Варя. — Вряд ли прислужникам власти выгодно поднимать этот шум.

— Им, конечно, невыгодно, и они не так глупы. Но, к счастью, не все еще телеканалы в руках правящей клики, — ответил Артём Сергеевич. — Они-то не только заметят, но и, как я надеюсь, покажут этот спектакль широкому зрителю. Лишь бы успеть до выборов. Время-то еще есть.

Приняв решение, он с присущей ему энергией приступил к осуществлению своего замысла.

* * *

Поначалу Наумов решил попытать счастья в студенческом театре-студии МАИ, в котором когда-то выступал сам, и здесь его ожидала удача. Женщина — художественный руководитель театральной труппы, ознакомившись с пьесой, переданной им ей лично, на следующий же день ему позвонила, и выразила живую заинтересованность.

— Пьеса сильна драматургией и весьма актуальна, — одобрительно отозвалась она о его детище. — В ней есть все, что сегодня волнует зрителей. Я охотно приступлю к постановке, если профком МАИ выделит средства. Но все равно нам надо встретиться, так как требуется внести существенные поправки.

— А какие именно? — поинтересовался Артём Сергеевич. — Наверное, тяжеловаты диалоги?

— Ну, это поправить легче всего. Речь идет о более серьезном, — озабоченно сказала женщина. — Нам не потянуть такого количества действующих лиц, и три акта слишком много. Пьесу придется сильно сократить. Вы на это согласны?

— Согласен, если не будет выхолощено основное содержание, — ответил Наумов. — Я и сам сомневался, нужен ли первый акт с детством героев. Он осложняет постановку пьесы.

— Вот именно. Хорошо, что вы это сознаете, — удовлетворенно сказала худрук. — Я набросала свои предложения, и, если вас устраивает, мы их можем обсудить завтра в клубе МАИ. Буду там после часу дня.

Их встреча оказалась очень плодотворной. Поработав больше двух часов, они исключили первый акт, и убрали ряд эпизодических персонажей, сократив число действующих лиц вдвое. Совместная работа и полное взаимопонимание их сблизили, и, когда были согласованы все поправки, Артём Сергеевич нашел эту не очень молодую и некрасивую женщину довольно привлекательной. Лишь теперь он заметил, что у нее прекрасная фигура, и под толстыми стеклами очков большие умные глаза.

Все бы было хорошо, если бы в конце его визита не выяснилось, что тех денег, которые может выделить на новую постановку профком МАИ, явно не хватит. Оказалось, что Юлия (так звали худрука драматической труппы театра) уже там побывала, и ей обещана помощь.

— Наши общественные организации поддерживают «Отечество», а ректор — личный друг мэра, — объяснила она. — Вот почему мне сразу разрешили поставить вашу пьесу. Но в профкоме нет денег, и дают лишь половину того, что требуется. — Она с недовольным видом пожалала плечами. — Что поделаешь, такие сейчас времена! Придется начать репетировать «на авось» в надежде, что остальное добавит из своего фонда ректор. Если откажет, остановим работу над пьесой и будем искать спонсоров.

И хотя Артём Сергеевич ушел от нее в хорошем настроении, в его душе поселилась забота о том, где раздобыть недостающие средства на постановку пьесы. Прикинув в уме все возможности, в том числе и повторное обращение в мэрию, он пришел к выводу, что реально ему может помочь только его друг Максименко. Николай Павлович вел свой бизнес успешно, и его состояние непрерывно росло.

Упускать драгоценное время было нельзя, и Наумов с утра позвонил ему, попросив о встрече. Максименко очень любезно принял его в своем роскошном кабинете, велел секретарше принести традиционный кофе и, усевшись напротив за совещательным столом, сказал:

— Ну, выкладывай, какая у тебя просьба! Я уже по тому, как ты говорил со мной по телефону, понял, что тебя здорово припекло, — с высокомерно усталым видом произнес он, откинувшись на спинку мягкого кожаного кресла. — Меня последнее время просители просто замучили!

Всем чего-то от меня надо. Ссылаются на какие-то свои заслуги. Но я помню мудрое правило: если не хочешь потерять друга, не давай ему взаймы.

Его вступление было равносильно холодному душу. «А ведь Никола таким образом меня предупреждает, чтобы не просил денег. Ну и жлоб, — вскипел Артём Сергеевич. — Видно, его окончательно испортило богатство!» Но вслух, еле сдерживая гнев, сказал:

— Твое мудрое правило мне незнакомо, хотя я согласен, что помогать другу менее комфортно, чем у него одалживать. Однако же я давал тебе взаймы, всегда помогал, чем мог и, вопреки этому правилу, тебя как друга не потерял. — И, уже давая волю гневу, запальчиво бросил: — Но когда мне понадобилась помощь, я вижу, что нашей дружбе пришел конец. Твое правило — дерьмо! В чем еще состоит дружба, если не во взаимной поддержке и помощи? Раз ты иного мнения, нам не о чем больше говорить!

— погоди, не лезь в бутылку! — опешил Николай Павлович, не ожидавший такой реакции. — Скажи, сколько тебе надо, но учти: у меня серьезный бизнес, и я не могу швырять деньги на ветер. Не журишь! — примирительно произнес он, вытирая платком враз вспотевшую лысину. — Зачем рушить старую дружбу? Наши жены нам этого не простят.

— При чем тут жены? Мне не нужны друзья с такими правилами, как у тебя, — уже взяв себя в руки и вставая, сухо заявил Артём. — И лично мне, Коля, ничего от тебя не надо. Я хотел лишь узнать, не сможешь ли помочь постановке моей пьесы, если понадобится. Обойдемся без тебя! Такие жадные нувориши, как ты, которые в это трудное время не помогают культуре и искусству, мне противны!

Поданный кофе пить он не стал и ушел, не прощаясь.

* * *

Пьеса студенческой труппе понравилась, репетиции шли уже полным ходом, и Наумов с увлечением принимал участие в ее постановке. Он любил театр, сам когда-то играл, мир кулис был ему знаком. Юлия отнюдь не пренебрегала его советами, привлекла к выбору исполнителей главных ролей, и их взаимная симпатия возросла еще больше. Однако от этого увлекательного занятия Артёма Сергеевича оторвали домашние обстоятельства.

Семейная проблема возникла из-за тещи, которой уже перевалило за восемьдесят. Анфиса Ивановна по-прежнему жила одна, и Наумов два раза

в неделю возил к ней жену, которая готовила ей еду и прибиралась в квартире. Несмотря на почтенный возраст, теща на здоровье не жаловалась, ничем не болела, но квартира была грязной и запущенной, так как, будучи отъявленной лентяйкой, она весь день проводила, сидя у телевизора.

Артём Сергеевич уже не раз предлагал Варю с ней съехаться. Его утомляли частые поездки к теще в другой конец города, и для жены они стали дополнительной тяжелой нагрузкой. Но, зная неуживчивый характер матери, Варя категорически это отвергала.

— Тогда у нас никакой жизни не будет! Забыл, как ее ненавидели все соседи? — приводила она неотразимый аргумент. — Я уже не говорю о том, что мать даже пальцем не пошевелит, чтобы мне помочь, и разведет в квартире грязь.

— Но она слишком старая, чтобы жить одной. Все равно ведь придется забрать ее к себе, если заболит.

— Вот тогда и заберем, — возражала Варя. — Но она еще нас с тобой переживет. А если возьмем к себе, то уж точно в гроб вгонит!

И все продолжалось бы по-прежнему, если бы теща не перепугала их своим ночным звонком.

— Мне очень плохо... наверное... инсульт, — заплетаясь языком, еле слышно сообщила она зятю, взявшему трубку. — Упала... и не могу... подняться. Помираю...

Наумов разбудил жену, сказал ей, что с матерью плохо, и побежал в гараж за машиной. Однако, когда они приехали, Анфиса Ивановна уже сама поднялась и сидела на стуле около кухонного стола, а на полу валялись осколки тарелки с едой, которую она смахнула при падении, и виднелись следы рвоты.

— Ты вызвала «скорую»? — спросила Варя, беря ее за руку и щупая пульс.

— Нет, ждала твоего приезда, — тоном умирающей ответила Анфиса Ивановна. — У меня нет сил...

Варя внимательно ее прослушала, измерила давление и заключила:

— Инсульта у тебя, к счастью, нет. Похоже на пищевое отравление. Наверно, плохо пережарила, — она указала глазами на остатки пищи, — несвежую колбасу из холодильника. — Анфиса Ивановна ничего не ответила, и Варя продолжала: — Сейчас пульс и давление у тебя в норме. Поэтому «скорую» вызывать уже не надо. Но и оставаться одной тебе тоже нельзя. Поживешь эту недельку у нас. Сейчас я помогу тебе одеться.

— А не повредит ей сейчас поездка? — высказал опасение Артём Сергеевич. — Насколько я знаю, при инсульте нужен полный покой.

— Это при инсульте, а его у матери нет, — объяснила Варя. — Она, похоже, съела какую-то гадость.

— Тогда забирай ее к нам, — предложил он. — Хоть будет хорошо питаться и вылечит желудок.

С этого дня Анфиса Ивановна поселилась вместе с ними, и к себе больше не вернулась. Ее вполне устраивало жить на всем готовом, по-прежнему ничего не делать и отлично питаться. Тем более что пенсию она могла тратить по своему усмотрению, и ей была отдана лучшая комната — спальня, окна которой выходили на солнечную сторону. Об обратном переезде матери не заикалась и Варя, уже смирившаяся с тем, что придется нести свой крест.

Само собой, вскоре встал вопрос о тещиной квартире. Оказалось, что на нее претендует соседка по подъезду, желавшая отселить сына. И Анфиса Ивановна соглашалась продать только ей, так как боялась обмана со стороны незнакомых людей. Артём Сергеевич с Варей не возражали, хотя соседка давала намного меньше того, что можно было получить за эту квартиру. Для большей гарантии договорились, чтобы оплату она произвела путем перевода условленной суммы на валютный счет Наумова в Сбербанке.

Эти деньги и стали причиной семейных осложнений.

* * *

Ни Артём Сергеевич, ни Варя не покушались на деньги, полученные за кооперативную квартиру Анфисы Ивановны. Еще когда был решен вопрос о том, что она окончательно переселяется к ним, наметили использовать их в качестве доплаты при обмене своей на трехкомнатную, как только Варя уйдет с работы. Но пока она расставаться с работой не собиралась, и вопрос об этом не стоял.

Но когда на его счету в Сбербанке появилась столько денег, Наумов, занимаясь поиском средств, недостающих для постановки пьесы, естественно, забыть о них не мог. И после того как выяснилось, что дотацию от ректора МАИ студенческий театр не получит, он принял решение снять часть денег со счета.

— Ну как я могу ходить и повсюду кланчить деньги, когда они лежат у меня на книжке, — объяснил он жене свое решение. — Прodelана огромная работа и сейчас, если дело встанет, то все пойдет насмарку. А нам они пока не нужны, и еще неизвестно, когда понадобятся.

— Но ты забываешь, что это — не наши с тобой деньги, — холодно ответила Варя. — Это деньги матери, и она на такое не согласится.

— Ты ошибаешься! — возразил Артём Сергеевич, задетый не столько несогласием, сколько холодным тоном и отсутствием солидарности жены. — Эти деньги не ее, так как она получила за них полную компенсацию. Деньги — наши, и должны пойти на то, чтобы мы восстановили утраченные удобства.

— Допустим. Но ты собираешься их потратить, — так же холодно и враждебно произнесла Варя, — и я с этим не согласна! У нас нет возможности кидать деньги на ветер. Ты что, вообразил себя меценатом?

Эта ее колкость вывела Наумова из себя.

— Да я не гожусь в меценаты. К большому сожалению, — бросил он Варю. — Но и сидеть на деньгах, когда гибнет важное и полезное дело, не собираюсь! Напрасно ты так над ними трясешься. Не пропадут они зря! И я постараюсь вернуть их при первой же возможности.

— Плохо же ты обо мне думаешь, — обиженно сказала Варя, и ее серые глаза наполнились слезами. — Я вовсе не трясусь над деньгами. Но ты хочешь потратить их на свою прихоть и, конечно, не вернешь.

Это еще больше взвинтило Артёма Сергеевича, и он был готов ответить ей резкостью, но Варя круто повернулась и, прервав разговор, вышла из комнаты. Может быть, на этом их ссора и закончилась бы, так как Наумов сделал то, что хотел, а жена никогда на него слишком долго не дулась. Но она совершила непростительную ошибку, рассказав обо всем матери. И верная своему нраву, Анфиса Ивановна не преминула учинить грандиозный скандал.

— Как ты смеешь без спросу распоряжаться моими деньгами? — набросилась она на зятя, когда Варя ушла на работу. — Они мной заработаны за долгие годы труда! Теперь понятно, зачем вы меня сюда привезли.

— Ну и зачем? — сразу поняв причину ее недовольства и сам закипая гневом, спросил Артём Сергеевич. — Разве не для того, чтобы вы жили здесь, как у Христа за пазухой?

— Мои денежки тебе понадобились! Вот для чего! — наступая на него, злобно выпалила теща.

«Ну и дурища! Старая, а ума не нажила, — стараясь унять раздражение, подумал Наумов. — Неужели не понимает, что, испортив со мной отношения, делает хуже самой себе? До чего же любит скандалить. Ведь деньги ей не нужны». Еле сдержавшись, чтобы не нагрубить, он предложил:

— Давайте, Анфиса Ивановна, разберемся! Чтобы впредь между нами не было недоразумений. Или вы хотите со мной поссориться?

— А чего мне с тобой разбираться? — визгливо выкрикнула теща. — Верни деньги, которые взял, вот и весь сказ!

— Вы решили снова жить отдельно? — хмуро спросил Артём Сергеевич. — Если так, мы купим вам квартиру неподалеку.

— Ты меня не выгонишь! Я живу у своей дочери, — злобно бросила теща. — Твое слово мне не указ!

Этого уже Наумов стерпеть не смог. Он яростно сжал кулаки и рявкнул:

— А ну сядь, старая ведьма, и внимательно слушай, что я тебе скажу!

Анфиса Ивановна испуганно присела на кушетку, и он, отчеканивая каждое слово так, словно желал, чтобы она запомнила их навсегда, заявил:

— Во-первых, ты здесь не в гостях. У тебя самая большая и лучшая комната. Поэтому никаких денег тебе не причитается. Они принадлежат нам с Варей, и потребуются для обмена квартиры, чтобы мы не теснились в одной комнате. — Сделав небольшую паузу, Артём Сергеевич продолжал: — Взяли тебя лишь потому, что бедствовала одна. И сама знаешь, насколько у нас тебе лучше. Поэтому о деньгах больше не заикайся! — Он шумно вздохнул и жестко предупредил: — А будешь скандалить, получишь деньги назад, но уберешься отсюда либо в новую квартиру, либо в дом престарелых. Обратной дороги уже не будет!

Анфиса Ивановна молча ушла в свою комнату, но вечером нажаловалась на него дочери. Это было видно по поведению Вари. Она не только, как обычно, дулась на мужа, но еще бросала на него осуждающие взгляды, которые показывали, что к прошлой обиде добавилось недовольство за его ссору с матерью. От этого домашняя обстановка у Наумова накалилась еще больше.

* * *

Этот период Артёму Сергеевичу запомнился как особенно безрадостный. Предвыборная кампания со всей очевидностью сулила победу Семье в лице ее ставленника Путина. Бывший глава ФСБ, а ныне премьер-министр, который до этого ничем не отличился, кроме известного обещания бандитам «замочить их в сортире», стремительно набирал очки в борьбе за президентское кресло. Телевидение показывало его то едущим в танке, то летящим на сверхзвуковом истребителе, то в боевой форме перед

строем военных моряков. И благодаря этому в глазах народа он обрел облик чуть ли не героя, оставив позади всех соперников.

Черный пиар, которым наполнили СМИ стоящие за Семейей олигархи против основных конкурентов Путина, сделал свое дело и, не только Примаков с мэром Москвы, но и лидер КПРФ, который на прошлых выборах реально соперничал с Ельциным за пост президента России, бледно выглядели в глазах избирателей по сравнению с признанным фаворитом.

К большому огорчению Наумова, несмотря на энтузиазм актерского коллектива, самоотверженные усилия его и режиссера Юлии, а также затраченные им лично немалые деньги, своевременно поставить пьесу «Оборотень» не удалось. Премьера спектакля состоялась лишь за неделю до выборов, и, хотя им сразу же заинтересовался оппозиционный Путину канал телевидения, как говорится, поезд уже ушел.

И это было обидно, так как изменений к лучшему от пребывания Путина до выборов в роли президента не произошло. По-прежнему высокопоставленные взяточники и казнокрады оставались безнаказанными, в стране царил криминальный беспредел, а новая чеченская бойня уносила жизни российских солдат, зачастую опять из-за предательства и головоуятия начальников.

Никто из оппонентов Путина так и не смог довести до сознания избирателей бездарность и криминальную сущность обанкротившейся власти, официальным преемником которой тот являлся, и еще до выборов уже стало ясно, что они ему проиграют. Еще не состоялось голосование, а многие губернаторы торопились заявить о своей лояльности, обещая обеспечить в своих «вотчинах» его победу и выпрашивая подачки.

— Никогда еще не было такого циничного холуйства «удельных князьков» и манипулирования голосами избирателей, — негодовал Царев, как всегда с головой ушедший в предвыборную борьбу. — Срочно необходим закон, наказывающий за использование пресловутого «административного ресурса»!

— А как они его используют? Покупают голоса избирателей или оказывают на них административное давление? — спросил Наумов. — Это ведь может оказать и обратное действие. Голосование-то тайное!

— Они применяют все средства! И подкупают разными подачками, и оказывают давление, запугивая население тем, что отключат свет и газ, если оно «не так» проголосует. Но часто действуют еще проще, — голос Царева дрогнул от возмущения. — Вбрасывают столько липовых бюллетеней, сколько потребуется для победы своего кандидата.

— Но ведь это — уголовное преступление! Какие еще тебе требуются законы? — с недоумением посмотрел на него Артём Сергеевич. — Неужто кто-то из губернаторов может пойти на такой риск?

— О чем ты говоришь? Какой риск? — усмехнулся Владимир Иванович. — У них тоже есть холуи, которые сделают все, чтобы угодить хозяину. И в правоохранительных органах сидят свои люди, которые на это закроют глаза.

— А как же избирательные комиссии? — усомнился Наумов. — В них тоже одни холуи местной власти?

— Конечно, далеко не все ей служат. Но хватает и таких комиссий, где это возможно, — убежденно сказал Царев. — Вот увидишь, губернаторы «сделают» Путину столько голосов, сколько обещают!

Итоги выборов подтвердили, что поднаторевший в политике друг Наумова и на этот раз оказался прав. В регионах, губернаторы которых открыто заявили Путину о своей поддержке, он действительно получил столько голосов, сколько они обещали. Семья торжествовала победу. Ее ставленник победил уже в первом туре и стал новым президентом России.

Глава 16

Мириться нельзя

Как и следовало ожидать, новый президент России выполнил обязательства перед теми, кто его выдвинул на этот пост. Своими указами он гарантировал личную неприкосновенность Ельцина вместе со всеми членами семьи и, более того, наградил его высшим орденом государства. Чиновники и олигархи, разграбившие казну и незаконно присвоившие общенародную собственность, остались безнаказанными и сохранили наворованное. Даже завхоз Кремля, чья вина в коррупции и отмывании «грязных денег» была установлена прокуратурой Швейцарии, не понес наказания и был назначен на почетную правительственную должность.

Война в Чечне приняла затяжной характер, и каждый день приносил новые жертвы. В армии по-прежнему отсутствовал порядок, и молодежь уклонялась от призыва. Участились случаи дезертирства. Преступные группировки вели себя еще более нагло. Разбой и убийства стали обычным делом. Люди не чувствовали себя в безопасности, и правоохранные органы выглядели совершенно беспомощно.

Ко всему этому добавилась хозяйственная разруха и диктат монополистов, бессовестно взвинтивших тарифы на коммунальные и транспортные услуги. Отключение за неуплату электроэнергии создало не только бедственное положение для населения отдаленных регионов страны, но и угрозу ее безопасности, так как обесточивать стали даже войска стратегического назначения.

Ежедневные сообщения и репортажи телевидения о страданиях ни в чем не повинных людей и их массовых выступлениях против произвола местных властей и монополистов будоражили общественное мнение.

— Невозможно смотреть на это без боли! Заевшиеся ворюги издеваются над народом и лишают его последних средств к существованию, — горько посетовал Царев, как всегда, зашедший к Наумову, чтобы поделиться с другом тем, что его мучило. — Сколько можно стричь одну и ту же овцу? Нет! Мириться дальше с этим нельзя! Надо действовать!

Видный специалист по ракетным топливам, доктор физико-математических наук, он занимал активную гражданскую позицию и, несмотря на занятость в академическом институте, находил время для политической деятельности в союзе народно-патриотических сил.

— Я вот как раз и действую. Не то, что вы в своем патриотическом союзе, — не преминул упрекнуть его Наумов. — Не смогли даже мобилизовать своих сторонников на прошедших выборах. Многие из них голосовали за Путина.

— Он их обманул! Показал себя крутым, разбил чеченцев. Многие поверили, что он — патриот России и, как бывший гэбэшник, наведет в стране порядок, — сердито ответил Царев. — Ты лучше скажи, что предпринимаешь?

— А мы уже ставим телеспектакль по моей пьесе, — не без гордости сообщил Артём Сергеевич. — В нем еще беспощадней высвечиваются пороки существующей власти и необходимость перемен к лучшему. Какое счастье, что есть еще независимый канал телевидения, не боящийся разоблачать Семью и Путина!

— Не такой уж он независимый, — скептически заметил Владимир Иванович. — Этот канал принадлежит олигарху Уткину, который находится в оппозиции к Путину. — А чем их заинтересовала твоя пьеса? — с любопытством спросил он. — Выборы прошли, и Уткин поддерживает не мэра и «Отечество», а либералов.

— Странно, что не понимаешь. Ты ведь занимаешься политикой, — шутливо подколот его Наумов. — Моя пьеса остро критикует власть, и ее показ дает возможность устроить шумные дискуссии, в которых тон, разумеется, будут задавать либералы. — И добавил: — Наш мэр в пьесе уже не главная фигура, но она ему на пользу, и сторонники «Отечества» поддержат эту акцию. Задуманная каналом серия «Ток-шоу» по обсуждению телепостановки, несомненно, будет иметь большой общественный резонанс.

— Да уж, шуму наделает много. И сильно досадит правящей хунте, — повеселев, согласился с ним Царев. — Как бы Путин не закрыл канал после этого! Критика Уткина его уже достала. — Однако веселые искорки в его глазах тут же погасли. — И у тебя могут быть неприятности, — предупредил он друга. — Эта клика на все способна! Ты не боишься?

— Ты что? — удивленно посмотрел на него Наумов. — Они с Уткиным, который их все время поносит, ничего не могут сделать. Если закроют канал, на Западе сразу поднимут скандал, что в России нарушают свободу слова, а Путин дорожит его мнением. — Он небрежно махнул рукой. — Я же — слишком мелкая сошка, чтобы затыкать мне глотку. И после драки кулаками не машут! Постановку уже увидят миллионы телезрителей.

— Смотри, я тебя предупредил! Ты же знаешь их методы. Замочат в

сортире, — покачал головой Царев и все же поощрительно улыбнулся другу. — Хотя мы с тобой не из тех, кто пасует перед опасностью.

* * *

Участие в работе над телепостановкой отвлекало Наумова от тяжелой атмосферы, царившей дома. Очевидно, под влиянием тещи Варя продолжала обиженно дуться. Она почти с ним не разговаривала, ограничиваясь двумя-тремя словами типа «завтрак (или ужин) на столе». Вот когда Артём Сергеевич в полной мере прочувствовал и понял, что самый худший вид одиночества — это одиночество вдвоем.

Время шло, а его отношения с женой не улучшались. Может быть, Наумов и сделал бы первый шаг к примирению, но ему не в чем было себя винить. Ведь ссора и с ней, и с тещей произошла из-за денег, а он был убежден, что поступил правильно, и кривить душой, просить за это прощения не мог. Оставалось надеяться, что она сама не выдержит и предложит мировую.

Но этого не случилось. Наоборот, стало еще хуже, когда за завтраком Варя, которая с утра не сказала и двух слов, без каких-либо объяснений потребовала:

— Сними с книжки пятьсот долларов! Мне они срочно нужны.

— Может, все-таки скажешь зачем? — поинтересовался Артём Сергеевич, заранее настраиваясь против из-за ее жесткого тона. — Что случилось?

— А я разве должна отчитываться? Это наши общие деньги, — сердито бросила Варя, но сообразив, что поступает неверно, смягчила тон. — Ты ведь тоже не спросил у меня разрешения!

Наумов на это не отреагировал, молча ожидая ответа, и она объяснила:

— Танечке с мужем не хватает на покупку квартиры. Вот хочу им одолжить.

«Одалживать не стоит. Ребята слишком мало прожили вместе. Вернуть такие деньги не смогут. Наоборот, будут новые просьбы, — неодобрительно подумал Артём Сергеевич. — Ничего, если квартиру приобретут позже». Вслух же коротко сказал:

— Я сниму, если ты так решила. Но считаю, что поступаешь неправильно. Эти деньги нам нужны, чтобы доплатить за обмен квартиры. Тратить их не стоит.

— Но ты же их тратишь! — взорвалась Варя. — Вот и я хочу помочь

Танечке.

— Жаль, что не видишь разницы, — с горечью ответил ей Наумов. — Я потратил деньги на святое дело и надеюсь их вернуть. Частично возьму из гонорара, который получу на телевидении.

— Помочь племяннице для меня тоже святое дело! — запальчиво сказала Варя. — И отдадут они долг, не беспокойся. Альберт хорошо зарабатывает.

— Разве я против помощи родным? А кто посоветовал тебе посылать деньги тете Шуре? — упрекнул ее муж. — И я тоже люблю Танечку. Но ты сама говорила, что у нее не все ладно с Альбертом. С покупкой квартиры они могут подождать. Мы поможем, если будет нужно, но вернуть долг они, конечно, не смогут.

Однако Варя была не согласна.

— Почему же не смогут? У них там в милиции больше всех зарабатывают. Только Алик много пропивает. Говорит, иначе у них нельзя, — горячо объясняла она мужу. — На этой почве и происходят скандалы. Танечка боится, что Альберт сопьется, и потом, где пьянка — там бабы.

— Сегодня же сниму деньги, раз так настаиваешь, — еле сдерживая раздражение от ее упорства, сдался Артём Сергеевич. — Но ты с ними простишься! Поскольку Альберт пьет, и его заработки скорее всего «левые». А это для него может плохо обернуться. Их брак с Танечкой непрочен. Но разве тебя переубедишь?

На это Варя ничего не ответила, только упрямо сжала губы, и он вечером вручил ей то, что она требовала. И хотя, как потом выяснилось, его резоны до нее дошли и посылать деньги жена передумала, может быть, как раз из-за этого, отчуждение между ними возросло, и их отношения стали еще холоднее.

* * *

Совместная работа над телепостановкой еще больше сблизила Артёма Сергеевича с Юлией. Из-за неладов с женой он все дни проводил в студии, там же обедал и ужинал. Заключив договор на переработку своей пьесы, Наумов по ходу дела постоянно, совместно с актерами и режиссером вносил коррективы в диалоги и сюжетные повороты спектакля. Как это принято в творческой среде, они с Юлией, несмотря на разницу в возрасте, давно перешли на «ты», вместе ходили в столовую, и уже знали друг о

друге почти все.

Художественной руководительнице студенческой труппы было немногим более сорока лет. Она закончила «Щуку» и успела поработать в одном из московских театров, где вышла замуж за своего товарища. Ее муж тоже был на вторых ролях, не блистал красотой, но пользовался успехом у женщин. Он вряд ли на ней бы женился, если бы не забеременела и не родила ему ребенка. Но и после этого не оставил своих привычек, и их семейная жизнь стала сплошной цепочкой его измен, во время которых он исчезал из дому.

— У меня, по сути, не было мужа. Дочь редко видела отца, и я растила ее одна, — с горечью поведала она Наумову. — В конце концов мне это надоело. Год назад мы развелись, разменяли квартиру, и однокомнатная досталась нам с дочкой. Но и она недавно вышла замуж и теперь живет отдельно.

— Выходит, ты осталась одна-одинешенька? — сочувственно произнес Артём Сергеевич. — Я не заметил, чтобы тебе кто-то звонил или встречал после работы. Или друг у тебя все-таки есть?

— Никому я не нужна, — грустно, но не без кокетства, судя по брошенному на него теплому взгляду, ответила Юлия и, вздохнув, добавила: — Было бы совсем одиноко, но спасает любимая работа, которая занимает все мои помыслы и время. Дома только ночую.

Она нравилась Артёму Сергеевичу, но, сознавая огромную разницу в возрасте, даже когда испортились отношения с женой, он и в мыслях далеко не заходил. Ему был непонятен женский интерес, который проявляла к нему Юлия. «Стар я для нее, — глядя в зеркало, убеждал себя Наумов, хотя его крепкая фигура, моложавое лицо и густые, зачесанные на пробор седые волосы говорили о том, что он еще может нравиться. — Какой из меня любовник? Только опозорюсь».

Юлия несколько раз после работы приглашала его в гости «на чашку кофе», но он не решался пойти навстречу ее желанию, хотя соблазн был велик. И главным препятствием, как честно признался себе Наумов, была не боязнь изменить Варе, верность которой хранил долгие годы. Царившая дома тоска, и взаимное отчуждение подготовили его к этому. Просто от воздержания он утратил мужскую уверенность и опасался, что окажется несостоятельным.

И только накануне премьеры телеспектакля принял ее приглашение, так как отказаться не мог. Выяснилось, что у Юлии день рождения. Артём Сергеевич об этом не знал и был очень смущен. Студенты, руководство клуба и профком МАИ преподнесли ей цветы, а он лишь сконфуженно

сказал:

— Поздравляю от всей души и желаю тебе счастья, Юленька! Прости, что не знал. Букет за мной!

— Вот сегодня ты мне его и преподнесешь! — ничуть не обидевшись, весело ответила она и приказным тоном добавила: — Прошу явиться ко мне с ним к семи вечера. И без опозданий!

Деваться Наумову было некуда «Ну, это все же не то, чтобы остаться с ней наедине, — мысленно успокоил себя. — Уйду вместе с остальными». Очевидно, Юлия заметила его смущение, потому что, улыбнувшись, сказала:

— Это рядовой день рождения, и никакой шумной компании у меня не будет. Придет только дочка с мужем и соседка по дому, с которой я дружу. Так что смокинг и бабочку надевать не обязательно.

И правда, когда Наумов, не поскупившись на шикарный букет и дорогие французские духи, появился в ее уютной квартирке, праздничный стол был накрыт только на шесть персон. Он немного запоздал, и гости уже были на месте.

— Знакомьтесь! Маститый ученый, но драматург только начинающий. Зовут — Артём Сергеевич, — весело представила его Юля. — Его пьесу вы скоро увидите по телевизору.

Она указала жестом на свою копию, только помоложе, и длинноволосого, похожего на дьячка парня.

— Это моя дочь Зоя и ее муж Вадим. Оба еще студенты.

— А я — лучшая подруга хозяйки, — самостоятельно представилась бойкая смазливая бабенка, сидевшая рядом с совершенно лысым толстяком в очках. — Мой жених Вадик, — небрежно кивнула она в его сторону. — Между прочим, он тоже ваш коллега, доцент.

Лысый с достоинством привстал, Наумова усадили рядом с хозяйкой, и пошел «пир горой». Когда уже достаточно выпили и закусили, по инициативе бойкой соседки включили магнитола и устроили «разминку». Доцент, несмотря на свой солидный вид, оказался лихим танцором, и они с Зоей выделяли причудливые па. Молодожены мало им уступали, и, зараженный общим весельем, Артём Сергеевич пригласил Юлю. Выпитое разгорячило кровь и, прижимая к себе ее податливое тело, он испытал уже подзабытое упоительное волнение.

— Ну, Артём, не ожидала, — горячо прошептала ему на ухо Юля, почувствовав сквозь платье его напрягшуюся плоть. — Неужели я тебе так нравлюсь?

Она прильнула к нему плотнее, и это тесное единение взволновало их

еще сильнее, порождая эротические фантазии.

— Останься, когда все уйдут! — обдав жарким дыханием, тихо попросила Юля, когда снова уселись за стол. — Тебе будет хорошо со мной, я знаю!

Наумов не ответил, но в тот момент ему, охваченному мимолетной страстью, казалось, что сам только об этом и думает. Но когда ушли к себе соседи и собрались домой молодые, он успел остыть, и им овладели прежние сомнения. Юлия уже не казалась ему такой привлекательной, и Артём Сергеевич, не без сожаления, решил: «Нет, только не сегодня! Боюсь, ничего не выйдет, да и не готов я еще изменить Варя!»

А когда молодожены ушли, сказал убиравшей со стола хозяйке:

— Мне хотелось бы у тебя остаться, но сегодня никак не смогу. Да и вообще нам обоим стоит подумать. Ты еще молода, и не такой, как я, тебе нужен.

— Мне это лучше знать, Артём, — бросив на него взгляд, полный сожаления, сказала Юлия. — Я думала, ты храбрее.

И проводив до дверей, больше не произнесла ни слова.

* * *

Наумов вернулся из гостей поздно. Был первый час ночи, и Варя уже спала. Он тихо разделся и скользнул, стараясь не разбудить жену, под одеяло, но она все же проснулась.

— Где ты был и почему не дал мне знать? — сурово спросила она, садясь на постели и приносясь. — Все! Можешь не отвечать. Ты пьян, и от тебя несет дамскими духами. До чего же ты докатился! — сквозь слезы сказала она, вставая и забирая свою подушку.

— Ты куда? Не дури! — придержал ее за ночную рубашку Артём Сергеевич. — Я тебе все объясню. Это совсем не то, что ты думаешь!

— Завтра поговорим! А сейчас мне спать с тобой противно, — гневно бросила Варя. — лягу у матери на диване. Мне рано вставать на работу.

Жена ушла, и Наумов ее не удерживал. Он устал, и ему хотелось спать. Зная характер Вари, собирался с ней объясниться наутро, когда немного успокоится. «Ладно, поговорим за завтраком, — решил Артём Сергеевич, засыпая. — Думаю, она меня амнистирует. Ведь я ей не изменил, и совесть моя чиста!» Но утром жена ушла на работу, когда он еще спал, а потом произошло такое, что им стало уже не до объяснений.

Домой Варя вошла с почерневшим лицом. В руках у нее был

надорванный конверт, и Наумов понял, что она достала письмо по пути из почтового ящика.

— Вот, почитай, — протянула ему Варя конверт, устало опускаясь на кушетку в прихожей. — Этот сукин сын бросил Танечку, а она беременна! Я туда поеду!

— погоди! Ты лучше расскажи мне, как это случилось, — с сочувствием сказал Артём Сергеевич, откладывая конверт в сторону. — В письме, наверное, очень личное, чего мне и знать не надо.

Он помог жене снять пальто, они прошли в свою комнату, сели на диван, и Варя расплакалась. Немного успокоившись, она вытерла слезы и рассказала:

— Альберт вконец запутался. Завел на службе любовницу, следователя прокуратуры, и на пару с ней за мзду выпускал пойманных преступников. Эта баба, — старше него и с ребенком, крепко держит Алика в руках, и, когда бедная Танечка, — глаза Вари вновь, наполнились слезами, — потребовала, чтобы он с ней порвал, наглая стерва учинила скандал и увела ее мужа с собой. А она беременная!

Варя разрыдалась, и Артём Сергеевич, понимая ее состояние, молча ждал, пока жена успокоится. Потом дал ей свежий носовой платок и сказал:

— И мне очень жаль Танечку. Особенно в ее нынешнем положении, когда она ждет ребенка. Альберт поступил с ней непростительно! Но, может быть, это и к лучшему. Бог знает, что делает.

— Чего же тут хорошего? — перестав плакать, недоуменно посмотрела на него Варя. — Они в церкви венчаны!

— Ну и что? Я же говорил тебе, что их брак непрочен, — напомнил ей муж. — Ничего путного не ждет Танечку с этим продажным ментом! Вряд ли он может исправиться и стать порядочным человеком. У Танечки слишком чисто плотная натура, чтобы с ним жить, если даже вернется.

— Ты хочешь сказать, что ей лучше одной воспитывать ребенка? — покачала головой Варя. — Отдать такого видного мужика этой стерве? Танечка ведь его любит!

— Ну и зря! Недостоин он ее любви, — убежденно произнес Артём Сергеевич. — И она там не одна. У Танечки — любящие родители, которые помогут ей, как и ее старшей сестре, когда та разошлась с мужем.

— Однако жена не вняла его доводам. — Нет! У той был никчемный муж, от которого она рада была избавиться. А у Танечки — совсем другое дело. И ее ребенок должен иметь отца! Я этого так не оставлю, — с воинственным пылом заявила Варя. — Танечка мне, как дочь! Поеду и напомню Альберту о клятве, которую дал перед венцом. Он же не

нехристь!

— А ты подумала, что будешь нелепо выглядеть? Это должны делать Танины родители, — возразил Наумов. — Альберт и разговаривать с тобой не станет.

— Это мы еще посмотрим! — с боевым задором заявила Варя. — Лена и ее муж, наверно, побоятся связываться с местной прокуроршей, а мне она не страшна. Я доберусь до начальства этой дряни, и мало ей не покажется!

— Зря храбришься! Скорее сама наживешь неприятности, — пытался охладить ее пыл Артём Сергеевич. — Местные органы связаны с уголовниками, — озабоченно добавил он, — и могут учинить всякое. Тут и до беды недалеко!

— Тогда поезжай со мной, если за меня опасаешься, — потребовала Варя. — Ты не то, что я, и эти подлецы не посмеют ничего нам сделать.

— На это мало надежды, когда всюду творится беспредел, — возразил Наумов. — И сейчас я не могу никуда уехать. На днях состоится премьеры телеспектакля.

Его отказ окончательно вывел из себя Варю.

— Ну вот, так я и знала! — вспыхнула она, вскакивая с дивана. — Для тебя важны только собственные интересы. В такой важный момент ты снова отказываешься мне помочь, хотя знаешь, чем это грозит!

— Ты несправедлива! — Возмутился он, тоже поднимаясь. — Когда это я тебе не помог? Не возводи напраслину!

Но разгневанная жена не стала его слушать и выбежала из комнаты.

* * *

Все попытки Наумова помириться и отговорить жену от поездки, которая, по его мнению, кроме неприятностей, ничего бы не принесла, окончились неудачей. Варя отказалась выслушивать его доводы и лишь враждебно бросила: — Не теряй зря времени! Я и так поняла, что мои горести тебя не кольшут. Занимайся своей постановкой или кем-то там еще, — она презрительно сощурилась. — А меня не дергай! Мне до отъезда надо посоветоваться с адвокатами.

Артём Сергеевич был не из тех, кто отступает, и добился бы решающего объяснения, если бы не помешали новые неприятности, внезапно свалившиеся на его голову. В семье «сибирской дочери» Лены произошла трагедия. Ее младший сын Игорь, еще школьник, сделался наркоманом. Об этом она сообщила в заказном письме.

Здравствуй, отец! Я бы к тебе не обратилась, но случилась ужасная беда. Игорек, на которого у меня были большие надежды, арестован и находится под следствием. В отличие от Алеши он занимался спортом, хорошо учился и даже выиграл школьную олимпиаду по математике. И вот такой удар!

Только сейчас выяснилось, что еще в седьмом классе товарищи втянули его в курение «травки», а потом и в употребление более серьезных наркотиков. Конечно, я виню себя, что проморгала это. Но, как репортеру, мне приходится много работать на выезде, и нет времени контролировать занятия Игоря, не говоря уже об Алеше, который давно предоставлен сам себе, но, слава Богу, уже взрослый.

Самое ужасное то, что Игорек не только употреблял наркотики, но чтобы на них заработать, дал себя вовлечь в распространение этой гадости. Сейчас ему грозит отправка в колонию для малолетних. Помогите спасти его, отец! Он талантливый и крепкий парнишка, а там наверняка погибнет. Я с ним говорила, и Игорек дал слово, что сумеет справиться с собой и никогда не прикаснется к этой отраве.

Все, что могла, я уже сделала. Наладила нужные контакты. Минимальное наказание для Игоря — осуждение условно, и добиться этого может только сильный адвокат. Но на него нужно много денег, которых у меня нет. Христом Богом прошу, умоляю выслать мне нужную сумму! Сколько, еще не знаю сама, но сообщу, когда все выясню. Прости, что доставляю тебе одни неприятности, но надеяться мне больше не на кого.

Лена.

Прочитав письмо, Наумов расстроился и долго сидел, плохо соображая и не зная, что предпринять. Проще всего было бы снова снять деньги со счета в Сбербанке, но его пугал еще один, и на этот раз более серьезный скандал с женой и тещей, грозящий окончательным крахом семейных отношений. «Нет, не поймет меня Варя, — огорченно думал он, пытаясь найти выход. — Если она так рассердилась из-за того, что взял у себя в долг на постановку пьесы, то теперь категорически будет против! Этих денег не вернуть, и, кроме того, я возражал, когда она хотела послать Тане. Нет у меня права ими распоряжаться!»

И все же, когда пришла Варя, он протянул ей письмо, хмуро сказав:

— Вот, почитай. У Лены случилась беда. Младший сын попался на продаже наркотиков. Ему грозит колония. Пропадет там ни за грош!

— А чему тут удивляться? Будто не знаешь, что детьми она не

занималась, и они росли, как сорная трава, — сухо отозвалась Варя, бегло пробежав глазами письмо. — Надеюсь, ты не собираешься снова снимать деньги с нашего, — она сделала паузу, чтобы подчеркнуть это, — валютного счета? Я не согласна!

— Иного я от тебя и не ожидал. Черствая ты стала, Варя, — с горечью упрекнул муж. — Ведь пропадет хороший мальчишка! И тебе его не жаль?

— Тебе же не жаль Танечку. Почему я должна всех жалеть? — парировала Варя. — И не такой он хороший, раз не только употребляет, но и продает наркотики.

— Ладно, успокойся. Не трону я этих денег. Тем более, что они еще не нужны, — ответил Артём Сергеевич, сдерживая охвативший его гнев. — Мы с тобой окончательно перестали понимать друг друга, Варя. Это невыносимо!

Боясь, что сгоряча наговорит жене много непоправимого, он оделся и вышел из дому. «Похоже, мой семейный корабль опять идет ко дну. Неужели мне суждено на старости остаться в одиночестве?» — печально думал Наумов, медленно шагая по улице «куда глаза глядят».

— Поеду-ка я к Гордону! Вот кто даст мне дельный совет, — пробормотал он, внезапно остановившись. — В это время они с Адой уже дома.

— Приезжай, Тёма! — радушно предложил Юрий Львович, когда старый друг позвонил ему из телефона-автомата. — Я как раз скучаю дома один. Адочка ушла навестить внуков.

Верный себе, он усадил гостя за журнальный столик, сделал на скорую руку коктейли, и лишь тогда уселся рядом, готовый внимательно выслушать своего друга.

— Ну что же, у тебя сейчас серьезный кризис, старик, — заключил он, когда Наумов излил свою душу, рассказав и о наметившемся романе с Юлией. — Но не руби с плеча с Варей! У всех к старости портятся характеры и охлаждаются отношения. Она — прекрасная жена, и вы слишком много прожили вместе, чтобы не прощать друг другу ошибки и слабости. — Мудрый профессор ненадолго умолк, размышляя, и убежденно добавил: — Но коли твоя жена хандрит и у вас неважно с сексом, мне кажется, легкий роман с молодой женщиной тебя и приободрит, и сделает терпимее. Заодно и «запасной аэродром» подготовишь, если разойдется с Варей.

— Все же для Юлии я слишком старый. Боюсь... не справлюсь, — замаявшись, честно признался Наумов старому другу. — Ну... в общем... ты меня понимаешь...

— Брось! А секс-шопы на что? Мне ли тебя учить? — смеющимися глазами посмотрел на него Гордон и полушутя посоветовал: — Купи подходящий муляж и, в случае чего он поможет. Хотя, старик, ты еще крепкий, и тебе вряд ли это потребуется.

Артём Сергеевич просидел у него еще более часа. Друзья обсудили все свои проблемы, коих хватало, так как знаменитый в прошлом институт, где теперь работал Юрий Львович, «дышал на ладан». И само собой, проклинали правительство за ужасное положение науки и низкий уровень жизни. Этот визит помог Наумову вновь обрести присущие ему уверенность в себе и силу духа.

* * *

Успех телеспектакля «Оборотень» был просто ошеломляющим. Зима в том году для населения страны выдалась особенно тяжелой. Из-за повсеместного воровства бюджетных денег вовремя не заготовили топливо и не произвели ремонт коммуникаций. Население, особенно в отдаленных районах, осталось без света и замерзло. По-прежнему задерживали зарплату, в семьях нечем было кормить детей, и они убегали из дому. Продолжала расти преступность — борьбы с ней, по сути, не велось.

Вот почему острая критика верховной власти, сросшейся с преступностью, и пример самоотверженной и успешной борьбы с мафией в этой пьесе, которую увидели миллионы телезрителей, был для них подобен глотку свежей воды для жаждущих в пустыне. Людям настойчиво внушалось, что честных людей нет, к власти приходят лишь стяжатели, связанные с криминалом, и противостоять мафии невозможно. А пьеса ломала это представление и призывала к борьбе.

Первым позвонил и поздравил Наумова Царев.

— Это просто замечательно! Пьеса показывает, что одолеть проклятую хунту можно, и есть у нас еще те, кто способен повести за собой народ, — горячо сказал он. — На московского мэра надежды уже нет, но найдутся другие. Русский народ велик. От души поздравляю! Ты сделал большое дело! — Владимир Иванович помолчал и восторженно добавил: — То ли еще будет! Вот увидишь, какая заварится каша. Начнется яростная полемика. Канал Уткина сделает все, чтобы посильнее возбудить людей против власти, а ее холуи, наоборот, подвергнут постановку жестокой критике. Скоро ты станешь знаменит!

И действительно, телеканал тут же устроил в прямом эфире широкое

обсуждение новой постановки с участием зрителей, журналистов и известных всей стране общественных деятелей. Создателей телеспектакля засыпали вопросами. Разумеется, большой интерес проявили и к доселе неведомому в литературных кругах автору пьесы. Первым делом все хотели знать, что побудило далекого от политики и искусства ученого создать драматургическое произведение, явно призывающее бороться против нынешней власти.

Артём Сергеевич предвидел, о чем его будут спрашивать, и заранее подготовил четкие и лаконичные ответы.

— Разве можно спокойно заниматься наукой, глядя на то, что творится вокруг? — сам задал он риторический вопрос аудитории. — Я долго ждал, что найдутся авторы и политики, которые призовут соотечественников сменить власть на такую, которая обеспечит им достойную жизнь. Но — не дождался, и тогда взялся за перо, — так объяснил он, почему стал литератором. — А телепостановку выбрал, как наилучшую возможность в доходчивой форме сказать об этом народу. — О своем политическом кредо Наумов вкратце сказал так: — Я уверен, что Россия, обладающая огромными природными богатствами, нищенствует лишь потому, что наши люди в отличие от граждан процветающих стран не умеют бороться за свои права. Властная элита присвоила себе то, что принадлежит им по праву, продолжает людей нагло грабить, а они это терпят. Но великий народ должен выдвинуть честных лидеров, способных организовать отпор преступникам, и дать ему достойную жизнь. Это — главная идея моего произведения.

Его ответы остро бичевали пороки власти, что не замедлила отметить поднявшая шумиху пресса. Продолжая эту кампанию, оппозиционный телеканал Уткина пригласил автора пьесы выступить в популярной передаче «Герой дня». Это дало возможность Наумову в ответах на вопросы ведущего более подробно изложить миллионам телезрителей мысли и идеи, которые он давно пытался передать им при посредничестве генерала Лебедея и «Отечества».

Эффект превзошел все ожидания. О нем заговорила пресса. Правда, слабые голоса тех, кто подхватил его предложения, потонули в дружном хоре прислужников власти, которые не жалели бранных слов, стараясь представить их автора оторванным от жизни мечтателем и демагогом. Но было достигнуто самое главное: Наумову удалось довести до сограждан суть своих предложений и высказать убедительные аргументы в их пользу. Это подтвердил телефонный звонок Максименко.

— Ну, поздравляю! Ты стал знаменитостью. Не ожидал, — мягким

баритоном, будто между ними и не было размолвки, проворковал Николай Павлович. — Но, должен тебя по-дружески предупредить: теперь тебе надо быть осторожнее. Могут попытаться заставить тебя молчать. Я знаю, что говорю.

— Я не из трусливых, — холодно ответил Артём Сергеевич. — К тому же «ружье выстрелило», и я сказал людям все, что хотел. Теперь уже нет смысла затыкать мне рот.

— Не скажи, — с искренней тревогой возразил Максименко. — Твои противники хорошо знают, что повторение — мать учения. На этом основаны пропаганда и реклама. Если вдабливать в головы одно и то же, эффект непременно будет! Не пренебрегай моим советом! Тебе нужна охрана, и я могу в этом помочь.

— Дашь денег или приставишь телохранителя? — с иронией спросил Наумов, почувствовав горечь при воспоминании о прошлом разговоре. — Решил изменить своему правилу? Нет уж, как-нибудь обойдусь без твоей помощи. Будь здоров! — сказал он и положил трубку. Желания возобновлять дружбу с Николаем Павловичем у него не было.

Но дальнейшее подтвердило, что опытный бизнесмен Максименко прав. Не прошло и двух дней, как дома его и Варю стали доносить анонимные звонки с угрозами. Неизвестные голоса и в вежливой, и в самой грубой форме требовали одного и того же: чтобы немедленно прекратил политические выступления, и занимался «своей наукой».

Он уже был готов к этому шантажу, но жена пришла в состояние, близкое к панике.

— Ты знаешь, что мне сказал какой-то негодяй? — в ужасе сообщила она после звонка очередного анонима. — «Уйми своего старого козла, иначе мы ему все кости переломаем! Раньше времени наденет белые тапочки». Неужели нельзя поймать и наказать этих подонков? А что, если они исполнят свою угрозу?

— Не бери в голову! Меня просто пытаются запугать, — постарался успокоить ее Наумов, хотя и не слишком верил в то, что говорил. — Не пойдут они на это. Слишком большой выйдет скандал, а власти он невыгоден.

— Зря ты так думаешь, — горячо возразила Варя. — Видно забыл, как избивают даже известных журналистов. Депутатов расстреливают! Эти наглые негодяи, уповая на свою власть, ничего не боятся.

Артёму Сергеевичу на это сказать было нечего, и он предложил:

— А почему бы тебе не отправиться погостить у сестры Лены? Ты ведь туда собиралась. За это время звонки прекратятся. Не то они тебя

изведут.

— Я собиралась туда из-за Танечки. Но она легла в больницу на сохранение ребенка, и сейчас мне ехать незачем, — ответила Варя и, с укором глядя на мужа, добавила: — Неужели ты думаешь, что я могла бы уехать, когда тебе угрожает опасность?

— Раз так, то наберись мужества и не принимай близко к сердцу звонки шантажистов, — потребовал он. — Я не поддамся на их угрозы и, наоборот, усилю активность. Мной написана статья во влиятельную газету, в ней я разношу власть за детскую беспризорность и наркоманию. Сообщу об угрозах журналистам и в милицию. Вот увидишь, скоро они кончатся!

Говоря это только для того, чтобы успокоить жену, он не подозревал, что окажется прав и угрожающие звонки прекратятся.

* * *

Следующий день начался для Наумова с большой неожиданности. Ему позвонили из приемной Анохиной. «Катерина Великая», как и прежде, занимала высокий государственный пост. С их последней встречи прошло уже несколько лет, но он видел ее по телевидению. Она возглавляла комитет по гражданской авиации, и статная фигура этой обласканной фортуной женщины часто мелькала на экране то в новостях, то в специальных репортажах корреспондентов.

— Это членкор Наумов? — спросил наглый голос, по-видимому ее помощника, и, после подтверждения, важно сообщил: — Вас приглашает к себе Екатерина Васильевна. Просит прибыть завтра к десяти. Надеюсь, вы сможете? — его тон не допускал отказа.

— Постараюсь, — коротко ответил Артём Сергеевич и поинтересовался: — А по какому вопросу? Скажите мне суть, чтобы я мог подготовиться.

— Этого не требуется, — так же коротко ответил помощник. — Она сказала, что разговор будет конфиденциальным. Скорее это не служебный вопрос.

Наумов был крайне заинтригован, и с нетерпением ждал встречи, теряясь в догадках о причине интереса к нему «Великой» после стольких лет забвения. «Наверное, хочет поговорить о пьесе, — устав ломать голову над этой загадкой, решил он. — Видно, смотрела по телевизору и поражена ее общественным резонансом».

Как оказалось, он был недалек от истины. Анохина приняла его

чрезвычайно любезно и задушевным тоном, который Наумову был знаком еще с тех пор, когда она возглавляла комсомольский комитет их НИИ, без обиняков сказала:

— У меня для тебя важная и очень приятная новость. Есть мнение, — Анохина выразительно подняла глаза к небу, — к семидесятипятилетию наградить тебя орденом «За заслуги перед Отечеством». Да ты садись, — с дружеской улыбкой указала на кресло перед своим столом. — Расскажи по старой памяти, как твои личные дела! О здоровье не спрашиваю. И так вижу, что выглядишь молодцом.

— А я думал, что разговор пойдет о моей пьесе. Все только и интересуются телепостановкой, — удивленно сказал Артём Сергеевич. — Как ученый, я давно уже никому не нужен. Странно, что там, — он тоже повел вверх глазами, — обо мне вспомнили.

— Об этой постановке тоже поговорим. Там, — глаза Анохиной вновь указали в высь, — очень недовольны, что ты, видный ученый, занялся политикой. И это в то время, когда близится юбилей, и они собираются тебя чествовать! Где же твой здравый смысл, Наумов? — мягко пожурела она его. — Одумайся, пока не поздно!

— Все ясно, — нахмурился Артём Сергеевич, осознав, зачем позвали. — Тебе, Катюша, поручили призвать меня к порядку. А орден — морковка для осла, чтобы стал послушным. Скажи честно, ты «Оборотня» смотрела?

У «Катерины Великой» сразу пропала любезная улыбка, и взгляд сделался жестким. Она откинулась на спинку кресла и сухо одернула:

— Не следует со мной говорить таким тоном! Надеюсь, ты не забыл, что стал членкором при моем содействии? — Однако, вспомнив о возложенной на нее миссии, Анохина смягчила тон. — Видела ли я твою постановку, не имеет значения. Если честно, была в это время далеко отсюда, в Америке. Важно другое. Ты занялся не своим делом и досаждаешь верховной власти. Ну будь разумным, — снова дружески улыбнулась она. — Это же в твоих интересах. Оттого, что занялся политикой, будут одни неприятности! — «Великая» сделала паузу и привела неотразимый аргумент: — Солженицына и то никто не слушает. И его «мочить» побаиваются. Как-никак — мировой авторитет. А на тебя выльют ушаты грязи! Да и время такое, — понизила голос, выразительно на него глядя, — что ты рискуешь, — она замялась, подбирая слова, — потерять... здоровье.

В ее предупреждении была правда и, сознавая суровые последствия, Наумов растерянно молчал. Но угрозы всегда действовали на него как

красная тряпка на быка. Он решительно поднялся.

— Извини, Катюша, если подвел, но тебе давно пора понять, что меня купить нельзя. Разве ты, бывший вожак комсомола, не видишь, что кругом делается? Сама хорошо устроилась, а каково другим? В каком положении сейчас наука и культура? — И горячо продолжил: — Александр Солженицын не только большой писатель. Он — совесть нашей нации и давно указал конкретный путь, как обустроить Россию, чтобы народ наконец добился достойной жизни. Но нынешняя власть его не «мочит» лишь потому, что из-за океана его призывы не доходят до широких масс населения.

Идеи Александра Исаевича верны и конструктивны. Однако осуществить их должны мы сами! — Наумов направился было к двери, но на полдороге остановился. — А орден я не возьму, если даже наградят. Из рук воровской клики он мне не нужен. Ты, Катюша, можешь с ней иметь дело, а мне не позволяет совесть, — бросил он ей с укором. — Буду бороться, ибо, как сказал какой-то киногерой: «За державу обидно!»

— Ладно, прощай! — с недовольным видом, но беззлобно бросила ему вслед «Великая». — Хороший ты человек, Артём, но непрактичный. Мне тебя жаль!

* * *

То, что с ним произошло в тот черный день, Наумов потом воспринимал не иначе, как кару Господню. А погода с утра была расчудесная, и все казалось бы шло наилучшим образом. До полудня он пробыл в редакции солидного еженедельника, который принял к публикации его критическую статью о духовной деградации общества, как основной причины упадка производства, культуры и роста преступности. Верстка статьи была уже готова и, исправив ошибки, он поехал на телестудию, где участникам постановки «Оборотня» должны были выплатить гонорар.

Получив его, труппа решила отпраздновать свой успех, и Артём Сергеевич с Юлией отправились со всеми в ближайшее кафе, где для приличия часок посидели с молодежью. Но когда начались бурное веселье и братание, тихо «по-английски» ушли, предпочитая продолжить празднование вдвоем, вдали от их шумного общества. Взяв такси и доехав до центра, они отыскивали уютный ресторанчик и сели в уголке за маленький столик в ожидании официанта.

— Заказ буду делать я, — с улыбкой заявила Юлия, заметив, как ее спутник с озабоченным видом пересчитывает содержимое бумажника. — Знаю, что ты свой гонорар перевел на книжку. Что, маловато осталось?

— Пожалуй, я соглашусь, — немного сконфуженно ответил Артём Сергеевич. — Думал, что нам хватит, но оказывается, почти все отдал ребятам. Но будем считать, что ты приглашена мною!

Обстановка в ресторане была интимной, негромко играла приятная музыка, и все располагало к откровенности. Когда принесли заказ, и они выпили по бокалу шампанского, горячо глядя на него, Юлия спросила:

— Мне показалось, что в последнее время ты старательно меня избегаешь и боишься остаться со мной наедине. Это правда?

— Не совсем так. Просто не чувствую себя готовым, — немного поколебавшись, честно ответил Наумов. — Мне ты очень нравишься, и меня к тебе влечет, но...

Он смущенно умолк, не зная, как объяснить тот сумбур, который творился в его душе, и боль сомнений, терзавших душу.

— Неужели столь сильны препятствия? Опасаешься жены? — бросив на него пытливый взгляд, огорченно спросила Юлия. — Но по тебе же видно, что ваш брак себя изжил и, насколько знаю, детей у вас нет. Что же тебя останавливает?

— Очень многое, — поник головой Артём Сергеевич. — На протяжении долгих лет жена была мне верным другом, и всем, чего достиг, я обязан ей. Тому, что последнее время между нами произошло охлаждение и мы перестали понимать друг друга, есть объяснение..

— Ты счел, что причина во мне, и поэтому избегаешь? — не выдержав, отозвалась Юлия. — Но разве это выход, если тебе дома плохо? Жизнь ведь одна!

— Вот именно. И ее надо прожить по совести, — понурившись, ответил Наумов. — Не жена виновата в происходящем, а обстоятельства. Она перенесла операцию... по гинекологии, — неловко замявшись, пояснил он. — После нее секс стал ей в тягость. Думаю, это сильно повлияло на наше взаимопонимание, — он с трудом подбирал слова, — так как мне... это... еще требуется.

— Тем более! — перебила его Юлия, которой казалось, будто она все понимает. — Ты мужчина, и у тебя нет второй жизни. Надо получать от нее все! И я ведь не требую, чтобы ты бросил жену.

— А как быть с совестью? Мы же не мусульмане, — грустно покачал головой Артём Сергеевич. — Не смогу я обманывать жену. Да и Варя неталой человек, она не сможет смириться с этим.

— Тогда уйди от нее ко мне! — порывисто подавшись к нему, предложила Юля. — И, — добавила она с улыбкой, — обретешь вторую молодость. Секс — главное в семейной жизни, и серьезная причина для развода.

— В молодости, — понуро возразил Наумов. — А на старости лет из-за этого не расходятся. Меня совесть замучит, если брошу жену, которая посвятила мне лучшие годы своей жизни. И потом. — он смущенно опустил глаза, — мне грозит та же участь и с твоей стороны. Уж больно велика разница в возрасте.

Душевная мука, прозвучавшая в его голосе, заставила Юлию задуматься. Но она все же упрямо тряхнула головой и, наполнив бокалы, предложила:

— Давай выпьем за то, чтобы сама судьба разрешила эту проблему, и наши мечты осуществились! Люди не должны отравлять себе остаток жизни и держаться друг за друга лишь из благодарности за прошлое. Кроме секса, их должно объединять родство душ и творческих интересов. И у нас с тобой это есть!

«А что, ведь она права! Наша взаимная тяга обусловлена не только физическим влечением, — мысленно согласился Наумов. — Живем лишь один раз! Может, и пригодится «запасной аэродром», если дома станет неважно...»

Они выпили всю бутылку шампанского, потом еще одну, переговорили обо всем, что волновало, и изрядно захмелели. Возвращаясь на такси, жарко обнимались, но, когда Юлия предложила переночевать, Артём Сергеевич, ласково сжав ей руку, отказался.

— Нет, Юленька, не сейчас. Мы не юнцы, чтобы торопиться, — извиняющимся тоном мягко объяснил он. — Я хочу, чтобы все было достойно и останусь у тебя, если решусь расстаться с женой. Пойми меня и не сердись!

Когда он подъехал к своему дому, было уже поздно. Хмель давал себя знать, Наумова немного развезло, и он, пошатываясь, вошел в подъезд, не глядя по сторонам и мечтая поскорее очутиться в постели. Поэтому, подойдя к лифту не заметил, как со стороны лестничной клетки к нему метнулись две тени. Нажав кнопку, он ждал лифта, когда получил страшный удар кастетом по голове и, не успев даже крикнуть, словно подкошенный, рухнул на пол, теряя сознание. Как подонки били его ногами, Артём Сергеевич уже не чувствовал.

Глава 17

Спасение — дело своих рук

Первое, что увидел Наумов, когда пришел в сознание и открыл глаза, было встревоженное лицо жены. Сначала он даже подумал, что ему это снится, столь расплывчатым и каким-то нереальным оно выглядело на фоне белых стен больничной палаты. Но когда муж пришел в себя, лицо Вари расцвело радостной улыбкой, и изображение сфокусировалось. Лишь тогда Артём Сергеевич понял, что видит ее наяву, что он жив, и сразу все вспомнил.

— Наконец-то, дорогой! Слава Богу! — прослезившись, благодарственно произнесла она, наклоняясь к нему и прикоснувшись к его лбу легким поцелуем. — Как себя чувствуешь? Голова сильно болит?

— Терпимо. А где я нахожусь? — слабым голосом спросил Артём Сергеевич, скосив глаза на ту часть палаты, которую мог видеть. — Меня крепко покалечили? Болит бок, — пожаловался, сделав попытку повернуться. — Не могу пошевелиться.

— А тебе нельзя. Лежи спокойно, — повеселев от того, что муж уже нормально разговаривает, наказала ему Варя. — Ничего страшного нет. Два ребра сломано и ушиб головы. Но, слава Господу, череп цел и лишь небольшая гематома. Тебя спасла меховая шапка!

Не зная, как еще выразить свою радость, она с любовью погладила его по руке, лежащей поверх одеяла, и весело сказала:

— Полежи тихо, родной! Тебе еще вредно много разговаривать. Сейчас схожу к лечащему врачу. Он просил сразу сообщить, когда оклемаешься.

Вернулась она вместе с доктором, еще молодым, но уже лысым мужчиной, тот, отпуская шуточки, проверил состояние больного и весело изрек:

— Ну, у вас просто богатырское здоровье, батенька. Те удары, которые вы получили от неизвестных негодяев, других бы ваших сверстников, да и людей помоложе вполне могли бы отправить на тот свет. А у вас дело быстро идет на поправку.

— Поймали хоть этих негодяев? — вопросительно поднял на него глаза Артём Сергеевич. — Какие-нибудь бомжи или грабители?

Веселое выражение на лице доктора исчезло.

— Думаю, что их не поймают, — нахмутив брови, сказал он. — На

бомжей это совсем не похоже и на грабителей тоже, хотя били кастетом профессионально. То, что похитили бумажник, но не взяли норковой шапки, которая спасла вам жизнь, скорее говорит об инсценировке ограбления.

— Выходит, спецслужбы, — еле слышно заключил Наумов. — Вы же, наверно, знаете от жены, что мне угрожали...

— Скорее всего это так, — тоже тихо согласился врач и, повеселев, добавил: — Но вы, батенька, им еще зададите перцу. Мы вас быстро поставим на ноги! У нас все смотрели вашу постановку и надеются, что вы не сдадитесь!

Он ушел, и Варя снова присела на стул рядом с койкой.

— Все наши друзья переживают за тебя и желают скорейшего выздоровления. Газеты сообщили о нападении, но в большинстве связывают с разгулом уголовщины, и лишь некоторые придают ему политический характер. Наверное, так властям выгоднее, поскольку я всем, кто интересовался, рассказала о звонках с угрозами. — Варя немного помолчала и, погладив ладошкой его руку, мягко упрекнула: — Напрасно ты меня успокаивал. Мое сердце чувало, что добром это не кончится. Но теперь и я считаю: мириться с этой преступной кликой нельзя! Конечно, бороться с ней очень опасно. И все же кто-то ведь должен пойти на это! Иначе ничего хорошего нас не ждет.

«Вот она, Варя какая! Вся в этом, — подумал Артём Сергеевич, глядя на ее постаревшее, но все еще красивое лицо и чувствуя, как прежняя любовь наполняет его душу. — Ее совесть сильнее естественного для человека эгоизма. Само собой, она не желает рисковать, но, если дело касается высшей справедливости, ничего не побоится». Он слегка сжал ее ладошку в знак согласия и сказал:

— Хорошо, что ты это поняла. Если все будут трухатать, как эта клика надеется, то с ней не справиться. Лучше расскажи: что нового? Как дела у Танечки?

— Она в больнице. Беременность развивается нормально. Блудный муженек ее навещал и, похоже, хочет вернуться, — коротко сообщила Варя. — Но если из-за прокурорши бросит с ребенком, я этого так не оставлю! — Слегка поколебавшись, она добавила: — Звонила Лена. Я ей перевела тысячу из тех пяти, что ты мне дал. Понятно, в рублях. Говорит, адвокат поручился, что вытащит Игоря из этой переделки.

«И в этом Варя тоже! Не в угоду мне это сделала, а пожалев мальчишку. Она добрая и отходчивая», — благодарно подумал Наумов. Вслух же только сказал:

— Ну и хорошо. Как дела у друзей?

— Да вроде все в порядке. Володя Царев рвется тебя повидать, — улыбнулась Варя. — У него какие-то важные новости. А Коля Максименко проявил о тебе заботу. Приставил охранника. Здоровенного амбала. Сидит в коридоре. И эту отдельную палату оплатил он. Сейчас, сам знаешь, все за деньги. Я протестовала, так как хотела сделать это сама, но он настоял. Говорит, для него это необременительно.

— Зря ты согласилась, — поморщился Артём Сергеевич. — Мне не хотелось у него одалживаться. Но и правда для него эти расходы — сущие пустяки.

— Он тоже хочет с тобой повидаться. Говорит, нужен твой совет, — сообщила Варя. — Что ему передать?

— Пусть немного подождет. Очень болит бок, — ответил ей муж. — А Володе скажи, чтобы пришел. Хочу узнать, что у него за новости.

— Хорошо, дорогой! — согласно кивнула Варя. — Если позволят врачи, завтра он будет у тебя.

* * *

Царев вошел в палату с сияющим видом. Это удивило Наумова, так как его оппозиционно настроенный друг всегда выглядел недовольным и яростно возмущался происходящим. Он присел возле кровати, положил на тумбочку новый детектив и радостно сказал:

— Я только что от врача. Ты просто молодец! Быстро поправляешься. Вот это, — указал жестом на принесенную книжку, — поможет тебе не скучать и поменьше думать о делах. Отдыхай и набирайся сил! Тебя ждет большая работа.

«Интересно, о чем скажет? Володя явно приготовил сюрприз, — мелькнуло в голове у Наумова. — Произошло что-то хорошее». И он вопросительно взглянул на друга, с любопытством ожидая объяснений.

Царев немножко его подразнил, выдержав паузу, и весело сообщил:

— Могу обрадовать. Наконец-то у нас появились — достойный политический лидер и общественное движение, на которое можно надеяться, что оно будет способно противостоять правящей хунте!

— Ты уверен в этом? — недоверчиво взглянул на него Артём Сергеевич. — Ну и кого ты имеешь в виду?

— Разумеется, не твоего мэра. Он со своими сторонниками влился в «партию власти» Путина, и на нем теперь можно поставить крест, —

язвительно произнес Владимир Иванович и открыл то, с чем пришел: — Известный тебе депутат Думы, отставной генерал Ермолаев, решил избавить Россию от правящих паразитов.

— Это — тот генерал, который возглавлял пограничную службу? — припомнил Наумов. — Он ушел в отставку, протестуя против потворства контрабандистам со стороны верховной власти. А в Думе руководил каким-то важным комитетом и вроде бы не выступал против Путина.

— Вот именно. Он не пустомеля, чтобы зря сотрясать воздух, — одобрительно заметил Царев. — Генералу давно «за державу обидно», но не было сил и средств, необходимых для борьбы за власть.

— А сейчас есть? Откуда появились? — все еще недоверчиво спросил Наумов.

— Ну, сторонников у Ермолаева и раньше было много. Он не только честный и порядочный офицер, — с уважением ответил Царев. — Это не «темная лошадка», вроде Лебеда, а наш коренной москвич, образованный и культурный человек. Его поддерживали армейские круги, а теперь к ним прибавились и промышленные. Далеко не все крупные предприниматели довольны тем, что творит Путин со своими приближенными.

— Я так понял, что образовалось новое общественное движение, которое он возглавляет? — спросил Артём Сергеевич. — Ты считаешь, что у них есть шансы противостоять «партии власти»?

— Да, и на предстоящих выборах президента России он сможет побороться за власть, — убежденно ответил Владимир Иванович. — Ермолаев обладает необходимой для этого харизмой. — Сделав паузу, он кратко охарактеризовал генерала: — Иван Андреевич — представительный и очень симпатичный внешне. С безукоризненной репутацией. Хороший оратор. Но главное: ДПН — созданное им «Движение за права народа» имеет четкую программу улучшения жизни наших людей, которая привлекла сотни тысяч сторонников.

— А почему ты сказал, что меня ожидает большая работа? Имел в виду мое участие в этом движении? — спросил Наумов. — Думаешь, они во мне нуждаются?

— У меня был обстоятельный разговор с помощником Ермолаева. Он сказал, что они высоко ценят твои публичные выступления, разделяют высказанные тобой идеи и будут рады, если примкнешь к ДПН, — объяснил Царев. — А покушением на тебя возмущены и выделяют охрану, чтобы такое не повторилось.

Ненадолго воцарилось молчание; Наумов обдумывал то, что услышал от Царева. С одной стороны, его обрадовало, что появился «свет в конце

туннеля» и есть движение, а главное — достойный политический лидер в лице генерала Ермолаева, способный повести за собой народ и добиться смены пагубного для страны режима. Но с другой — ему не хотелось вновь испытать разочарование.

— Ну что же, я охотно встречусь с руководством ДПН, когда поправлюсь, — подумав, ответил он другу. — Но не слишком верю, что они согласятся с моими предложениями. До сих пор их никто не принимал. А ты знаешь, что я намерен помогать только тем, кто собирается реально улучшить жизнь народа!

— Знаю, и об этом тоже шла речь, — заверил его Царев. — В ДПН понимают, что не привлекут к себе сторонников других партий и движений, если в отличие от них не убедят народ в том, что поднимут уровень его жизни.

— Хорошо, посмотрим, — принял решение Артём Сергеевич. — А теперь расскажи, что происходит в Академии наук и как у тебя дома. Дочка-то пишет? С кем она там общается, кроме немцев? Не забывает родной язык?

Вместо ответа Владимир Иванович вынул из кейса фотоальбом и стал показывать красочные снимки «ненашенной жизни» своей дочери, вышедшей замуж за австрияка. О делах и политике они больше не говорили.

* * *

Вскоре после ухода Царева в палату возвратилась Варя, принесла свежие фрукты и овощи. Вымыв их и положив на тарелки, она села около постели мужа и, несмотря на его протесты, стала потчевать с рук, уговаривая, как маленького:

— А ты, дорогой, ешь «через не могу»! Это — витамины, которые тебе сейчас необходимы. Между прочим, — сообщила она, убирая тарелки, — к тебе рвутся артисты и режиссер спектакля. Они озабочены случившимся, и хотят пожелать скорейшей поправки. Ну как? Не очень устал после посещения Володи?

— В общем, немного устал, — честно признался Наумов. — Но Юлию Петровну, режиссера, если она здесь, приму. А молодежь не надо. Скажи им, — попросил он, — что нельзя, и вежливо спровадь!

— Так и сделаю. Эта дама здесь, и я приглашу ее подняться, — сказала Варя и, бросив на него проницательный взгляд, добавила:

— Мне придется на пару часов отлучиться. Надо заехать на работу, — она покраснела. — Не скучай! Пусть режиссерша за тобой поухаживает.

«Неужто Варя что-то про нас знает? — молнией мелькнуло в голове у Артёма Сергеевича. — Хотя это вполне возможно. И наши разговоры по телефону, и мои поздние возвращения домой могли навести ее на эту мысль». Но вслух, не глядя жене в глаза, сказал:

— Поезжай! Если мне что понадобится, попрошу Юлию Петровну.

Когда Наумов увидел вошедшую Юлию, то сделал попытку приподняться и повернуться к ней лицом, но лишь застонал от боли. Сломанные ребра давали себя знать.

— Прости Юленька, но мне придется говорить с тобой лежа, — удрученно сказал он, когда, положив коробку дорогих конфет на тумбочку, она села рядом, стараясь унять волнение. — Зря ты это принесла, — показал глазами на конфеты. — У меня всего в избытке.

— Да уж, заботой ты не обделен. Видела твою жену. Говорят, она от тебя не отходит, — не скрывая ревнивого чувства, сказала Юлия. — Лучше признайся, как сильно покалечили эти негодяи. Врачи говорят, будто все обошлось, но я им не верю. Газеты писали, что избили зверски!

— Врачи говорят правду, оглушили кастетом, а когда упал, пинали так, что сломали ребра. Но голову спасла шапка, и внутренние органы не повреждены, — успокоил ее Артём Сергеевич. — Сейчас все быстро заживает.

— Ну, слава Богу! — облегченно вздохнула Юлия. — А я уж перепугалась, что они из тебя инвалида сделали. Это, конечно, месть за твои выступления. Теперь ты, надеюсь, бросишь политику? Зачем тебе лезть в эту грязь и иметь дело с преступниками? Пиши пьесы! Если не будешь много болтать, никто тебя не тронет.

Артём Сергеевич был задет за живое.

— Выходит, по-твоему, мои выступления — пустая болтовня? — оскорбленно сказал он, нахмутив брови. — И надо позволить подонкам безнаказанно убивать тех, кто хочет жить честно? Не ожидал от тебя такой слабости, Юля! Лично я не намерен мириться с преступниками и сделаю все, чтобы их власти пришел конец!

— Ну почему ты поступаешь так неразумно? — в глазах Юлии появились слезы. — Давай писать и ставить пьесы! В них и будешь разоблачать преступную власть. Не разменивай себя и не рискуй здоровьем. Оно тебе пригодится, — улыбнулась она сквозь слезы, — когда будем жить вместе.

Юлия сказала это так уверенно, словно вопрос был уже решен, и

Наумов растерялся. Он действительно решил его для себя, но совсем не так, как она думала. В больнице ему стало особенно ясно, что любовь к Варе не только не угасла, а приобрела новую силу. «Что же мне делать? — его донимала мучительная мысль о необходимости объяснить Юлии, что она заблуждается. — Как более деликатно ей об этом сказать?» Так и не придумав ничего подходящего, Артём Сергеевич с грустью произнес:

— А мне, Юленька, по здравом размышлении кажется, что с нашей стороны это было бы безумием. И пора с этим кончать!

— Вот, значит, как? Струсил! — от неожиданности у Юлии округлились глаза, и, вспыхнув, она язвительно бросила: — Или подонки сделали тебя инвалидом?

— Нет. Ни то и ни другое, — пропустив мимо ушей шпильку разочарованной женщины, тихо ответил Наумов. — Постарайся выслушать, что тебе скажу, и ты, надеюсь, меня амнистируешь.

Юлия опустила голову, и он мягким, отеческим тоном произнес:

— Ну, будь благоразумной! Мне уже восьмой десяток. Что хорошего я могу тебе предложить? Только, как в старом анекдоте, — пошутил мрачно: — «стать моей вдовой». Тебя увлекает такая перспектива? Или тебе, женщине в расцвете лет, хочется стать сиделкой при безнадежно больном? — Артём Сергеевич печально вздохнул и ласково заключил: — Не обижайся, Юленька. Я трезво себя оцениваю и не могу поступить безответственно. Делить со мной несчастья обязана только жена, которая достойно несет свой крест, и я тоже никогда ее не брошу.

Однако его слова навряд ли смягчили Юлию, так как обида на ее лице не исчезла. Она медленно поднялась и, нервно поправив очки, с неподдельной горечью бросила на прощание:

— Никогда не берись решать за женщину, что ей нужно! Ты прожил жизнь и должен знать, что иногда и одного дня счастья хватает человеку на долгие годы. Особенно если он до этого никогда его не испытывал!

Наумов не нашел слов для ответа и лишь грустно проводил ее взглядом.

* * *

Максименко заявился на следующий день сам, не дожидаясь приглашения. Когда он вошел в палату, Наумов не узнал старого друга. Одетый, как всегда, дорого и солидно, тот утратил свой обычный респектабельный и самодовольный вид. Костюм был помят, лицо плохо

выбрито, да и выглядел тот хмурый и озабоченным. Николай Павлович был моложе него почти на пятнадцать лет, но обрюзг, расплылся и сейчас, чем-то расстроенный, казался стариком.

Подойдя к постели друга, он достал из пакета подарочную коробку виски и, поставив на столик, сказал:

— Рад, что у тебя все обошлось. Могло быть и похуже! А это, — указал жестом на коробку, — лучшее шотландское виски. «Блэк лейбл»! Знаю, что ты его не пьешь, — с усмешкой добавил он, заметив неодобрительную реакцию больного, — зато это хороший подарок для врача. Такое ему не по карману.

— Напрасно принес. И вообще, Коля, — хмуро произнес Артём Сергеевич, — не стоит тебе проявлять обо мне такую заботу и тем более тратиться. Сам знаешь, что мы с тобой принципиально разошлись во взглядах.

— Брось дуться! А как же пресловутый «плюрализм мнений»? Ты же горой за него, — примирительно произнес Максименко. — Мы слишком давние друзья, чтобы ссориться из-за того, что по-разному смотрим на вещи. И то, что я для тебя делаю, идет от души! — Однако на сердце Наумова еще осталась тяжесть от их прошлой размолвки, и ее причина не казалась ему пустячной. Он хотел сказать об этом Максименко, но тот его опередил. — Я пришел к тебе, Тёма, не для того, чтобы выяснять отношения, — озабоченно сказал он. — И не узнавать, как здоровье. Мне это известно. У меня серьезные неприятности, — потупившись, признался он и грузно опустил на стул возле кровати. — Хочу посоветоваться с тобой, и мне нужна твоя помощь!

— А что случилось? Нелады с бизнесом? — удивленно поднял брови Артём Сергеевич. — Чем я могу тебе помочь? Как поперли из министров Николаева, у меня и связей-то никаких не стало.

— Бизнес мой в порядке. Дело не в нем. То, что случилось, еще хуже, — глядя в пол, мрачно признался Максименко. — Меня выгнала из дома Валюша. Не хочет больше жить со мной вместе. Я все потерял, Тёма, — поднял он на друга глаза, в которых застыли слезы. — И жену, и все, что нажил! А ведь вот-вот, как и у вас с Варей, исполнится сорок лет со дня нашей свадьбы.

— Что же все-таки произошло? И почему ты все потерял? — недоумевая, спросил Наумов, пораженный тем, что услышал. — Ничего не понимаю. Вы так дружно жили!

— В общем-то дружно, хотя проблемы иногда возникали, — с убитым видом сказал Николай Павлович. — А потерял все потому, что и дом в

Мамонтовке, и городская квартира формально принадлежат Валюше. И все личные счета тоже на ее имя. Теперь это достанется какому-то проходимцу, — с отчаянием произнес он. — Ведь она еще очень красивая и привлекательная женщина!

— Не думаю, что ты остался ни с чем. У тебя, как у владельца страховой компании, наверно, солидные счета в банках. Да и на Валечку не похоже, чтобы из-за формальностей она поступила с тобой несправедливо, — усомнился Артём Сергеевич. — Может, объяснишь все же, что произошло? Неужели у Валечки появился другой? Не могу поверить этому!

— Если не появился, то будет. И не отдаст мне ни гроша из мести, — мрачно объяснил ему Максименко. — Весь сыр-бор вышел из-за девки, моей бывшей секретарши. В общем, — замялся он, — я некоторое время с ней встречался. Даже купил квартиру. Она неплохо на мне поживилась и делала вид, что довольна.

— А Валечка об этом узнала? — не выдержав, перебил его Наумов. — Или кто-то, чтобы досадить ей, тебя выдал?

— Да ничего Валюша не знала, и не было у нас неладов на этой почве, — горько поморщился Николай Павлович. — Эта девка сама ей все открыла! Решила шантажировать меня — «взять на пузо»!

— Секретарша от тебя забеременела? — осуждающе покачал головой Артём Сергеевич. — Как же ты это допустил?

— Неизвестно от кого, и вообще, правда ли это, — опустил голову Максименко. — Верно лишь то, что шантажистка потребовала, чтобы я на ней женился. Дескать, хочет иметь законнорожденного ребенка. — Он нервно сглотнул слюну. — Само собой, я дал ей полный отлуп. Валечку я люблю и изменял лишь иногда «с жиру», для разнообразия. И хотя уверен, что забеременела та не от меня, предложил хищнице хорошие деньги.

— А она их не взяла и пошла ва-банк? Надеется все же вас развести? Может, ты ей что-то обещал?

— Чего только не пообещаешь, когда хочешь добиться своего, — отвел глаза Максименко. — Девка молоденькая, хороша собой, как фотомодел, и кочевряжилась. Но сама должна была понимать нереальность своих притязаний, и потом, я ясно дал ей понять, что наш брак невозможен.

— Понимаю. Твое положение не из легких, — выразил ему сочувствие Наумов. — И тебя не осуждаю, ибо такова жизнь, хотя думаю, что этого бы не случилось, будь у тебя меньше денег. Вот она — изнанка богатства! — Он немного подумал и не слишком уверенно пообещал: — Трудно сказать, что получится, но попробую вас помирить. Ситуация очень тяжелая. Если

девушка и впрямь беременна, да еще от тебя, это все осложняет. Но при любых обстоятельствах вам с Валечкой нельзя расставаться! Потому, что вы не только прожили вместе сорок лет и вырастили двоих сыновей. Вы все еще любите друг друга и не будете счастливы порознь. К тому же и у вас старость не за горами. А девице придется помогать, если родит.

* * *

Бог дал Наумову крепкий организм, выздоровление шло быстро, и вскоре он выписался из больницы. Валечка Максименко не выходила на связь, не отвечая ни по городскому, ни по мобильному телефону, и было похоже, что она уехала погостить к родным на Волгу. Поэтому, отложив ее примирение с мужем до того, как вернется, Артём Сергеевич договорился о встрече с руководством ДПН и лично с генералом Ермолаевым.

Офис ДПН занимал два этажа в «сталинском» здании недалеко от центра Москвы. У входа дежурили бравые парни в камуфляже. Сначала Наумова очень любезно принял средних лет блондин в штатском, судя по выправке, бывший военный. Представившись секретарем политсовета ДПН, он бегло просмотрел документы и сообщил, что генерал со своим заместителем его уже ждут.

В просторном кабинете с дорогой мебелью и большим телевизором находились генерал Ермолаев, знакомый Наумову по передачам из Государственной думы, и неизвестный тучный мужчина, зычный голос которого, хотя они оба были в штатском, выдавал в нем человека, привыкшего командовать войсками.

Генералы беседовали, сидя за совещательным столом, но когда он вошел, сразу повернулись к нему.

— Членкор Артём Сергеевич Наумов! — по-военному четко объявил блондин.

— Можете быть свободны, — сказал ему Ермолаев и любезно указал Наумову на место напротив себя. — Присаживайтесь, Артём Сергеевич! Надеюсь, вы меня уже знаете, а это, — он сделал жест в сторону толстяка, — мой первый помощник Якунин Виталий Павлович, как и я, генерал в отставке.

Наумов сел, положив перед собой документы, и тучный Якунин, изучающе на него глядя из-под лохматых бровей, вежливо сказал:

— Мы очень рады вашему выздоровлению, и надеемся, что подобное с вами больше не случится. Ну а если будем сотрудничать, примем

соответствующие меры.

— И я, если вы разделяете мои взгляды, буду посильно содействовать целям движения — сразу «взял быка за рога» Наумов. — Они мною высказаны публично и четко сформулированы в предложениях, которые были переданы вам, когда я лежал в больнице, профессором Царевым. Вы с ними ознакомились?

— Мы их читали, — подтвердил Якунин, — и находим весьма перспективными в предстоящей политической кампании, но излишне радикальными. Их нужно очень тщательно проработать совместно с вами, а пока хотелось бы услышать: что из предлагаемого вы считаете наиболее важным?

«А толстяк очень умен, — отметил про себя Артём Сергеевич. — Вероятно, он — главный стратег в той политической борьбе, которая будет предшествовать выборам президента России». Вслух же ответил:

— Самыми важными я считаю предложения, которые выделяют кандидата от ДПН в глазах избирателей, обеспечат победу на выборах. Я их перечислю и хочу услышать ваше мнение. — Возражений не последовало, и он продолжал: — Во-первых — отчисление гражданам России доли от реализации природных ресурсов страны. Это сразу поднимет их благосостояние и покончит с нищетой. Прецедент имеется в ряде мусульманских стран, где богатства недр считаются достоянием всех граждан. Нашим же в этом отказано, и огромные доходы получает лишь кучка ловкачей. Что вы на это скажете?

Очевидно, этот вопрос уже обсуждался, потому что лидер ДПН, переглянувшись с Якуниным, сразу ответил:

— Мы считаем этот ход очень сильным. Граждане Кувейта, получая малую долю только от продажи нефти, не знают нужды, а недра России неизмеримо богаче, не говоря уже о других природных ресурсах. Но у нас есть сомнение в возможности это реализовать.

— Нас просто затопчут СМИ, контролируемые правительством и олигархами, — озабоченно добавил стратег ДПН. — Вываляют в смоле и перьях! «Демагоги» и «популисты» будут самыми слабыми ярлыками. Разыграют испытанное против коммунистов пугало уравниловки и развала производства без хозяина. А у нас, — он удрученно развел руками, — нет трибуны, чтобы доказывать свою правоту.

— Но без этого ДПН не получит существенного преимущества перед другими, которые будут сулить золотые горы, не подкрепляя ничем реальным, — возразил Наумов. — Только за счет «природной ренты» можно быстро поднять благосостояние граждан России! А на

информационную блокаду еще большевики изобрели противоядие.

— Вы имеете в виду митинговщину? — скептически отозвался Якунин. — Она не слишком эффективна, и другие ее тоже используют.

— Нет. Я предлагаю печатать листовки, поскольку такая агитация достигнет любого уголка страны. Успех этого метода и принес победу большевикам.

Якунин больше не возражал, и лидер ДПН заключил:

— Ну что ж, Артём Сергеевич, вы меня убедили. Мы проведем более точные расчеты и обсудим этот вопрос на политсовете. Что еще наиболее важно?

— Я придаю важное значение всем своим предложениям, — с улыбкой ответил Наумов. — Но остановлюсь на том, которое, как и право на долю природных богатств, вызовет наибольший отклик у населения. Это — прекращение засилия рекламы на телевидении. Какое удовольствие от фильма или сериала, когда они все время прерываются рекламой? Телезрители уже давно негодуют и, обещая упорядочить это, ДПН получит огромное число сторонников!

— Согласен! Телевизор для большинства сельчан и жителей глухих уголков страны — единственная возможность почерпнуть духовную пищу, отдохнуть и развлечься. А неумеренная реклама, особенно во время передач, мешает этому, — высказал одобрение Ермолаев. — Только у нас в стране такой «рекламный шабаш». Пора положить ему конец! Мы включим этот пункт в предвыборную программу, и народ нас поддержит!

— Коли так, вы можете полностью на меня рассчитывать, — не стал скрывать радости Артём Сергеевич. — Я всегда верил, что народ выдвинет политических лидеров, способных защитить его права, и это случилось. Если программа ДПН будет отвечать чаяниям граждан России, успех придет!

— Но ее ведь надо еще довести до народа. Предвыборная кампания требует огромных средств, а мы по сравнению с «партией власти» и КПРФ — бедняки, — посетовал Якунин. — У нас есть поддержка финансово-промышленных кругов, но ее недостаточно для победы. В этом главная проблема!

— Финансы важны, спору нет, но они — не главное, — убежденно возразил ему Наумов. — И они не помогут, если у ДПН не будет программы, которая завоюет голоса избирателей!

— Я с вами согласен, — поддержал его Ермолаев. — Вы не будете возражать, если мы введем вас в политсовет нашего движения?

— Не вижу причин отказываться, — без жеманства ответил Наумов. —

Думаю, что могу принести ДПН пользу и способствовать вашей победе на благо народа.

— Тогда до новой встречи! — вставая, заключил Ермолаев. — Мы будем, Артём Сергеевич, держать с вами постоянную связь.

Довольно улыбаясь, все вышли из-за стола. Генералы с чувством пожали Наумову руку, и он покинул офис ДПН, преисполненный радостной надежды.

* * *

Валентина Максименко «нашлась» сама. Наумовы завтракали, когда она им позвонила.

— Привет! — словно ничего не произошло, произнесла Валечка своим мелодичным голосом. — Как поживаете?

«Похоже, они помирились. Это было бы здорово, — обманутый ее бодрым тоном, облегченно подумал Артём Сергеевич. — Прямо гора с плеч свалилась!» Но он ошибся.

— Я только что прилетела с Кипра. Пробыла там недельку, чтобы поправить настроение. Ты ведь знаешь, что мы расстались с Колей? — голос у Вали дрогнул, по-видимому, от подступивших слез. — В общем, я живу одна. Дай мне Вареньку!

Наумов передал трубку жене, и они долго говорили по телефону, причем Варя больше слушала, поддакивая подруге или отвечая короткими репликами. Когда, наконец закончили, ему удалось выяснить следующее.

— Валечка живет одна в Мамонтовке и ни с кем не встречается. Переживает из-за разрыва с мужем и не желает с ним мириться, — огорченно сообщила Варя. — Не принимает даже сыновей, которые требуют от нее, чтобы простила отца. Но она непреклонна. И я с ней солидарна!

— А мне кажется, что ты напрасно ее поддерживаешь, — осторожно возразил Артём Сергеевич. — Оказываешь ей «медвежью услугу»! Что хорошего в том, что она останется одна, после того, как прожила с мужем почти сорок лет, отдав ему свои лучшие годы? Неужели не может простить его за ошибку? Ведь дело идет к старости.

— Ничего себе — ошибка! — гневно возвысила голос Варя. — Коля ее предал. Это ведь не случайная «слабость по пьянке», и не спонтанный поступок, вызванный внезапным страстным порывом. Муж завел постоянную любовницу, которая заявляет, что ждет от него ребенка. По

сути, вторую семью! Такого Валечка ему не простит.

— А Коля говорит другое, — Наумов не сдавался больше из мужской солидарности. — Да, он поддался страстному порыву, и это объяснимо, если учесть, что та красива, как фотомодель. Помнишь пословицу: быть молодцу не в укор. Но он не относился к ней всерьез и тем более не собирался заводить вторую семью.

— Как же! Купил ей квартиру, и она намерена родить, — отмела его доводы Варя. — Просто, разбогатеv, Коля повел себя, как турецкий паша. Вообразил, что ему все дозволено. Валечка призналась, что с ним стало тяжело жить. Слова против нельзя было сказать. А она еще не старуха и прекрасно выглядит. Уж ей-то не грозит одиночество!

— Не скажи! Ей все же пошел шестой десяток, — не согласился Артём Сергеевич. — Что же, по-твоему, можно сорок прожитых лет бросить «псу под хвост»? Нет, Валечку надо уговорить сменить гнев на милость! Коля искренне раскаивается, сильно переживает, и это больше не повторится. — И счел нужным добавить: — А эта «модель» скорее всего блефует. Она так молода и хороша собой, что вряд ли решилась родить, не будучи замужем. Коля говорит, что остерегался, и если, — предположил он, — она и впрямь забеременела, то не от него, а от своего бой-френда. — Заметив, что его доводы достигли цели, и Варя задумалась, он постарался развить успех и добавил: — Ты сделаешь доброе дело, если убедишь Валечку не горячиться и хорошо подумать. Их нужно помирить, и они будут нам благодарны. Мы снова вместе отпразднуем сорок лет совместной жизни, как тогда на Байкале тридцатилетие!

Добрая улыбка, разгладившая лицо Вари, и азартный блеск, появившийся в ее серых глазах, без слов сказали Артёму Сергеевичу, что жена с ним согласна и сделает все, чтобы брачный союз их друзей остался нерушимым.

* * *

Свой свадебный юбилей Наумовы по традиции отпраздновали в том самом ресторане гостиницы «Москва», где сорок лет назад вместе с Анфисой Ивановной, свидетелями и друзьями, бывшими в загсе, отметили регистрацию своего брака и после ему уже не изменяли.

С тех пор из тех друзей и свидетелей никого не осталось, кроме Царевых, но и они гостили у дочери в Австрии. Мать Вари, которой уже перевалило за девяносто, не вставала с постели.

Таким образом, на этот раз отправились туда лишь вчетвером с помирившейся четой Максименко, поскольку их друзья Доброшины, вместе с которыми праздновали тридцатилетие брака на Байкале, поддержать компанию отказались. Последние годы они жили, как кошка с собакой, и кривить душой, изображая любящих супругов, не хотели.

Николай Павлович пытался уговорить юбиляров пойти в более фешенебельное место, так как когда-то очень модный и уютный ресторан «Седьмое небо» окончательно захирел, и публика в нем была уже далеко не той, что прежде. Но они держались твердо, и Максименко неохотно подчинился.

Однако эстрадный оркестр там, как и раньше, был на высоте, еда — сносная, а напитки, как и всюду. К тому же этот столик на четверых и непринужденное веселье простой публики живо напомнили им первую встречу на Чистых прудах в кафе «Черный лебедь». Тогда они были молоды, полны любви и прекрасно вчетвером провели время. Эта ассоциация еще больше повысила их настроение. Им по-прежнему было хорошо и весело вместе. Николай Павлович галантно ухаживал за Варей, а Валя во время танцев не отпускала Артёма Сергеевича.

— Не перестаю тебе удивляться! Ты по-прежнему отличный партнер. Годы тебя не берут, — похвалила его Валя, когда, лихо станцевав румбу, они возвращались на место. — Если объявить, что тебе семьдесят пять, никто здесь не поверит. Тьфу, тьфу! — суеверно поплевала она через плечо. — Так держать!

— Рад стараться, ваше благородие! — шутливо отдавая честь, пообещал Артём Сергеевич. — Буду держаться сколько смогу. Хотелось бы подольше.

— Так и будет! Бог все видит и дает здоровье тем, кто приносит пользу, — с искренним расположением к нему сказала Валя, усаживаясь и расправляя свое красивое платье. — А ты можешь сделать еще многое. Хочу выпить за здоровье Артёма! — обратилась она к мужу и Варе, которые тоже вернулись на место. — Прошу наполнить бокалы!

Они дружно выпили, закусили, и Николай Павлович, всегда блиставший красноречием, произнес в честь юбиляров пространный панегирик. После того как у него с женой восстановились мир и лад, он вновь обрел самоуверенный вид и чувство собственного превосходства.

— Сама судьба соединила нас много лет назад и в вашем лице наградила нас с Валюшей верными друзьями. Вы недавно снова доказали это, — торжественно начал он, бросив на Наумовых благодарный взгляд, — и поверьте, мы у вас не останемся в долгу! — Николай Павлович набрал в

грудь воздуха и с театральным пафосом произнес: — Вы оба замечательные люди! Ты, Тёма, талантливый ученый и гражданин с большой буквы, болеющий душой за страну и своих соотечественников. У тебя, Варенька, добрая открытая душа, и ты всегда готова прийти на выручку. Но и мы тоже, — он сделал многозначительную паузу, — не последние люди! Недаром нас Бог отметил удачей! И мы докажем вам это своей поддержкой в том большом деле, которое начал Артём. Мы так решили! Не правда ли, Валюша? — Валя утвердительно кивнула, а Наумовы недоуменно переглянулись. — Я знаю, что лично вам моя помощь не нужна. Однако мне известно, что ты, — продолжал он, одобрительно взглянув на Артёма Сергеевича. — Вошел в политсовет ДПН. Это движение набирает силу, и генерал Ермолаев, похоже, именно тот лидер, который нужен России. Он не повернет ее вспять и наведет в стране законный порядок. Даже если станет диктатором, вроде Пиночета, все равно будет лучше. — Наумов хотел возразить, но Максименко, остановив его жестом, заключил: — Мы можем спорить, но сходимся в главном. Ты, Тёма, примкнул к правому делу, и ДПН необходимо решительно поддержать. Передай Ермолаеву, — скосив глаза на жену, он приосанился, — что я готов внести в их фонд довольно кругленькую сумму, и пусть его люди со мной свяжутся. — Николай Павлович высоко поднял свой бокал. — Как видите, и бизнесмены могут принести пользу народу. Давайте выпьем за успех правого дела и за наше единство во всем! А потом оставим заботы на завтра и от души повеселимся!

* * *

Заседание политсовета ДПН началась с краткого доклада Ермолаева о задачах на ближайший период. Завершая его, он подчеркнул:

— Нашим главным козырем является программа, которую мы предложили народу. Она в отличие от других содержит конкретные меры по повышению жизненного уровня, борьбе с преступностью, наркоманией и падением нравственности. Наши предложения изложены в доступной форме и убедительно обоснованы. Это должно принести успех! — Выдержав должную паузу, генерал добавил: — Нам трудно рассчитывать на победу в предстоящей кампании, хотя к ней нужно стремиться. Мы — новое движение, сила инерции велика, и еще многие могут к нам отнестись с недоверием. Тем более что большинство СМИ в руках власти и олигархов, которые сделают все возможное, чтобы его усилить. — Он

снова на миг прервался и заключил: — Если на этот раз проиграем, но наберем столько голосов, что покажем себя новой силой, это станет залогом нашей будущей победы. Даже сохранив власть, Путин не выполнит обещаний, которые даст народу. И граждане России поймут, что их чаяния сможем осуществить только мы!

В прениях его основным оппонентом выступил член совета ДПН, губернатор одного из крупнейших регионов страны.

— Боюсь, что без доступа к СМИ мы не сможем занять даже второе место, — сказал он. — Нас так оболъют грязью и подорвут доверие, что оболваненные избиратели не отдадут нам свои голоса. Предлагаю, первым делом пустить все средства на то, чтобы установить контроль хотя бы над одним каналом телевидения.

Ему ответил генерал Якунин.

— Все средства нам надо пустить на создание ячеек ДПН в регионах страны. В данной ситуации только их активность и разъяснение народу преимущества нашей программы может принести успех, — резонно объяснил он губернатору. — Ваше предложение правильное, и мы его реализуем, когда будет возможность. От бизнеса к нам поступает все больше средств.

Тучный генерал обвел глазами присутствующих и, указав на нового члена совета, уважительно сказал:

— А в разоблачении клеветы в СМИ мы очень надеемся на нашего ученого, Артёма Сергеевича. Он уже оказал неоценимую помощь в доведении «до ума» предвыборной программы. Теперь же его авторитет и убедительность выступлений в прессе и на телевидении позволят опровергнуть клевету и привлечь на нашу сторону избирателей. Эфирное время нам предоставят, но очень важно, — подчеркнул он, — эффективно его использовать!

— А верно ли делать ставку на Артёма Сергеевича? — с сомнением спросил самый молодой член совета, моряк с Дальнего Востока. — Он в годах, и недавно на него уже покушались. Сумеете вы обеспечить его безопасность? Пусть лучше поможет в подготовке пропагандистских материалов.

Ответил ему сам Ермолаев:

— Сейчас в опасности жизнь всех граждан, а не только у актива нашего движения. И мы сознаем это, вступив в схватку с преступной властью. Поэтому принимаем меры, и Наумов уже получил надежную охрану.

— А какой от нее толк? — скептически бросил моряк. — Она даже не

помогла Герою России, боевому генералу Рощину!

— Не забывайте, что генерал Рощин был простым строевым офицером, и его поддерживали лишь бывшие армейские товарищи, вместе с которыми он нес службу и воевал. Поэтому, и был незащищен против спецслужб, — объяснил Ермолаев и многозначительно добавил: — А у нас сохранились там не только связи, но и появилось много новых сторонников. В обеспечении безопасности все решает информация. Надо знать, что замысливает противник!

— Хотелось бы услышать, что скажет сам Наумов, — подал реплику молчаливый мужчина в очках, представитель военно-промышленного комплекса.

— Меня не запугать угрозами, — ничуть не бравидуя, ответил Артём Сергеевич. — Я прожил большую жизнь, немало повидал на своем веку, и мне умереть не страшно. Тем более за правое дело. Если бояться, противника не победить! — Он сделал паузу и перевел разговор в другое русло. — Хочу обратить ваше внимание на дополнительные козыри, которые мы можем использовать в борьбе за симпатии и голоса избирателей. Кроме обещания решить их насущные проблемы. Я имею в виду активную позицию ДПН в вопросах нравственного оздоровления общества.

— Нельзя ли поконкретнее? — попросил кто-то из присутствующих.

— То, что творится на книжном рынке, в прессе и на телевидении, порождает бездуховность и рушит нравственные устои. Это ведет к деградации общества и росту преступности. Но никто не противостоит этому. Если мы поднимем флаг борьбы против пропаганды беззакония, насилия и порнухи, заполонившей страницы изданий и телеэкраны, то дополнительно получим огромное число наших сторонников.

— Считаю, что инициатива Артёма Сергеевича заслуживает внимания. Все с этим согласны? — Лидер ДПН обвел глазами присутствующих. Никто не возражал, и он заключил, обращаясь к автору. — Тогда попрошу подготовить предложения для обсуждения на очередном заседании. У нас... все вопросы? — повернулся он к секретарю совета.

— Все, кроме одного, не относящегося к текущим делам, — сказал красавец блондин, бросив многозначительный взгляд в сторону Наумова.

— А-а, действительно, — как бы вспомнив, подтвердил Ермолаев. — Прошу вас проинформировать членов совета!

Секретарь откашлялся и, улыбаясь, объявил:

— У нашего уважаемого ученого в наступающем году знаменательная дата. Ему исполняется семьдесят пять. Он человек скромный и против

шумного чествования. Но мы считаем, что этот юбилей имеет общественное значение, и ДПН должно взять на себя его организацию. Не возражайте! — улыбнулся Наумов в ответ на его протестующий жест. — Ваша жизнь является примером честного служения своему делу, России, и проведение юбилея укрепит авторитет нашего движения.

— Считаю это предложение очень полезным и, более того, — поддержал его генерал Якунин, — мы должны добиться для Артёма Сергеевича государственной награды к юбилею и почетного звания академика.

— А реально ли это, учитывая его оппозиционные взгляды? — усомнился кто-то из членов политсовета.

— Вполне, — авторитетно подтвердил лидер ДПН. — В награде не откажут из приличия, а в Академии его взгляды разделяет большинство. Наука сейчас в загоне. Поддержат из принципиальных соображений.

Все одобрительно зашумели, и Артём Сергеевич не стал перечить своим новым товарищам по борьбе, хотя понимал, что ими руководят не только уважение к нему и интересы дела, но и извечное для россиян пристрастие к халяве. Конечно, все понимали, что шумиху вокруг юбилея ученого можно использовать в целях пропаганды, но радовались и возможности хорошо погулять на общественный счет.

Следуя в сопровождении охраны к ожидавшей его машине, Наумов был преисполнен оптимизма. «Ну что же, как говорил Остап Бендер, лед тронулся! — радостно подумал он. — Наш народ начинает выходить из состояния политической апатии. Если так пойдет и дальше, и ДПН не свернет с намеченного пути, то победа не за горами. Россия возродится как великая, сильная и, главное, богатая держава. Наш народ обретет достоинство и заживет на зависть другим. Я верю, что рано или поздно так будет!

Эпилог

Воспоминания о прожитой жизни сильно утомили Артёма Сергеевича, и он почувствовал непреодолимую слабость. Дыхание было стеснено. Ему казалось, что вот-вот потеряет сознание.

«Да уж, ничего не скажешь! Насыщенной и бурной была моя жизнь, как, впрочем, и жизнь всего моего поколения, — подумал он, мысленно подводя ей итог. — Чего только не довелось пережить! И самую кровопролитную войну на своих плечах вынести, и строить коммунизм, и потом все разрушить. Быть свидетелем и участником великих исторических событий!»

Старый академик приоткрыл глаза и бросил угасающий взгляд в сторону окна, за которым ярко светило солнце.

«А жизнь продолжается, и, надеюсь, станет лучше. Может, новое поколение окажется счастливее нашего? Да, многогрешной была моя жизнь! Я совершал непоправимые ошибки. Не отдал должное, пока была жива, маме. Не послушав ее, женился и потерпел фиаско. Из-за гордыни потерял дочь, и на много лет затормозил научную карьеру, — с горечью вспоминал и перечислял он свои неудачи. — Но самой главной ошибкой, чуть не ставшей роковой, была та, когда поддавшись советам родных, едва не потерял Варю!»

Сердце Артёма Сергеевича снова пронзила боль, и дышать стало совсем трудно.

«Наверное, это — конец! — осознал он то, к чему уже давно был готов. — Я мог бы, наверное, прожить отпущенные мне годы лучше. Но одно утешает. Никогда и никому я не сделал подлости. Жизнь прожил честно...»

Это было последнее, о чем подумал академик Наумов.

Конец